

СУДОПРОИЗВОДСТВО В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ:

антология
научной мысли
и практика
правоприменения

Судопроизводство в арбитражных судах:
антология научной мысли и практика правоприменения

Сборник
научных трудов
Одиннадцатого
арбитражного
апелляционного суда

ISBN 978-5-6044246-2-9

9 785604 424629

**Судопроизводство в арбитражных судах:
антология научной мысли и практика
правоприменения**

Сборник научных трудов
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда

Под редакцией Н. Р. Сафяевой

Самара
2020

УДК 347.9
ББК 67.410
С89

Рецензенты:

Болгова Виктория Владимировна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования, Заслуженный работник высшего образования Самарской области, советник ректора Самарского государственного университета путей сообщения;

Рыбаков Олег Юрьевич – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

С89 Судопроизводство в арбитражных судах: антология научной мысли и практика правоприменения : сборник научных трудов Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда / под ред. Н. Р. Сафаевой. Самара : ИП Зуев Сергей Анатольевич, 2020. – 256 с.

ISBN 978-5-6044246-2-9

Издание представляет собой сборник научных и научно-практических работ в области юриспруденции.

Первый раздел сборника в честь празднования 75-летия Победы содержит материалы, связанные с биографией самарских юристов – участников Великой Отечественной войны. Последующие разделы посвящены отдельным актуальным вопросам правореализации в области корпоративных, обязательственных, конкурсных, налоговых, процессуальных и иных правоотношений, а также содержат обзоры правоприменительной практики Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда в области энергоснабжения и субсидиарной ответственности в делах о банкротстве.

УДК 347.9
ББК 67.410

ISBN 978-5-6044246-2-9

© Коллектив авторов, 2020

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги, читатели!

Вашему вниманию представлен сборник научных и научно-практических работ в области юриспруденции.

Настоящий сборник является дебютным опытом подобной научной деятельности для Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда.

Инициатива по формированию и изданию сборника в первую очередь продиктована положениями статьи 33.3 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», которые среди прочего относят к полномочиям арбитражного апелляционного суда – обобщение и анализ судебной практики, подготовку предложений по совершенствованию действующего законодательства.

В целях более эффективного осуществления названных полномочий видится перспективным привлечение к сотрудничеству представителей правовой науки, а также неравнодушных представителей юридического сообщества, обладающих практическим опытом судебной работы.

Консолидация общих усилий в названной области неизбежно внесет посильный вклад в повышение уровня правовой культуры и правосознания нашего общества.

Кроме того, в этом году наша страна празднует 75-летие Победы в Великой Отечественной войне.

Столь знаковое событие не могло остаться в стороне для судей и сотрудников Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда. Помимо иных праздничных мероприятий, запланированных в ознаменование беспрецедентного героизма нашей Родины, мы посчитали необходимым на страницах представленного вашему вниманию сборника уделить внимание и вспомнить непосредственных участников тех событий, ветеранов Великой Отечественной войны, оставивших знаковый след в юриспруденции.

В связи с чем первый раздел сборника посвящен ветеранам – сотрудникам юридических факультетов Самарского государственного университета и Самарского государственного экономического университета – кузниц самарских юристов.

РАЗДЕЛ 1. ПОМНИМ И ГОРДИМСЯ

Ветераны Великой Отечественной войны юридического факультета Самарского университета

Вниманию читателей представлено описание героического жизненного пути участников Великой Отечественной войны, посвятивших впоследствии себя юриспруденции и юридическому образованию.

Беспалов И. Т., Волкодаев Н. Ф., Марков В. А., Плюхин Н. В., Торкановский Е. П., Шейфер С. А. являются знаковыми представителями юридического сообщества, признанными профессионалами, воспитавшими целую плеяду юристов.

Вечная память героям, нашим учителям.

Второй раздел сборника посвящен актуальным проблемам правоприменительной практики арбитражных судов. В центре внимания авторов статей находятся отдельные вопросы правореализации в области корпоративных, обязательственных, конкурсных, налоговых, процессуальных и иных правоотношений. При этом отрадно наблюдать ряд значимых теоретических наработок в составе сборника, без сомнения, усиливающих его научную составляющую.

Третий раздел сборника является результатом активной совместной аналитической работы судей и сотрудников отдела анализа, статистики и обеспечения судопроизводства Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда. В частности, вниманию читателя представлено два последних обзора судебной практики нашего суда, посвященных соответственно спорам, вытекающим из договоров энергоснабжения и субсидиарной ответственности в делах о банкротстве.

Выражаю надежду, что выработанные в результате практической деятельности и закрепленные в изложенных обзорах судебной практики правовые позиции позитивно отразятся на формировании единообразия правовых подходов при разрешении судами конкретных споров, обозначенных выше категорий.

В заключение хотелось бы озвучить искренние слова благодарности всем авторам, принявшим участие в формировании настоящего сборника и еще раз поздравить коллег с наступающим Днем Великой Победы, пожелать мира, здоровья, благополучия и новых профессиональных свершений!

Наиля Равильевна Сафаева

***Безверхов Артур Геннадьевич,**
декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева»,
доктор юридических наук, профессор*

***Юдин Андрей Владимирович,**
и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального
и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева»,
доктор юридических наук*

На юридическом факультете Самарского университета работали замечательные преподаватели и ученые-юристы – участники Великой Отечественной войны.

Весомый вклад в развитие учебного процесса и науки юридического факультета внесли участники войны и труженики тыла: доцент Николай Федорович Волкодаев, доцент Валериан Андреевич Марков, доцент Николай Васильевич Плюхин, профессор Семен Абрамович Шейфер, доцент Игорь Трофимович Беспалый.

Никого из них, к глубокому сожалению, сейчас уже нет с нами. Военные события все дальше и дальше отдаляются во времени, однако память о наших коллегах, вынесших все тяготы военного времени, навсегда сохраняется с нами.

Хотим предложить вашему вниманию биографии участников войны, оставивших глубокий след в истории юридического факультета.

Волкодаев Николай Федорович

Николай Федорович Волкодаев родился в поселке Первомайский Кинель-Черкасского района Куйбышевской области 18 января 1924 года.

Николай Федорович окончил 7 классов школы и Кинель-Черкасский сельхозтехникум. Он был призван в армию в феврале 1942 года.

Волкодаев Н. Ф. воевал на Сталинградском Юго-Западном и Третьем Украинском фронтах, был четырежды ранен.

Он являлся командиром взвода противотанковых ружей, заместителем командира стрелковой роты по строевой части, командиром стрелковой роты.

Волкодаев Н. Ф. демобилизовался в декабре 1945 года.

Николай Федорович обучался в Саратовском юридическом институте имени Д. И. Курского.

С 1950 года Волкодаев Н. Ф. работал в Ростове-на-Дону, где дошел до должности заместителя председателя областного суда.

В Куйбышевской области Волкодаев Н. Ф. работал в должности председателя Кировского районного суда города Куйбышева, заместителем председателя Куйбышевского областного суда.

В 1969 году состоялась защита кандидатской диссертации Волкодаева Н. Ф. Этому предшествовало его обучение в заочной аспирантуре Саратовского юридического института.

На Куйбышевском факультете ВЮЗИ (Всесоюзного юридического заочного института) Волкодаев Н. Ф. прошел путь от старшего преподавателя кафедры уголовного права до декана факультета (1974 г.).

В связи с ликвидацией Куйбышевского факультета ВЮЗИ, Волкодаев Н.Ф. перешел на работу в Куйбышевский госуниверситет (юридический факультет), где занял должность заместителя декана по вечернему и заочному обучению.

С 1986 г. по 1999 г. Волкодаев Н. Ф. являлся доцентом кафедры юридического факультета.

Волкодаев Н. Ф. имел как военные, так и гражданские награды. Он был награжден двумя орденами Красной Звезды и Отечествен-

ной войны I степени, двенадцатью медалями, знаками отличия, имел почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», «Ветеран труда».

Перу Николая Федоровича принадлежат научные труды, в т. ч. монография «Правовая культура судебного процесса», учебные и учебно-методические пособия, посвященные различным аспектам уголовного процесса, правоохранительной деятельности и судостроительства.

Николай Федорович Волкодаев скончался 6 мая 2010 года.

Марков Валериан Андреевич

Родился 22 ноября 1927 года. Окончил Соловецкую школу юнг (проходил обучение в период 1943–1944 гг.). После окончания направлен в действующую армию, на Черноморский флот. Служил в качестве моряка торпедного катера в качестве стрелка, торпедиста, моториста. Принимал участие в боевых действиях в акватории Черного моря, Дуная. Участвовал в освобождении Крыма, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Одессы.

Награжден медалями им. адмирала Ушакова, «За взятие Вены», «За взятие Бухареста», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», «За оборону Заполярья», Орденом Отечественной войны I степени, знаками отличия «Ветеран Северного флота», «Ветеран Черноморского флота».

Окончил службу в рядах Вооруженных Сил в 1948 году, после чего был демобилизован.

Марков В. А. работал в должности доцента кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Валериан Андреевич Марков скончался 7 июля 2011 года.

Плюхин Николай Васильевич

Плюхин Николай Васильевич родился 26 октября 1924 года в селе Волхонщино Кондольского района Пензенской области.

Плюхин Н. В. в 1941 году окончил с отличием Волхонщинскую общеобразовательную школу, а весной 1942 года призван на воен-

ную службу и направлен на обучение в Саратовское военное училище № 1, затем переведен в Камышинское танко-самоходное училище, которое окончил летом 1943 года и получил офицерское звание.

Осенью 1942 года Плюхин Н. В. был направлен в действующую армию в качестве командира ИССУ-152, где до конца войны служил в различных воинских частях Первого и Третьего украинских фронтов.

В 1950 году Плюхин Н. В. окончил с отличием Куйбышевскую юридическую школу.

Работая в органах прокуратуры, Плюхин Н. В. прошел путь от должности помощника прокурора района до начальника отдела общего надзора Куйбышевской областной прокуратуры.

С 1960 года Н. В. Плюхин начинает преподавательскую деятельность на Куйбышевском факультете ВЮЗИ. С сентября 1980 г. Николай Васильевич трудился на юридическом факультете Куйбышевского госуниверситета.

В 1973 году им была защищена кандидатская диссертация на тему «Дисциплинарная ответственность по трудовому праву». В 1977 году присвоено ученое звание доцента.

Сферой научных интересов Плюхина Н. В. являлись вопросы трудового права, в частности, разрешение трудовых споров.

Плюхин Н. В. являлся автором монографий, научных статей и методических разработок.

Николай Васильевич Плюхин скончался 5 апреля 2013 года.

Шейфер Семен Абрамович

Семен Абрамович Шейфер родился 28 декабря 1924 года в городе Пензе.

В годы Великой Отечественной войны он самоотверженно трудился на одном из оборонных заводов, участвуя, таким образом, вместе с другими советскими гражданами в общем деле борьбы с фашисткой Германией.

В 1950 г. он окончил Саратовский юридический институт с отличием и до 1963 г. работал следователем прокуратуры Бессонов-

ского и Нико-Пестравского районов, а затем старшим следователем, прокурором и начальником следственного отдела прокуратуры Пензенской области.

С 1963 г. Семен Абрамович – кандидат юридических наук, с 1970 г. – доцент, с 1982 г. – доктор юридических наук, с 1983 г. – профессор.

В 1991 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», а в 2001 г. он становится Почетным профессором Самарского государственного университета. За заслуги перед государством, многолетний добросовестный труд и большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами награжден орденами «Знак Почета» и орденом Дружбы.

Профессор С. А. Шейфер стоял у истоков создания современного юридического образования в Самарской области: с 1963 по 1975 года он работал преподавателем и доцентом Куйбышевского факультета Всесоюзного юридического заочного института, а после создания на его базе юридического факультета Куйбышевского государственного университета в 1975 году С. А. Шейфер возглавил кафедру уголовного права и процесса, а затем – самостоятельную кафедру уголовного процесса и криминалистики. В общей сложности Семен Абрамович руководил этой кафедрой более 25 лет, с образованием Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева С. А. Шейфер продолжил свою деятельность в качестве профессора этой кафедры.

В 90-е годы XX в. он работал в Совете по судебной реформе при Президенте РФ; много лет являлся членом научно-консультативного Совета при прокуратуре Самарской области.

Семен Абрамович Шейфер инициировал создание на юридическом факультете учёного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций и много лет возглавлял его.

Неоценимый вклад С. А. Шейфер внёс в отечественную науку уголовного процесса. Он являлся основоположником теории следственных действий и концепции формирования доказательств. Его труды в этой области до настоящего времени служат базисом любой

исследовательской работы. Высказанные С. А. Шейфером идеи получили своё развитие в работах многочисленных учеников.

Семен Абрамович Шейфер скончался 24 октября 2017 г.

Беспалый Игорь Трофимович

Беспалый Игорь Трофимович родился 26 ноября 1926 года.

Являлся участником Великой Отечественной войны.

После ее окончания обучался на юридическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, который окончил в 1953 году. В этом же году он поступил в дневную аспирантуру Московского государственного университета, которую успешно окончил в 1956 году, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Президиум Верховного Совета союзной республики».

Беспалый И. Т. трудился длительное время на должностях ассистента, старшего преподавателя и доцента во Всесоюзном юридическом заочном институте (на факультетах ВЮЗИ на Дальнем Востоке, в г. Куйбышеве), ему было присвоено ученое звание доцента.

С октября 1980 года Беспалый И. Т. работает на юридическом факультете Куйбышевского государственного университета сначала на должности доцента кафедры теории и истории государства и права и советского строительства, затем – на кафедре государственного и административного права, в 2001 году был избран на должность профессора кафедры.

С 1991 по 2010 годы Беспалый И. Т. являлся заведующим кафедрой государственного и административного права Самарского государственного университета.

Беспалый И. Т. около 10 лет выполнял функции заместителя председателя Избирательной комиссии Самарской области.

Профессор Беспалый И. Т. преподавал курсы «Государственное (конституционное) право Российской Федерации», «Муниципальное право Российской Федерации», являлся автором ряда методических пособий; имел научные публикации по проблемам федерализма, из-

бирательного права, реализации государственного суверенитета и другим проблемам государственного права.

Беспалый И. Т. был награжден Орденом Отечественной войны, медалями, неоднократно поощрялся Губернатором Самарской области, Самарской Губернской Думой, Главой городского округа Самара.

Игорь Трофимович Беспалый скончался 25 сентября 2019 года.

Благодарим коллег с кафедр гражданского и предпринимательского права, уголовного процесса и криминалистики, государственного и административного права за предоставленные материалы о наших коллегах-фронтовиках.

Всех ветеранов факультета отличал высокий профессионализм, глубокая порядочность и верность своему слову. Они всегда служили примером для своих коллег. На их долю на время их юности выпало тяжелейшее огненное испытание, которое они прошли с честью.

Память о фронтовиках-ветеранах навсегда сохранится в сердцах сотрудников юридического факультета Самарского университета.

**Юрист на страже Отечества:
посвящается доктору юридических наук
Торкановскому Евгению Петровичу**

*Ланг Петр Петрович,
начальник отдела анализа,
статистики и обеспечения судопроизводства
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда;
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО
«Самарский государственный экономический университет»,
кандидат юридических наук*

22 июня 1941 года наша Родина подверглась вероломному нападению со стороны фашистской Германии. Несметные вражеские полчища нацистов вторглись на территорию Советского Союза, на долгое время прервав мирную жизнь граждан нашей страны.

Началась Великая Отечественная война...

Население Советского Союза молниеносно отреагировало на вражескую агрессию. Не стал исключением и Куйбышевский плановый институт (в настоящее время – Самарский государственный экономический университет).

23 июня 1941 года в институте состоялся митинг, после которого были поданы десятки заявлений студентов и работников вуза с просьбой помочь в отправке на фронт. Почти ежедневно издавались приказы по институту об отчислении студентов или освобождении от должности преподавателей и сотрудников в связи со вступлением в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии.

Всего с 23 июня по 25 октября 1941 года из коллектива Куйбышевского планового института было призвано на фронт 88 человек¹.

Студенты, выпускники и работники института героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны, подвиги многих

¹ Самарской государственной экономической академии – 70 лет (1931–2001) / авт.-сост. А. И. Носков; отв. ред. А. П. Жабин. Самара : Изд-во Самарск. гос. экон. акад., 2001. С. 19.

были отмечены боевыми наградами. Ценой многочисленных жертв досталась советскому народу победа над фашизмом. Память о героях навсегда останется в наших сердцах.

Подобным ярким примером героического жизненного пути служит биография заведующего кафедрой советского права Куйбышевского планового института, доктора юридических наук Евгения Петровича Торкановского.

Е. П. Торкановский родился 14 ноября 1923 года в городе Ленинграде в семье служащего. В 1941 году окончил среднюю школу в Киеве. По зову долга, несмотря на юный возраст, вместо продолжения учебы отправился на фронт.

В июне – июле 1941 года получил тяжелое ранение, был госпитализирован.

После завершения Отечественной войны в 1949 году с отличием окончил юридический факультет Киевского государственного университета, а в 1952 году – аспирантуру данного вуза.

С 1952 года Е. П. Торкановский работал в Куйбышевском плановом институте старшим преподавателем советского права. В 1953 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук в Харьковском юридическом институте, в 1954 году был утвержден в названной ученой степени. В 1957 году Евгению Петровичу присвоено ученое звание доцента.

В 1966 году в структуре Куйбышевского планового института создана кафедра советского права, первым заведующим которой избран Евгений Петрович.

В 1965 году Е. П. Торкановский во Всесоюзном НИИ советского законодательства защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Проблемы правового регулирования изобретательства и рационализации в СССР (объекты, авторство, вознаграждение)» и был утвержден в данной степени в 1967 году. В том же году он был утвержден в ученом звании профессора.

Е. П. Торкановский стал первым доктором юридических наук в вузе. Под научным руководством Евгения Петровича защитились во-

семь кандидатов юридических наук, двое из которых впоследствии стали докторами наук.

В 1959–1963 годах Е. П. Торкановский возглавлял заочный факультет Куйбышевского планового института.

Несмотря на интенсивную научную и преподавательскую деятельность, Е. П. Торкановский вел активную общественную работу – являлся членом областного совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, ректором Куйбышевского общественного института патентоведения, заместителем председателя научно-методического совета отдела юстиции Куйбышевского облисполкома.

Е. П. Торкановский награжден медалью «За доблестный труд. В связи с 100-летием со дня рождения В. И. Ленина», Бронзовой медалью ВДНХ, почетными грамотами Куйбышевского облисполкома, благодарностями МВ и ССО РСФСР, а также руководства Куйбышевского планового института.

За период с 1949 года по 1972 год Е. П. Торкановским опубликовано 25 научных статей и докладов в сборниках научных работ, материалов научных конференций и периодической юридической печати.

Среди знаковых публикаций ученого в период работы в Куйбышевском плановом институте хотелось бы вспомнить и отметить следующие труды Евгения Петровича в области права:

- Советская избирательная система – самая демократическая в мире // Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Куйбыш. отд-ние. Куйбышев, 1954;
- Основные права и обязанности граждан СССР. Куйбышев : Куйбыш. кн. изд-во, 1956;
- Правовое регулирование вознаграждения изобретателей и рационализаторов // ЦБТИ Ульяновского СХН. Ульяновск, 1962;
- Советское гражданское право (общая часть) : учебное пособие для экономических вузов. Куйбышев : Куйбыш. план. ин-т, 1962;
- Промышленные предприятия в новых условиях (правовые вопросы). Куйбышев : Куйбыш. кн. изд-во, 1967;

- Правовые вопросы научно-технического прогресса в СССР : коллективная монография (2 главы). М. : Норма, 1967 ;

- Хозяйственное право : учеб. пособие для юридических вузов (одна глава). М. : Юрид. лит., 1967;

- Вопросы хозяйственной правосубъектности / общ. ред. (в соавторстве). Куйбышев : Изд-во «Волж. коммуна», 1971.

В 1974 году Е. П. Торкановский перешел на должность старшего научного сотрудника в Институт экономики Академии наук СССР.

В 2000 году Евгения Петровича не стало.

Вечная память герою, защитнику Родины, выдающемуся ученому-правоведу от нас – благодарных потомков и учеников.

РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Использование корпоративных способов защиты в целях недобросовестного преодоления законной силы судебных актов

*Сафаева Наиля Равильевна,
председатель*

Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда

Важным элементом судебной защиты, гарантированной статьей 46 Конституции Российской Федерации, является исполнение судебного решения.

Защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт, принятый по результатам разрешения конкретного судебного спора, своевременно не исполняется.

Сегодня тема исполнимости судебных актов является как никогда актуальной, поскольку в России существует серьезная проблема, связанная, с одной стороны, с игнорированием должниками принятых против них судебных актов и, с другой стороны, с недостаточно эффективной работой уполномоченных органов по принудительному приведению в исполнение решений судов.

Данную проблему ярко иллюстрируют показатели ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов, размещенные на официальном сайте службы. Согласно данным источника в 2019 году на исполнении службы судебных приставов находилось 47 976 037 исполнительных производств, возбужденных на основании исполнительных документов, выданных судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Общая сумма, подлежащая взысканию по указанным исполнительным документам, составляла 10 148 093 557 рублей. В течение 2019 года фактическим исполнением было окончено лишь 12 104 720 исполнительных

производств, а сумма, взысканная судебными приставами по окончанным исполнительным производствам, составила 342 807 013 рублей, или 3,3 % от присужденной судами².

Одна из причин неисполнимости судебных актов – это недобросовестность должников, которые не ограничиваются только уклонением от добровольного исполнения решения суда. Ими предпринимаются всевозможные попытки обойти и его принудительное исполнение.

Применяемые в настоящее время меры принудительного исполнения влекут для должников неблагоприятные последствия как финансового, так и социального характера (штрафы, ограничения на выезд за пределы государства, ограничения на пользование специальными правами и проч.). Неисполнение судебных актов о присуждении денежных средств в отношении юридических лиц нередко становится поводом для обращения кредитора в суд с заявлением о признании должника банкротом. Чтобы избежать подобного рода последствий, должники зачастую предпринимают попытки нейтрализовать «неудобный» судебный акт, формально используя для этого правовые способы.

Принцип общеобязательности судебного акта предполагает его окончательность и неопровержимость и, наряду с преюдициальностью, включает также исполнимость содержащихся в резолютивной части судебного решения властных предписаний о конкретных правах и обязанностях субъектов.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, «возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов, будучи исключительной по своему характеру, предполагает установление таких процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы решений суда, их неопровержимости, что применительно к решениям, принятым в ординарных судебных процедурах, может быть преодо-

² <https://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 01.03.2020).

лено, лишь если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба» (постановления от 17.03.2009 № 5-П, от 21.12.2011 № 30-П, от 06.07.2018 № 29-П и др.).

Таким образом, преодоление законной силы судебного акта рассматривается как средство исправления допущенной судебной ошибки. Для этой цели, как правило, используется процедура пересмотра состоявшегося судебного акта соответствующими судебными инстанциями.

Л. А. Терехова отмечает, что «для пересмотра принятых по делу судебных актов предусмотрена инстанционная система, в соответствии с которой пересмотр осуществляется судом, вышестоящим по отношению к суду, принявшему судебный акт. Однако законодательно установлены исключения из этого общего правила, в соответствии с которыми в ряде случаев осуществляется внеинстанционный контроль судов за собственными постановлениями». В частности, к случаям внеинстанционного контроля или, иными словами, самоконтроля автор относит аннулирование судом собственного решения через отмену судебного приказа, отмену заочного решения и пересмотр решения по новым или вновь открывшимся обстоятельствам³.

Независимо от субъекта, осуществляющего контроль за судебными постановлениями, все вышеприведенные способы преодоления состоявшегося судебного акта направлены на реализацию гарантированного права на судебную защиту, важным компонентом которого является право на исправление имевшей место судебной ошибки.

Однако предусмотренные законодателем механизмы пересмотра судебного акта не интересны недобросовестному участнику гражданского оборота, намеревающегося избежать исполнения вынесенного против него законного решения. Такие механизмы не

³ Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М. : Волтерс Клувер, 2007.

приводят гарантированно к достижению его противоправных целей, что подталкивает его на поиск иных способов преодоления законной силы судебного акта.

Одним из способов, широко используемых для нейтрализации состоявшегося решения, является предъявление нового иска, направленного против ранее вынесенного решения. Суды негативно реагируют на такие случаи, признавая их злоупотреблением правом на иск. Отказывая в защите несуществующего права, суды указывают, что предъявленный иск направлен не на достижение самостоятельной правовой цели, а на преодоление вступившего в законную силу судебного акта по ранее рассмотренному делу, что противоречит задачам арбитражного судопроизводства, установленным статьей 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Например, такие выводы сделаны в определении судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.10.2017 № 307-ЭС17-6727 по делу № А56-56978/2016, в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30.07.2019 № Ф02-3121/2019 по делу № А58-4263/2018, в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 26.12.2017 № Ф06-27773/2017 по делу № А49-2194/2017.

Среди подобного рода злоупотреблений многочисленными являются случаи предъявления исков, направленных против состоявшегося судебного акта, с использованием корпоративных способов защиты. С этой целью в организации должника создается видимость возникновения корпоративного конфликта, для разрешения которого участником (акционером, членом) юридического лица инициируется судебный процесс, по сути, направленный на преодоление законной силы судебного акта, принятого против юридического лица.

Данная схема часто применяется в ситуациях, когда состоялось решение суда по спору, вытекающему из обязательственных отношений юридического лица с его контрагентами, и таким решением присуждена ко взысканию денежная сумма с юридического лица либо в отношении него предписано исполнение обязательства в натуре. Участник такого юридического лица обращается в суд с иском

о признании недействительной сделки, положенной в основу ранее принятого решения, при этом ссылается на нарушение юридическим лицом при ее совершении норм корпоративного законодательства, в частности, требований к совершению крупных сделок и/или сделок с заинтересованностью.

Так, например, в рамках дела № А55-30027/2015 был рассмотрен иск одного из акционеров акционерного общества о признании недействительными по признаку крупности договоров кредитной линии, заключенных между акционерным обществом и банком.

Обращаясь в суд с иском, акционер указывал, что совершенные сделки являются крупными для акционерного общества, одобрения со стороны уполномоченных органов управления обществом они не получили, их совершение привело к негативным последствиям для общества, выраженным в уплате процентов по кредитам и договорным санкциям за допущенную просрочку в возврате кредитных средств.

Отказывая в удовлетворении иска, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд по заявлению банка применил срок исковой давности к заявленному акционером требованию и признал его пропущенным, исходя из того, что акционер был осведомлен о сделках с момента их совершения. Эта осведомленность была обусловлена тем, что акционер давал нотариально засвидетельствованное согласие своему супругу на заключение договоров поручительства в обеспечение исполнения обязательств по оспариваемым договорам кредитной линии.

Кроме того, апелляционный суд пришел к выводу о наличии в действиях акционера признаков злоупотребления правом, что выразилось в предъявлении иска, направленного на избежание акционерным обществом ответственности в виде исполнения ранее вступивших в законную силу судебных актов о взыскании просроченной задолженности по кредитам, основанных на оспариваемых договорах (постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2015 по делу № А55-30027/2014).

С использованием тех же механизмов защиты предпринимаются попытки освобождения юридического лица от обязательств

по обеспечительным сделкам. Так, по корпоративным основаниям оспариваются заключенные обществами договоры поручительства и залога, по которым произведено солидарное взыскание долга с поручителей или обращено взыскание на заложенное имущество. Суды также отказывают в удовлетворении подобных корпоративных исков, мотивируя решения тем, что поручители и залогодатели, используя судебные процедуры, пытаются посредством своих акционеров (участников) избежать ответственности по принятым на себя обязательствам во вред кредиторам.

В деле № А60-62592/2016, в котором было отказано в удовлетворении иска акционера о признании недействительной сделкой заключенного акционерным обществом договора залога по признаку крупности, Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 30.10.2017 № Ф09-5684/17 указал, что «с настоящим исковым заявлением истец обратился только после того, как судом общей юрисдикции принято решение о взыскании задолженности по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество, что может свидетельствовать о том, что данный иск фактически направлен на преодоление вынесенного судебного акта с целью неисполнения обязательств перед банком, что недопустимо в силу статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации».

В схожей ситуации Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 22.12.2016 по делу № А58-8423/2014, подтверждая законность принятых судебных актов об отказе в удовлетворении иска о признании договора залога недействительной сделкой, привел довод о том, что истец был заинтересован в получении кредита, а заемщик и залогодатель, получая кредит, преследовали общую хозяйственную цель, поэтому оспаривание договоров залога на основании корпоративных правил об одобрении крупных сделок признал направленным на освобождение подконтрольного истцу и обладающего реальными активами общества-залогодателя от исполнения договорных обязательств по обеспечительной сделке и имеющим своей целью причинение вреда банку. В этой связи, во избежание извлечения выгоды из недобросовестного поведения, суды признали интере-

сы истца не подлежащими судебной защите на основании статей 1 и 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Отказывая в удовлетворении иска акционера о признании недействительным договора поручительства, заключенного обществом в обеспечение исполнения перед банком обязательств организации-заемщика, дружественной по отношению к акционерному обществу, Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 01.02.2018 № Ф06-19782/2017 по делу № А55-16800/2015 обратил внимание на тот факт, что требования по иску были предъявлены акционером после вступления в законную силу судебных актов о солидарном взыскании с поручителя денежных средств по ранее предоставленным основному должнику кредитам и займам и после отказа в удовлетворении исковых требований акционера об оспаривании кредитных договоров, в обеспечение исполнения обязательств по которым были заключены оспариваемые в рамках настоящего дела договоры поручительства. При указанных обстоятельствах кассационный суд пришел к выводу, что обращение акционера в суд с требованием по настоящему делу обусловлено не восстановлением нарушенных прав, а намерением избежать ответственности в виде исполнения ранее вступивших в законную силу судебных актов, основанных на оспариваемых договорах поручительства.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что в большинстве случаев суды пресекают неправомерные попытки использования корпоративных способов защиты в целях преодоления законной силы состоявшихся судебных актов, отказывая в удовлетворении соответствующих исков. Однако, как правило, злоупотребление правом, допущенное истцом, является не единственным и не главным, а скорее дополнительным фактором, влекущим отказ в удовлетворении иска.

Выстраивая защиту от предъявленного иска, кредиторы недобросовестного должника, вовлеченные в новый судебный процесс по оспариваемой сделке, вынужденно доказывают факт пропуска истцом срока исковой давности, факт совершения сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности общества, факты выгоды

и экономической прибыльности совершенной сделки для общества. Доказывание данных обстоятельств становится весьма затруднительным для кредитора, который не имеет доступа к внутренней информации о деятельности общества-должника. Более того, общество и его участник, предъявивший иск об оспаривании сделки, преследуют единый интерес в сокрытии информации, которая может быть использована ответчиком в судебном процессе против необоснованных исковых требований.

В частности, истцом может быть сокрыта информация об имевшем месте предварительном одобрении совершенной сделки уполномоченными органами юридического лица (решения общих собраний участников общества, общих собраний акционеров, советов директоров общества), информация о финансово-хозяйственной деятельности общества и его бухгалтерская отчетность, которые позволяли бы оценить оспариваемую сделку с точки зрения ее экономической обоснованности и выгоды для общества, а также с точки зрения ее типичности для обычной хозяйственной деятельности общества. Лица, инициировавшие судебный процесс, как правило, утаивают достоверные сведения о времени, с которого им стало известно о совершенной сделке, и пороках ее совершения, избегая тем самым возможности отказа в иске по мотиву пропуска срока исковой давности.

Фактически добросовестная сторона сделки, получившая судебную защиту своих прав, нарушенных неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязательств другой стороной сделки, вовлекается этой другой стороной в новый судебный процесс по корпоративному спору, направленный на преодоление законной силы ранее принятого решения. При этом добросовестная сторона становится «слабым» участником нового процесса, ограниченным в возможностях доказывания своей правоты.

Основной принцип распределения бремени доказывания в арбитражном процессе изложен в статье 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Он гласит, что каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

В описываемой ситуации участники спора имеют неравные позиции в возможностях доказывания.

Представляется, что решением этой проблемы может стать смещение бремени доказывания и установление неких доказательственных презумпций недобросовестности истца.

В настоящее время в судебной практике всё чаще используется термин «стандарт доказывания» в ситуациях, обусловленных сложностью сбора доказательств, когда участники спора находятся в неравных позициях. Суды по отдельным категориям споров, исходя из процессуальных возможностей сторон, предъявляют высокий или повышенный стандарт доказывания к участнику спора, имеющего преимущества в доступе к доказательствам, и снижают стандарт доказывания к участникам, ограниченному в возможностях доказывания.

Некоторыми авторами высказываются сомнения относительно целесообразности решения проблемы неравенства доступа к доказательствам через повышение или понижение стандарта доказывания⁴.

Мы же считаем, что отступление от общих стандартов доказывания в пользу их повышения или понижения направлено на решение комплекса задач, связанных не только и не столько с проблемой доказывания, сколько с проблемой предотвращения злоупотребления правом в целом, о чем более подробно скажем ниже.

В российском процессуальном законодательстве термин «стандарт доказывания» отсутствует, однако, как показывает практика Верховного Суда Российской Федерации, он является удобным и полезным инструментом правоприменения.

В юридической литературе термин «стандарт доказывания» используют применительно к оценке доказательств с точки зрения их достаточности и достоверности для признания того или иного факта установленным. В частности, определяя данное понятие, стандартом доказывания называют «критерий для установления фактов на

⁴ Карапетов А. Г. И вновь о стандартах доказывания... URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/25/i_vnov_o_standartah_dokazyvaniya#comment_467230/ (дата обращения: 01.03.2020).

основе оценки представленных доказательств»⁵; «критерий достаточности доказательств»⁶; «требуемую степень достоверности доказательств, при которой суду следует признавать факт доказанным»⁷; «правило, устанавливающее, какая степень убеждения суда в наличии утверждаемого стороной обстоятельства требуется, чтобы считать его доказанным»⁸; «совокупностью критериев оценки доказательств, подлежащих применению судами при рассмотрении дел определенной категории и позволяющих, в частности, определить достаточность доказательств необходимой степени достоверности (для того или иного правового вывода)»⁹.

Право на оспаривание сделки по основаниям, предусмотренным законами о корпорациях отдельных организационно-правовых форм, с применением последствий их недействительности предоставлено участнику корпорации нормами пункта 1 статьи 65.2 ГК РФ, в котором данное правомочие участника определено как представительское. В частности, в законе указано, что участник, реализующий названное право, действует от имени корпорации. Такие иски в научной литературе, как правило, называют косвенными или представительскими.

Общие признаки косвенного иска заключаются в том, что материально-правовое требование принадлежит юридическому лицу, которое выступает истцом по делу, а лица, предъявившие иск от имени корпорации, являются представителями истца; ответчиком же выступает контрагент по оспариваемой сделке (пункт 32 Постановле-

⁵ Бudyлин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3.

⁶ Смольников Д. И. Мифы о стандартах доказывания // Закон. 2015. № 12. С. 199–205.

⁷ Карапетов А. Г. Проблемы доказательственного права: итоги круглого стола от 24 февраля 2014 г. URL: https://zakon.ru/blog/2014/03/19/problemy_dokazatelstvennogo_prava_itogi_kruglogo_stola_ot_24_fevralya_2014/ (дата обращения: 01.03.2020).

⁸ Макаров П. Н. Обзор новелл гражданского законодательства, упрощающих взыскание убытков кредитором (с учетом позиций Пленума Верховного Суда РФ) // Закон. 2016. № 12. С. 149–160.

⁹ Смола А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 129–165.

ния Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»).

Таким образом, применительно к косвенным искам в корпоративных спорах участник корпоративного образования не является самостоятельной стороной судебного спора, а отождествляется с выступающим в суде в качестве истца корпоративным образованием. Следовательно, такой участник в качестве представителя истца не освобождается от бремени доказывания обстоятельств правомерности заявленного иска.

С учетом норм корпоративного законодательства и разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», истец по иску о признании сделки недействительной по признаку ее крупности должен доказать следующие обстоятельства:

- количественный (стоимостной) признак сделки – цена или балансовая стоимость предмета сделки должна составлять 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенных по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату (пункт 1 статьи 78 Закона об акционерных обществах и пункт 1 статьи 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью);
- качественный признак сделки – сделка выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности общества (пункт 4 статьи 78 Закона об акционерных обществах и пункт 8 статьи 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью);
- отсутствие одобрения сделки со стороны уполномоченных органов юридического лица;
- осведомленность другой стороны сделки о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой как с точки зрения количественного, так и с точки зрения качественного критерия и что отсут-

ствовало надлежащее согласие на ее совершение (подпункт 2 пункта 6.1 статьи 79 Закона об акционерных обществах и абзац 3 пункта 5 статьи 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью).

При оспаривании сделок с заинтересованностью истец должен доказать:

- наличие признаков заинтересованности в совершении сделки через субъективные взаимосвязи сторон сделки;
- отсутствие одобрения сделки со стороны незаинтересованных участников юридического лица;
- осведомленность другой стороны сделки о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и что отсутствовало надлежащее согласие на ее совершение (пункт 1.1 статьи 84 Закона об акционерных обществах и абзацы 4–6 пункта 6 статьи 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью);
- ущерб от совершения оспариваемой сделки.

В ситуациях, когда имеется вступивший в законную силу судебный акт по исполнению оспариваемой сделки, для истца, оспаривающего так называемую «просуженную» сделку, на наш взгляд, следует повышать стандарт доказывания и вменять в его обязанность доказывание наступления реальных негативных последствий для общества в результате совершенной сделки, а также факт своей добросовестности при оспаривании сделки.

По общему правилу добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, однако есть ситуации, когда законодатель устанавливает обратную презумпцию. Так, пунктом 5 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Учитывая, что при вынесении решения по ранее возникшему обязательственному спору уже установлен факт начала исполнения

спорной сделки одной из ее сторон, можно считать, что другая сторона, принимая исполнение по сделке либо совершая иные действия, связанные с ее исполнением, давала своему контрагенту по сделке основания полагаться на действительность совершенной сделки. В этой связи все последующие заявления о недействительности сделки, в том числе сделанные участником корпоративного образования, действующим от имени стороны сделки, порождают презумпцию недобросовестности этой стороны сделки.

Общество в лице своего участника в такой ситуации обязано опровергать установленную законом презумпцию недобросовестности истца, предъявившего соответствующий иск о признании сделки недействительной по корпоративным основаниям. Именно опровержением данной презумпции истец должен, прежде всего, подтвердить свое право на иск в материальном смысле. Если такая презумпция им опровергнута не будет, дальнейшее доказывание обстоятельств спора не имеет смысла, поскольку в силу норм пункта 2 статьи 10 ГК РФ суд отказывает лицу в защите принадлежащего ему права, если установлен факт заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребление правом).

Достаточно острым при рассмотрении подобного рода исков является вопрос о сроке исковой давности, о пропуске которого, как правило, заявляет контрагент по оспариваемой сделке в целях защиты от предъявленного к нему иска.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» приводятся разъяснения по данному вопросу. В частности, здесь указано, что «срок исковой давности по требованиям о признании крупных сделок и сделок с заинтересованностью недействительными и применении последствий их недействительности исчисляется по правилам пункта 2 статьи 181 ГК РФ и составляет один год.

Срок исковой давности по искам о признании недействительной сделки, совершенной с нарушением порядка ее совершения, и о применении последствий ее недействительности, в том числе когда

такие требования от имени общества предъявлены участником (акционером) или членом совета директоров (наблюдательного совета) (далее – совет директоров), исчисляется со дня, когда лицо, которое самостоятельно или совместно с иными лицами осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа, узнало или должно было узнать о том, что такая сделка совершена с нарушением требований закона к порядку ее совершения, в том числе если оно непосредственно совершало данную сделку.

В случае, если лицо, которое самостоятельно или совместно с иными лицами осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа, находилось в сговоре с другой стороной сделки, срок исковой давности исчисляется со дня, когда о соответствующих обстоятельствах узнало или должно было узнать лицо, которое самостоятельно или совместно с иными лицами осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа, иное, чем лицо, совершившее сделку. Лишь при отсутствии такого лица до момента предъявления участником хозяйственного общества или членом совета директоров требования срок давности исчисляется со дня, когда о названных обстоятельствах узнал или должен был узнать участник или член совета директоров, предъявивший такое требование».

При этом предполагается, что «участник должен был узнать о совершении сделки с нарушением порядка совершения крупной сделки или сделки с заинтересованностью не позднее даты проведения годового общего собрания участников по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка, за исключением случаев, когда информация о совершении сделки скрывалась от участников и (или) из предоставлявшихся участникам при проведении общего собрания материалов нельзя было сделать вывод о совершении такой сделки (например, если из бухгалтерского баланса не следовало, что изменился состав основных активов по сравнению с предыдущим годом)».

Представляется, что такой порядок исчисления срока исковой давности будет являться оправданным лишь для тех случаев, когда участник общества, инициировавший судебный процесс о призна-

нии сделки недействительной, является добросовестным и преследует цель восстановления нарушенных прав участников корпорации, пострадавших от действий директора общества, совершившего без их ведома невыгодную для корпорации сделку.

Для тех случаев, когда участник действует сообща с обществом в попытках преодоления вступившего в законную силу судебного акта, на наш взгляд, следует придерживаться более жестких подходов к исчислению сроков исковой давности. Если имеется вступившее в силу решение по исполнению сделки, которая стала впоследствии предметом судебного оспаривания по инициативе участника общества, начало срока исковой давности было бы справедливо исчислять не позднее даты проведения годового общего собрания участников по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка, независимо от того, раскрывалась ли соответствующая информация о совершенной сделке на таком годовом собрании.

В работе Карапетова А. Г. «Проблемные вопросы применения статьи 174 ГК РФ» приводятся суждения о том, что «излишняя мягкость права к лицам, оспаривающим сделки от имени юридического лица, при определении момента, когда они должны были узнать о нарушении, также не должна допускаться. Более либеральный подход, чем в случае с обычными представителями по доверенности, не должен приводить к тому, что беспечность акционеров (участников) или иных лиц, уполномоченных на оспаривание от имени организации сделки, совершенной директором в нарушение уставных или иных «внутренних» ограничений, должна поощряться». В этой связи автор задается вопросом, «не разумнее было бы стимулировать самих акционеров (участников) и членов коллегиального органа управления проявлять больший интерес к делам своей корпорации и более тщательно контролировать деятельность директора, сопоставлять цифры баланса с договорной документацией, регулярно проводить аудит и т. п.». Автор предлагает, что «если последнее верно, то, возможно, было бы логичным на уровне закона установить для таких крайне опасных для стабильности оборота исков, как иск об оспаривании сделки, по правилам пункта 1 статьи 174 ГК РФ бо-

лее короткий объективный срок давности», а акционерам «вменять знание о нарушении с момента проведения следующего по времени после совершения сделки общего собрания акционеров (участников ООО) независимо от того, прилагались ли в материалах к этому собранию соответствующие документы, из которых акционеры (участники) могли бы узнать о факте совершения спорной сделки»¹⁰.

Как нам представляется, данные предложения были бы вполне уместными и оправданными также и для случаев оспаривания так называемых «просуженных» сделок. Тем более что заинтересованный участник корпорации, действуя заботливо и осмотрительно, даже в отсутствии предоставленных обществом материалов о совершенных в течение года сделках, готовясь к годовому общему собранию, мог бы получить сведения о «просуженных» сделках из открытых официальных источников информации, таких как «КАД Арбитр» и «ГАС Правосудие» в сети Интернет, отражающих участие общества в судебных спорах.

На практике встречаются случаи обращения в суд с иском об оспаривании сделок общества лица, получившего статус участника корпорации уже после совершения оспариваемой сделки. В подпункте 2 пункта 7 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» указано, что «не является основанием для отказа в удовлетворении иска тот факт, что участник, предъявивший иск от имени общества, на момент совершения сделки не был участником общества». Между тем, данное разъяснение, очевидно, следует применять к случаям добросовестного использования участником права на оспаривание сделки, – когда он, приобретая статус участника корпорации, не знал и не мог знать о совершенной обществом сделке, имеющей существенные пороки.

К сожалению, недобросовестные участники гражданских правоотношений предпринимают попытки использовать вышеуказанную правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ в незаконных

¹⁰ Карапетов А. Г. Проблемные вопросы применения статьи 174 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 1.

целях. Так, при рассмотрении Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом дела № А55-29528/2018 было установлено, что спор о признании недействительным заключенного между двумя юридическими лицами договора купли-продажи объектов недвижимости инициировал акционер продавца. Данный акционер ссылаясь на несоблюдение сторонами при заключении договора требований корпоративного законодательства об одобрении крупной сделки. Из материалов дела следовало, что инициатор иска приобрел одну акцию общества уже после совершения оспариваемой сделки; затем в статусе члена совета директоров общества участвовал в обсуждении вопроса об исполнении данной сделки, после чего приобрел еще 68 акций общества и, формально приобретя право на оспаривание сделки, спустя 9 дней после покупки акций, обратился в суд с соответствующим иском.

Оценивая действия акционера с точки зрения добросовестности, апелляционный суд учел осведомленность акционера о совершении оспариваемой сделки и ее последствиях для общества до момента приобретения акций, а также наличие у акционера доступа к информации о реальном финансовом положении общества, в том числе информации о наличии судебного спора по исполнению сделки и о возбуждении в отношении акционерного общества дела о несостоятельности (банкротстве). Действия акционера по приобретению акций такого общества с незамедлительным после этого обращением в арбитражный суд с заявлением об оспаривании сделки, по мнению суда, не могли быть признаны добросовестным поведением участника гражданского оборота, преследующего реальную цель защиты нарушенных корпоративных прав.

Апелляционный суд пришел к выводу, что инициатор судебного процесса был наделен статусом акционера общества номинально, с целью создания формальных условий для оспаривания сделки, в то время как фактически его права в качестве члена корпоративного образования нарушены не были и не требовали их защиты и восстановления (постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2019 по делу № А55-29528/2018).

Приобретение статуса участника (акционера) корпоративного образования представляет собой одну из форм предпринимательской деятельности, в рамках которой субъект опосредованно, через участие в деятельности юридического лица, намеревается получать прибыль. В этой связи ожидаемым поведением лица, приобретающего долю в уставном капитале хозяйственного общества или акции акционерного общества, является предварительное ознакомление с финансовым состоянием общества, в частности, с его финансовой отчетностью с целью оценки ликвидности приобретаемого актива.

Кроме того, в настоящее время стало нормальной практикой проверять потенциального контрагента по сделке через информационные источники на предмет его вовлеченности в судебные процессы.

В этой связи полагаем возможным признавать участника корпоративного образования, инициировавшего судебный процесс по оспариванию «просуженной сделки», осведомленным на момент приобретения акций (доли) о наличии судебного решения по спорной сделке, а также о последствиях такого решения для финансового состояния общества. Именно с этой позиции и должна быть дана оценка добросовестности такого участника при обращении в суд с корпоративным иском.

В качестве еще одной меры пресечения попыток преодоления законной силы судебных актов можно было бы рассмотреть ограничение на оспаривание «просуженных сделок» в рамках самостоятельного искового производства. В качестве допустимой процедуры для оспаривания указанных сделок предлагается использовать процессуальный институт пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, по аналогии с оспариванием утвержденных судом мировых соглашений.

Как показывает судебная практика, преодоление законной силы судебных актов через корпоративные способы защиты предпринимается не только в отношении судебных актов, которыми судебный спор был разрешен по существу, но и в отношении определений о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения.

В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, приведенной в определении от 24.02.2004 № 1-О, мировое соглашение представляет собой соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок, что является одним из процессуальных средств защиты субъективных прав.

В пункте 15 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» указано, что «из смысла и содержания норм, регламентирующих примирение сторон, а также из задач судопроизводства в арбитражных судах следует, что утвержденное судом мировое соглашение основывается на примирении сторон на взаимоприемлемых условиях, что влечет за собой окончательное прекращение гражданско-правового спора (полностью либо в соответствующей части). С учетом положений части 2 статьи 9 АПК РФ, если стороны при заключении мирового соглашения прямо не оговорили в нем иные правовые последствия для соответствующего правоотношения (включающего как основное обязательство, из которого возникло заявленное в суд требование (требования), так и дополнительные), такое соглашение сторон означает полное прекращение спора, возникшего из этого правоотношения. В связи с этим последующее выдвижение в суде новых требований из того же правоотношения, независимо от того, возникло такое требование из основного либо из дополнительного обязательства, не допускается».

Желание недобросовестного субъекта восстановить правоотношения, прекращенные заключением мирового соглашения, либо избежать исполнения обязательств, принятых на себя мировым соглашением, и ответственности за их нарушение порождает иски о признании недействительными утвержденных судом мировых соглашений в качестве сделок, требующих соблюдения корпоративного законодательства, либо неправомерные кассационные жалобы на определения о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения.

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 28 «Об оспаривании крупных сде-

лок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» были приведены разъяснения о том, что «к мировому соглашению, признанию иска и отказу от иска по делу, стороной которого является хозяйственное общество, подлежат применению правила о порядке совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью (главы X и XI Закона об акционерных обществах, статьи 45 и 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью)».

Данные разъяснения были ошибочно восприняты отдельными акционерами и участниками хозяйственных обществ в качестве возможности оспорить утвержденное судом мировое соглашение в качестве крупной сделки или сделки с заинтересованностью в рамках самостоятельного искового производства.

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» указывал, что оспаривание утвержденного судом мирового соглашения (части 1, 5 статьи 141 АПК РФ) отдельно от оспаривания судебного акта, которым мировое соглашение утверждено, невозможно. Оспорить утвержденное судом мировое соглашение можно только путем подачи жалобы на судебный акт, которым оно было утверждено (либо заявления о его пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам).

Суды исходят из того, что оспаривание мирового соглашения возможно путем кассационного обжалования судебного акта, которым утверждено мировое соглашение лишь в том случае, если участник общества, наделенный корпоративным законодательством правом на оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью, был привлечен к участию в деле и заявлял на стадии утверждения мирового соглашения возражения, основанные на нарушении обществом процедуры одобрения мирового соглашения в качестве соответствующей сделки.

В отношении участников обществ, не привлеченных к участию в рассмотрении дела, по которому было утверждено мировое соглашение, определена иная процедура ревизии судебного акта. Так, в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 26.06.2018 № 28 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» указано, что «в случае заключения мирового соглашения с нарушением соответствующих правил одобрения сделок участник общества, не принимавший участия в рассмотрении дела, где такое соглашение было заключено, вправе в силу пункта 1 части 2 статьи 311 АПК РФ предъявить требование о пересмотре судебного акта, которым было утверждено мировое соглашение, по вновь открывшимся обстоятельствам в порядке главы 37 АПК РФ. Удовлетворение указанного процессуального заявления участника возможно только в том случае, если суд удовлетворил бы заявление об оспаривании мирового соглашения как сделки».

Таким образом, процедура оспаривания мирового соглашения по корпоративным основаниям возможна только через пересмотр судебного акта об утверждении такого мирового соглашения в кассационном порядке или по вновь открывшимся обстоятельствам.

Подобный алгоритм пересмотра возможно было бы использовать и для случаев, когда заявлено о недействительности сделки, в отношении исполнения которой уже имеется вступивший в законную силу судебный акт. То есть участник общества, заявляющий о совершении сделки с нарушением корпоративного законодательства, в ситуации, когда по этой сделке уже принято решение суда о понуждении к ее исполнению, мог бы оспорить данную сделку исключительно в ранее рассмотренном деле через процессуальный механизм пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. Это в большей мере способствовало бы защите прав кредитора от незаконных попыток должника уйти от исполнения вступившего в силу судебного акта.

В данной статье мы остановились только на некоторых известных судам недобросовестных способах преодоления законной силы судебных актов и предложили возможные пути их пресечения. Безусловно, проблема злоупотребления процессуальным правом является более широкой и требует поиска системных способов ее решения.

Освобождение гражданина от обязательств в деле о банкротстве: некоторые вопросы судебной практики

*Львов Яков Александрович,
заместитель председателя
Арбитражного суда Самарской области,
кандидат юридических наук*

С 1 октября 2015 года вступили в силу положения Закона о банкротстве, регулирующие процедуры, применяемые в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан.

Практика рассмотрения судами дел о несостоятельности (банкротстве) граждан, не являющихся предпринимателями, показывает, что в подавляющем большинстве случаев несостоятельными должниками выступают физические лица, имеющие задолженность, как правило, перед несколькими кредитными учреждениями и (или) микрофинансовыми организациями на сумму, не превышающую 1 млн руб. и которая возникла вследствие удовлетворения гражданами за счет заемных средств своих потребностей в приобретении товаров или услуг. Ввиду широкой закредитованности граждан, нестабильности экономической ситуации в стране, недостаточной развитости рынка труда объявление личного дефолта гражданами с момента введения института банкротства физических лиц приобрело массовый характер и получило название потребительского банкротства.

Основной задачей института потребительского банкротства является социальная реабилитация гражданина – предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам¹¹.

¹¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 310-ЭС17-14013. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 31.03.2020).

Соответствующая задача реализуется в Законе о несостоятельности (банкротстве) через предусмотренный статьей 213.28 механизм освобождения гражданина от обязательств.

Освобождение гражданина от обязательств не допускается, в частности, в случае, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

Изучение поступающих заявлений о личном банкротстве, а также требований кредиторов – кредитных организаций в ряде случаев показывает, что при заполнении гражданами анкет заемщиков или иных утвержденных банками форм документов ими указываются сведения о доходах, не подтвержденные документально, либо информация о дополнительном источнике дохода, который не может быть проверен и подтвержден документально, в связи с чем размер дохода гражданина по данным кредитного досье становится существенно выше официального дохода гражданина в виде заработной платы, пенсии или иного дохода.

При обращении к сложившейся судебной практике одним из практикообразующих в данной ситуации является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 306-ЭС17-13670 (10).

Оценивая действия должника с позиции его добросовестности, важным является то, чтобы при получении кредитов он предоставлял банкам полные и достоверные сведения о своем финансовом состоянии, наличии стабильного и достаточного для своевременного возврата кредитных средств дохода.

Экономической коллегией обращено внимание и на статус контрагента гражданина, предполагающий наличие высокой компетентности на финансовом рынке. В частности, отмечено, что банки,

являясь профессиональными участниками кредитного рынка, имеют широкие возможности для оценки кредитоспособности гражданина, в том числе посредством разработки стандартных форм кредитных анкет-заявок для заполнения их потенциальным заемщиком на стадии обращения в кредитную организацию с указанием сведений о его имущественном и социальном положении, ликвидности предлагаемого обеспечения и т. п., а также проверки представленного им необходимого для получения кредита пакета документов. Одновременно банки вправе запрашивать информацию о кредитной истории обратившегося к ним лица на основании Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» в соответствующих бюро. По результатам проверок в каждом конкретном случае кредитная организация принимает решение по вопросу о выдаче денежных средств. В случае положительного решения о выдаче кредита, основанного на достоверной информации, представленной гражданином, последующая ссылка банка на неразумные действия заемщика, взявшего на себя чрезмерные обязательства в отсутствие соответствующего источника погашения кредита, не может быть принята во внимание для целей применения положений пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

Таким образом, в судебной практике акценты переносятся в большей степени на сторону кредитных организаций, которые в таком случае при наличии возражений относительно освобождения гражданина от обязательств обязаны доказать, что предпринятые ими меры по проверке сведений, представленных заемщиком, соответствуют типовым банковским правилам и банком проведена стандартная проверка данных кредитного досье.

Другой достаточно распространенной ситуацией является последовательное наращивание гражданином кредиторской задолженности путем получения денежных средств в различных кредитных организациях.

Принципиально важным в данном случае является вывод судебной практики о том, что по смыслу пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве принятие гражданином на себя непосильных долго-

вых обязательств ввиду необъективной оценки собственных финансовых возможностей и жизненных обстоятельств не может являться основанием для неосвобождения от долгов. В отличие от недобросовестности неразумность поведения физического лица сама по себе таким препятствием не является. Последовательное наращивание кредиторской задолженности путем получения денежных средств в нескольких кредитных организациях может быть квалифицировано как недобросовестное поведение, влекущее отказ в освобождении гражданина от обязательств, лишь в случае сокрытия им необходимых сведений (размер дохода, место работы, кредитные обязательства в других кредитных организациях и т. п.) либо представления заведомо недостоверной информации.

В частности, в одном из случаев судами установлено, что должник имеет значительную задолженность перед кредиторами, которая возникла как из договоров потребительского кредитования, так и ряда договоров поручительства. Должник принял на себя заведомо неисполнимые обязательства, что свидетельствует о его недобросовестном поведении в ущерб кредиторам, учитывая, что, заключая договор поручительства, должник не имел дохода и не мог исполнить в полном объеме принятые обязательства. Должник также заключил кредитные договоры, задолженность по которым явилась основанием для обращения должника с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом), при этом не имел дохода в соответствующий период. Несмотря на ухудшение финансового состояния должника, он вновь обратился в кредитные учреждения и заключил кредитные договоры на значительную сумму, причем все кредитные договоры были заключены в течение трех дней, что объясняется тем, что должник стремился к тому, чтобы информация о полученных кредитах не успела отразиться в бюро кредитных историй, т. к. в противном случае подобная сумма не была бы выдана должнику¹².

К гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие

¹² См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 декабря 2019 г. по делу № А40-283397/2018.

помимо прочего честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом.

В связи с этим в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» разъяснено, что к заявлению должника о признании его банкротом должны быть приложены документы, перечисленные в пункте 3 статьи 213.4 Закона о банкротстве. Неисполнение должником обязанности по представлению отзыва и документов, равно как и сообщение суду недостоверных либо неполных сведений, может являться основанием для неприменения в отношении должника правила об освобождении от исполнения обязательств (абзац третий пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве).

В частности, применяя правила о неосвобождении должника от дальнейшего исполнения обязательств перед кредиторами, суды установили, что в рамках процедуры банкротства должник действовал недобросовестно, а именно: обязательства, возложенные на него определением суда не исполнил; с момента введения процедуры не сотрудничал с финансовым управляющим, на запросы не отвечал, запрашиваемую информацию не направлял; о месте своего жительства (пребывания) финансовому управляющему не сообщил; не предоставил необходимые сведения, предусмотренные Законом о банкротстве; пояснений относительно выявленных финансовым управляющим сделок не давал, не проявлял участия в процедуре реструктуризации долгов гражданина и реализации имущества, не предпринимал меры по погашению образовавшейся задолженности, не обеспечивал передачу необходимых сведений финансовому управляющему (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 сентября 2019 г. № Ф09-5377/19 по делу № А60-48571/2015).

Одним из формирующих судебную практику по данному вопросу является также Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2018 года № 305-ЭС17-13146(2).

Институт банкротства граждан предусматривает исключительный механизм освобождения лиц, попавших в тяжелое финансовое положение, от погашения требований кредиторов, – списание долгов, который позволяет гражданину заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам, но при этом в определенной степени ущемляет права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им удовлетворения.

В рассмотренном случае основная часть задолженности возникла из обязательств по договорам займа с физическими лицами на крупные суммы. Поскольку принятие гражданином на себя значительных денежных обязательств предполагает наличие у него возможности их своевременного исполнения за счет постоянного источника дохода или иного имущества, в том числе приобретенного на заемные средства, последующее банкротство должника и принимаемые в связи с этим в отношении него меры реабилитационного характера, как уже отмечалось, возлагают на последнего встречную обязанность по раскрытию своего имущественного положения, цели получения кредита (займа), его расходовании и иных сведений, необходимых для финансового анализа, проверки и выявления подлежащего включению в конкурсную массу имущества. Не допускается при этом утаивание имущества, находящегося в совместной собственности.

Несмотря на запрос суда, сведения о доходах должника (их размере и средствах получения), а также о доходах, имуществе и сделках супруги должника (в том числе связанных с разделом имущества после расторжения брака) в материалы дела не представлены. Информация о расходовании заемных денежных средств не раскрыта. Данные обстоятельства в их совокупности подтверждают недобросовестность действий должника.

В другом случае должнику предоставлен для потребительских целей крупный кредит банком, при этом гражданин не представил сведений об использовании полученных кредитных средств, в том числе для осуществления предпринимательской деятельности, не

указал конкретный вид деятельности и ее результаты, на которые могли быть направлены полученные денежные средства. В совокупности с тем, что должник не работает, не принимает мер к трудоустройству, не приводит сведения об источнике текущих доходов, он признан судами действующим недобросовестно¹³.

При рассмотрении дел о банкротстве граждан, таким образом, в предмет судебного разбирательства включаются также обстоятельства расходования должником средств, полученных как в рамках кредитных договоров, так и поступающих из иных источников, с целью оценки поведения должника как добросовестного или недобросовестного. Вместе с тем в большинстве случаев суммы полученных кредитных средств являются незначительными, в связи с чем расходование средств не может носить явно неразумный или недобросовестный характер.

Вместе с тем необходимо учитывать характер действий (бездействия) должника по непредоставлению необходимых сведений финансовому управляющему и последствия, которые наступили для кредиторов вследствие этого. Рассматривать любой случай уклонения от передачи данных или сокрытия определенных сведений безотносительно к конкретным обстоятельствам дела было бы неверным. В связи с этим в том случае, если будет установлено, что нарушение, заключающееся в нераскрытии необходимой информации, являлось малозначительным либо совершено вследствие добросовестного заблуждения гражданина-должника, правило о неосвобождении должника от обязательств не применяется.

Потребительское банкротство нередко предполагает, что невозможность исполнения обязательств гражданина наступает не только по кредитным обязательствам, но и по обязательствам по уплате за содержание жилья и коммунальные услуги.

Требование, вытекающее из обязательств должника как собственника помещения в многоквартирном доме по содержанию принадлежащего ему имущества, а также участию в расходах на содер-

¹³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 ноября 2019 г. по делу № 40-161980/2018. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 31.03.2020).

жание общего имущества в многоквартирном доме, не относится к требованиям, непосредственно связанным с личностью кредитора, в связи с чем к нему не применяется правило пункта 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве. Гражданин по общему правилу также освобождается от исполнения таких обязательств при завершении процедуры банкротства¹⁴.

Незаконность действий гражданина при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, может вытекать из совершения недействительной сделки. В одном из рассмотренных судом дел установлены обстоятельства незаконности и недобросовестности действий должника по надлежащему исполнению обязательств перед кредитором, выразившихся в заключении заведомо ничтожных договоров залога по договорам займа, задолженность по которым впоследствии включена в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве¹⁵. Должник, который являлся единственным участником общества, принял решение от имени общества о передаче в залог кредитору транспортных средств в обеспечение своих личных заемных обязательств. Таким образом, должник заключил договор залога имущества, не принадлежащего ему ни на каком праве, и совершил ничтожную сделку, тем самым действуя незаконно.

Примером недобросовестного поведения должника может служить утрата или существенное повреждение предмета залога, вследствие чего залоговый кредитор лишается возможности получить удовлетворение от стоимости заложенного имущества¹⁶.

Судебная практика по вопросу освобождения гражданина от обязательств перед кредиторами ещё находится в стадии формиро-

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 302-ЭС17-19710. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 31.03.2020).

¹⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 апреля 2017 г. по делу № А49-14871/2015. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 31.03.2020).

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16 сентября 2019 г. № Ф06-32415/2018 по делу № А55-22868/2016. URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 31.03.2020).

вания. Вместе с тем, учитывая общую тенденцию судебного толкования соответствующих положений законодательства о банкротстве, необходимо отметить, что судебная практика будет развиваться по пути дальнейшей защиты прав и законных интересов только добросовестных участников дел о несостоятельности (банкротстве), а право на освобождение от исполнения обязательств не может служить средством защиты должников, допустивших злоупотребление правом или действовавших незаконно.

О полномочиях апелляционной инстанции в арбитражном процессе России

Трещева Евгения Александровна,

*профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева»,
доктор юридических наук, профессор*

Обращение к названной теме вызвано не тем, что правовое регулирование деятельности апелляционного суда нуждается в значительных поправках, и не тем, что в практической деятельности возникают особые трудности правоприменения. Автор настоящей статьи неоднократно обращалась в своих работах к вопросам теоретического плана, касающимся статуса и взаимоотношений субъектов арбитражного процесса, в том числе и на стадиях пересмотра судебных актов¹⁷. Именно этот аспект во многом определяет, на взгляд автора, баланс прав и обязанностей суда любой инстанции (проявляемых, например, в полномочиях апелляционной инстанции) и соответствующих прав и обязанностей участников процесса (сторон, заявителей, прокурора, третьих лиц).

¹⁷ См.: Трещева Е. А. Субъекты арбитражного процесса. Часть 1: Общие теоретические вопросы понятия и классификации субъектов : монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006; Трещева Е. А. К вопросу о процессуальной форме апелляционной и кассационной инстанций в гражданском процессе // Право, наука, образование: традиции и перспективы : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений). Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2016. С. 328–330; Трещева Е. А. Компетенция арбитражного суда апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. // Проблемы пересмотра судебных актов в гражданском и арбитражном процессах : сб. научных статей. М. : РАП, 2008. С. 142–150; Трещева Е. А. Реализация состязательности сторон в апелляционном и кассационном производствах в арбитражном процессе России: проблемы правового регулирования // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ : сб. статей / под ред. д.ю.н., проф. Т. Е. Абовой. М. : Проспект, 2014 и др.

Полагаю, не вызывает особых сомнений тот факт, что в рамках любого судебного процесса правоотношения, возникающие между судом и участниками процесса как его субъектами (имеющие, безусловно, властный характер), являются двухсторонними. То есть праву одного субъекта корреспондирует обязанность другого. Суд руководит процессом, проявляя свои властные полномочия (это его право), а участники процесса обязаны подчиняться его распоряжениям. Вместе с тем, если процессуальный закон определяет в своих нормах конкретные права участвующих в деле лиц, у суда, естественно, существует обязанность создать условия для реализации таких прав. Это – постулат процессуальной науки, не требующий особых доказательств.

Обращение к этой теории неслучайно. Отмеченный «принцип равновесия» прав и обязанностей суда и участников процесса обязательно должен быть реализован в совокупности норм, регулирующих каждый этап, каждую стадию процесса.

После этого вступления обратимся к вопросам практического плана: реализуются ли отмеченные «постулаты» в нормах, регулирующих апелляционное производство.

Начнем с вопроса о том, как действующее законодательство определяет цель апелляционного производства, этой стадии арбитражного процесса? Исходя из этой цели, естественно, и должны быть определены полномочия суда и объем прав и обязанностей субъектов процесса, являющихся лицами, участвующими в разбирательстве дел в этой стадии.

Особенность норм, регулирующих апелляционное производство, выражена, среди прочего, в том, что как таковая цель данной стадии законодателем не определена. Представляется, что в ст. 268 АПК РФ эта цель определена как «пределы рассмотрения дела»:

«Статья 268. Пределы рассмотрения дела арбитражным судом апелляционной инстанции.

1. При рассмотрении дела в порядке апелляционного производства арбитражный суд по имеющимся в деле и дополнительно представленным доказательствам повторно рассматривает дело».

В то же время, содержит ли само понятие «обжалования» решения, многократно повторяемое в нормах Главы 34 АПК РФ, регулирующей апелляционное производство, апелляцию к такому решению, которое, по мнению заинтересованного лица, подлежит проверке? То есть ограничивается ли апелляционная инстанция целью повторного рассмотрения дела? В этом ли смысл «пересмотра судебных актов»?

Интересно обратиться к вопросу о цели апелляционного производства, определяемой в теории процессуального права, не только в современный период, но и в так называемый «дореволюционный период». Известный русский ученый-процессуалист И. Е. Энгельман, опираясь на труды ведущих ученых своего времени, определяет, во-первых, апелляционное производство как одну из форм обжалования решений с целью их исправления (если имеется их неправильность или неполнота)¹⁸ и, во-вторых, называет апелляцию просьбой стороны, считающей решение суда первой инстанции во всем или в известной части неправильным, о новом рассмотрении и перерешении дела судом высшей инстанции¹⁹. Явно усматривается как бы «двойная» цель такого производства: проверка решения вышестоящим судом и новое рассмотрение дела вышестоящим судом.

В современных трудах такой акцент не изменен. Так, Т. В. Сахнова определяет, что «апелляция в гражданском процессе – способ проверки правильности не вступившего в законную силу судебного постановления. Однако этот способ реализуется особыми методами – посредством повторного рассмотрения дела, бывшего предметом разбирательства в суде первой инстанции»²⁰. Иными словами, на первое место автор ставит цель проверки судебного акта. Еще более определенно такую цель подчеркивает В. М. Шерстюк. Он полагает, что суд апелляционной инстанции осуществляет контроль

¹⁸ Энгельман И. Е. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание второе. Юрьевъ: Въ комиссии у И. Г. Крюгера. 1904. С. 345–347.

¹⁹ Там же. С. 349–350.

²⁰ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 697.

за деятельностью арбитражного суда первой инстанции в специфической форме: посредством повторного рассмотрения и разрешения дела²¹. Е. А. Борисова также полагает, что для всех видов пересмотра судебных актов, в том числе и для апелляционного производства, характерно в первую очередь наличие цели проверки наличия или отсутствия оснований к отмене решений²².

Анализируя приведенные высказывания, можно сделать вывод о том, что законодательно не определена, но подразумевается такая цель апелляционного производства, как проверка акта суда первой инстанции, не вступившего в законную силу, путем повторного рассмотрения и разрешения дела. То есть, *повторное рассмотрение дела – это вовсе не цель, а форма (способ) такой проверки*.

Исходя из этого, основные действия суда апелляционной инстанции, отраженные в нормах Главы 34 АПК РФ, и должны быть направлены к этой цели – проверке. Думаю, у арбитражных судов апелляционной инстанции нет никаких сомнений по этому поводу. Тем более что акты, принимаемые этой инстанцией, по окончании производства должны отражать полномочия (в соответствии со статьей 269 АПК РФ), направленные на подтверждение законности проверенного решения либо на его отмену (изменение).

По этой причине, на взгляд автора этой статьи, законодательно должна быть закреплена цель апелляционного производства в иной формулировке части 1 статьи 268 АПК РФ: «При рассмотрении дела в порядке апелляционного производства арбитражный суд проверяет законность и обоснованность решения суда первой инстанции, повторно рассматривая дело по имеющимся в деле и дополнительно представленным доказательствам». Такое указание подтвердит наличие основной задачи деятельности в апелляционной инстанции, оно согласуется с самим понятием обжалования решения (выраже-

²¹ Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. М. К. Треушникова. М.: Издательский Дом «Городец», 2011. С. 532–534. (Автор Главы 29 В. М. Шерстюк).

²² Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 117.

нием несогласия с ним и требованием о его проверке) и с теми полномочиями, которые может реализовать апелляционный суд.

Обратим внимание на то обстоятельство, что указанное право (правомочие) суда по проверке законности и обоснованности решения должно в полной мере корреспондировать определенной обязанности субъекта, по чьей инициативе может возникнуть апелляционное производство: заявителя жалобы. Что же по этому поводу «говорит» закон?

В статье 260 АПК РФ, где раскрывается содержание апелляционной жалобы, указано лишь, что этот документ должен содержать «требования лица, подающего жалобу, и основания, по которым лицо, подающее жалобу, обжалует решение, со ссылкой на законы, иные нормативные правовые акты, обстоятельства дела и имеющиеся в деле доказательства». Здесь не отражена именно *обязанность* заявителя обосновать, в чем именно, по его мнению, состоит незаконность или необоснованность обжалуемого решения. Это подразумевается? Логика взаимоотношений суда, проверяющего решение, и лица, просившего об этом, означает реализацию правила следующего содержания: «просить можно только то, что может сделать суд». Поэтому в названной норме полезно было бы следующее дополнение: требование лица, указанное в жалобе, должно точно соответствовать полномочиям апелляционного суда, указанным в статье 269 АПК РФ. Достаточно дополнить статью несколькими словами: «в соответствии со статьей 269 настоящего кодекса» после слов «подающего жалобу».

Еще один важный момент, по поводу которого при анализе норм, регулирующих полномочия апелляционной инстанции, возникают определенные сомнения в точном их соответствии с целями деятельности суда. Имеется в виду правило, закрепленное в части 6.1 статьи 268 АПК РФ: «При наличии оснований, предусмотренных частью 4 статьи 270 настоящего Кодекса, арбитражный суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, в срок, не превышающий трех месяцев со дня поступления апелля-

ционной жалобы вместе с делом в арбитражный суд апелляционной инстанции. О переходе к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции выносится определение с указанием действий лиц, участвующих в деле, и сроков осуществления этих действий.

На отмену решения арбитражного суда первой инстанции указывается в постановлении, принимаемом арбитражным судом апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы».

Ссылка в этой норме на статью 270 АПК РФ, где, собственно, установлены основания применения тех полномочий, которые указаны в статье 269 АПК РФ, недвусмысленно подтверждает тот факт, что право апелляционного суда (или его обязанность? приведенная норма ответа на этот вопрос не дает) рассмотреть дело по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, есть не что иное, как еще одно *полномочие* апелляционного суда, «помещенное» в иную норму – статью о пределах рассмотрения дела. Логика законодательной техники здесь «хромает». Необходимо закрепить это правило (как обязанность суда) в дополнительном пункте 4 статьи 269 АПК РФ – как его полномочие. Подтверждением тому служит и то обстоятельство, что такое полномочие апелляционный суд применяет, как и другие, после *проверки* обстоятельств дела, при обнаружении оснований безусловной отмены решения: «Основаниями для отмены решения арбитражного суда первой инстанции в любом случае являются:

- 1) рассмотрение дела арбитражным судом в незаконном составе;
- 2) рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания;
- 3) нарушение правил о языке при рассмотрении дела;
- 4) принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле;
- 5) неподписание решения судьей или одним из судей, если дело рассмотрено в коллегиальном составе судей, либо подписание решения не теми судьями, которые указаны в решении;

б) отсутствие в деле протокола судебного заседания или подписание его не теми лицами, которые указаны в статье 155 настоящего Кодекса, в случае отсутствия аудиозаписи судебного заседания».

На этом примере можно убедиться в том, что приведение указанных норм в соответствие с логикой законодательной техники важно в первую очередь для заинтересованных лиц. Руководствуясь указанием на предполагаемую формулу «просить можно (и нужно) только то, что может сделать суд», заявитель жалобы имеет право, в числе других просьб к суду апелляционной инстанции, обращаться и с просьбой о принятии дела к производству по правилам первой инстанции, ссылаясь на нарушения, допущенные судом первой инстанции, перечисленные в части 4 статьи 270 АПК РФ. Разумеется, этот «путь» не закрыт и в настоящее время, он не противоречит нынешним нормам. Но он «не очевиден» – ни заявителям, ни, возьму на себя смелость сказать, суду. Полагаю, особенно важно соблюдение такого правила потому, что апелляционная инстанция может состояться и по жалобам лиц, не привлеченных к участию в деле, но права которых, по их мнению, нарушены решением (статья 42 АПК РФ). Эти лица заинтересованы не только и не столько в проверочной деятельности, сколько в наиболее полном исследовании всех обстоятельств дела. Это возможно только в первой инстанции, без тех ограничений, которые специально установлены для апелляционного производства в статье 266 АПК РФ: «В арбитражном суде апелляционной инстанции не применяются правила о соединении и разъединении нескольких требований, об изменении предмета или основания иска, об изменении размера исковых требований, о предъявлении встречного иска, о замене ненадлежащего ответчика, о привлечении к участию в деле третьих лиц, а также иные правила, установленные настоящим Кодексом только для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции».

В современной трактовке указанного права (обязанности?) апелляционного суда при наличии оснований, предусмотренных частью 4 статьи 270 АПК РФ, принять дело к своему производству по правилам суда первой инстанции, в норме статьи 268 АПК РФ усма-

тривается существенный пробел. Законодатель указал: «О переходе к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции выносится определение с указанием действий лиц, участвующих в деле, и сроков осуществления этих действий». Судьба апелляционной жалобы, по которой состоялась апелляционная проверка, в этой норме не определена. Нужно ли суду решать этот вопрос? Или подразумевается, что жалоба удовлетворяется? А если заявитель просил лишь изменить решение? Вопросов много, и ответы на них не отражены в нормах Главы 34 АПК РФ. Возможно, правоприменители, судьи в том числе, сочтут названные проблемы несущественными, преодолимыми в практической деятельности. Вместе с тем полагаю, что культура и логика законодательной техники не должна содержать таких пробелов.

Автор настоящей статьи сознательно не анализировала содержание и основания применения всех полномочий апелляционной инстанции, остановившись лишь на некоторых вопросах, редко отражаемых в теоретических исследованиях, а также в обзорах судебной практики.

Правовой реализм и правовая доктрина в судебной практике

*Бортников Сергей Петрович,
директор института права, заведующий кафедрой
международного права и политологии ФГБОУ ВО «Самарский
государственный экономический университет»,
доктор юридических наук, доцент*

Правовой реализм²³ часто воспринимается как теория, враждебная правовой доктрине. Правовая доктрина не ограничивает и не может ограничивать судей от использования существующих правовых средств для достижения практически любого результата, которого они хотят добиться. Настоящая статья посвящена, главным образом, тем подходам, которые складываются в зарубежных школах и сообществах. Поводом для написания настоящего эссе стала работа Дэна Прила и некоторых других иностранных авторов, занимающихся философией права и вопросами правоприменения²⁴. Как таковая доктрина служит лишь для того, чтобы скрыть и затушевать то, что лучше обсуждать открыто. Цель настоящего исследования – это анализ современных приёмов юридического реализма, который утверждает, что открытое обсуждение ценностей придаст закону большую определенность.

Необходимость философии и правовой доктрины не столь очевидны, особенно в сфере судебного применения права. В той мере, в

²³ Правовой реализм – юридическое движение, возникшее в США в 20-х годах XX века. Юридический реализм во многом базировался на философии прагматизма. Они считали, что для того, чтобы понять сущность права, нужно обратиться не к абстрактным теориям, а к реальным судебным процессам. Реалисты утверждали, что то, как судьи на самом деле решают судебные дела, во многом не соответствует тому, как это описывается в учебниках. Официальная теория учит, что есть целостная система законов, которые применяются строго и беспристрастно объективными и логически мыслящими судьями к конкретным делам. Соответственно, решения выносятся осознанно и осмысленно.

²⁴ Dan Priel. Legal Realism and Legal Doctrine. URL: <https://ssrn.com/abstract=3488345> (дата обращения: 02.02.2020).

какой философия права является философией конкретной судебной практики, можно ожидать, что суды и участники процесса (в части профессиональных сообществ) будут интересоваться теми аспектами, которые значимы в соответствующих сферах практики. Одной из таких отраслей знаний является правовая доктрина, а также ее научный анализ. Ее значение в Верховном Суде Российской Федерации по сравнению с временем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации сильно изменилось.

Причин отсутствия интереса несколько. Речь идет о чрезвычайно узкой концепции надлежащей роли правовой философии. По мнению сторонников этой точки зрения, есть что-то «антифилософское» в самой идее и возможности чему-то учить передовым практикам, что делать²⁵.

Более существенным основанием для того, чтобы проигнорировать юридическую доктрину, является мнение о том, что не существует какой-либо отдельной формы правовой аргументации, что правовая доктрина не может одинаково применяться к конкретным жизненным ситуациям.

Для начала необходимо определить, существует ли какая-либо особенность в логике юристов, отличается ли она по роду занятий: у прокурора, у судьи, у адвоката, у «нормального» человека. Как трансформируется правовая доктрина в позиции соответствующего правоприменителя.

Ларри Александер вообще указал, что юридические рассуждения «банальны», они не обладают какими-либо отраслевыми особенностями, а базируются на толковании морали, эмпирики, дедукции, но применяемые к правовой сфере²⁶. Правовая аргументация – это просто нормальная аргументация, применяемая к юридическим основаниям.

Автор настоящей статьи придерживается иной точки зрения. Правовая аргументация касается конкретных способов, установлен-

²⁵ Gardner J. Law as a leap of faith: Essays on law in general. Oxford University Press, Oxford. 2012. P. 24.

²⁶ Alexander L. The banality of legal reasoning. Notre Dame. 1998. L Rev 73:517-533. 517.

ных законом (в частности, процессуальными правилами и нормами) и правовой доктриной. Мы предполагаем, что юридическое суждение на практический вопрос будет отличаться от бытового, непрофессионального суждения, как в форме объяснения (формы), так и в его сути (содержании).

«Любой зарубежный юрист, интересующийся теорией права, как правило, хотя бы в самом общем виде знаком со знаменитым «методом Жени», не менее знаменитой «формулой Радбруха», «свободным поиском права» Эрлиха и «свободным правом» Канторовича, предсказательной теорией Холмса, балансированием интересов по Паунду и Хеку, «природой судебного процесса» Кардозо, психоаналитической теорией Фрэнка, «воображаемой реконструкцией» Познера, «судьей Геркулесом» Дворкина, «динамическим подходом» Эскриджа, «новым текстуализмом» Скалии, диалектической теорией юридической аргументации Алекси и другими вошедшими в историю права подходами к судебной методологии. В США, например, в списке наиболее цитируемых авторов доминируют именно те авторы, которые прославились своими позициями по вопросам теории права, судебного правотворчества и толкования законов в частности»²⁷.

Юристы руководствуются нормой и доктриной, правилами, которые, по их мнению, им следует (как юристам) использовать и правилами, которые, по их мнению, им не следует (как юристам) использовать. Проблема заключается в том, чтобы создать такой механизм, который бы позволил объективно вне зависимости от субъекта правоприменения выйти в суждении по частному случаю на один и тот же результат.

В. Ф. Тараненко писал, что «нормы права, отличающиеся от обычных, рядовых норм своим особым общественно-политическим и юридическим значением, тем, что они характеризуют важнейшие, качественные черты данной процессуальной системы», понимал под

²⁷ Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. С. 5.

принципами права²⁸. Однако К. Е. Коваленко полагает, что «признание под принципами права лишь тех основополагающих идей, которые получили официальное закрепление в нормах законодательства, является существенным недостатком понимания принципов права, сложившимся в отечественной науке»²⁹. В. С. Букина считает, что «принципы гражданского процессуального права, объективно существуя только в нормах гражданского процессуального права, должны получить в последних смысловое, а не обязательно текстуальное закрепление, так как только такое закрепление отвечает объективному назначению правовых принципов»³⁰.

Говорить о правовой аргументации – значит признавать, что мы можем определить способы ответа на вопросы, регулярно используемые юристами, которые отличаются от тех, которые мы находим вне закона. Юристы не уникальны в этом отношении: существуют идентифицируемые модели или способы рассуждений, используемые экономистами, инженерами, медиками и пр. Судья Юлиана Кокотт (Juliane Kokott) считает, что Суд Справедливости в ЕС дает абстрактное толкование и ему не нужно досконально знать фактическую составляющую дела.

То, что правовая аргументация в этом смысле существует, достаточно хорошо известно в аргументах, которые часто приводятся в институциональных терминах: «Это не вопрос, который должен решаться судом, и это лучше оставить для законодательной власти». В нем указывается, что какие-то действия или какие-то решения могут быть хорошими, возможно, даже все-таки считаются хорошими, но все равно могут быть неуместны для суда. К сожалению, практика судов высших инстанций предполагает обратное.

²⁸ Тараненко В. Ф. Принципы арбитражного процесса и влияние советской процессуальной теории на их формирование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 1984. С. 25.

²⁹ Коваленко К. Е. К вопросу о «разумности» в праве // Право и политика. 2011. № 12. С. 2102.

³⁰ Букина В. С. Принципы советского гражданского процессуального права (теоретические вопросы, понятия и системы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1975. С. 17.

Следует признать неизбежным судебное правотворчество, как минимум, в пробельных зонах и ниспровержение декларативной теории «у нас не прецедентная система права» как лицемерной фикции. Безусловно, суд не генерирует новую норму, он ее лишь применяет, но в соответствующих исторических обстоятельствах, политической конъюнктуре, сложившихся правовых подходах.

Очевидна «идея о невозможности полного отсеечения политико-правовых ценностей и соображений при принятии судом решения как в случае пробела в позитивном праве, так и при толковании закона и применении прецедентов. Невозможность сведения судебной функции по разрешению споров к применению простой формальной логики и манипуляциям с абстрактными правовыми концепциями, сложившимися доктринами и понятиями».

На прагматическое понимание права и правотворчества как средства достижения конкретных общественных экономических и этических целей путем балансирования различных интересов и ценностей, а не автономной системы, существующей в себе и для себя указывали многие авторы³¹.

Способы правовой аргументации можно отчасти определить теми правовыми изменениями, которые происходят вокруг. Часто общество и правовая система бывают просто не готовы к тем событиям, которые лавиной обрушивает на нас жизнь. Точно так же, отличия юридических семей заключаются не только в содержании их соответствующих законов (доверие является концепцией общего права, злоупотребление правами является гражданской идеей), но и в их методах аргументации. Эти различия относительны, и они не делают невозможными межюридические беседы, но они имеют свои практические последствия.

Межгосударственная практика выработки общих подходов в судебного правоприменения не нова. Еще ВАС РФ с Судом Справедливости (отделение Суда ЕС) обсуждал способы достижения единообразия в судебной практике, т. к. подходы европейского суда вряд ли

³¹ Меркуро, Медема. Экономическая теория и право. От Познера к постмодернизму и далее. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 156.

могут быть скопированы в арбитражной системе России. Как известно, одним из действенных средств унификации российской практики являются постановления президиума ВС РФ по конкретным делам. В праве ЕС прижился иной подход. Чтобы избежать различного толкования национальными судами нормативных актов ЕС, Суд Справедливости прибегает к преюдициальным запросам. По словам судьи Жан-Жака Каселя (Jean-Jacques Kasel), такая процедура является «настоящей жемчужиной в европейском правопорядке». Согласно ей национальный суд первой инстанции вправе, а суд вышестоящий инстанции обязан при возникновении вопросов в толковании права ЕС обратиться с преюдициальным запросом в Суд Справедливости. На основании полученных разъяснений суд выносит свое решение. При этом толкование Суда Справедливости не привязано к конкретному делу и является общеобязательным. Преюдициальные запросы в ЕС строятся не на иерархии судебных органов, а на распределении компетенции между национальными судами и наднациональным судебным органом.

Правовой реализм связан также с нормотворческой идеей о том, что в той мере, в какой юристы действительно позволяют правовым правилам ограничивать их, они отказываются от своих моральных обязанностей. При представлении юридического вопроса юристам следует добиваться справедливости или следовать («механически») некоторым ранее существовавшим правилам. Для тех, кто придерживается этой точки зрения, идея о том, что закон подразумевает самоограничение прямого преследования правосудия, рассматривается как одна из наихудших патологий юристов, к которой они оставляют свой сильнейший профессиональный эпитет. Это быстро приводит к презрению к правовой доктрине как, в лучшем случае, к изощренному обману. Такая точка зрения имела значительное влияние в США³².

В деле «Лю и Лю против РФ» ЕСПЧ фактически применил принцип «должной правовой процедуры», или «надлежащей пра-

³² Smith S.D. In defense of traditional legal scholarship: A comment on Schlegel, Weisberg, and Dan-Cohen. U Colorado L Rev 63:627-640. 1992. P. 635.

вовой процедуры», который, хотя и упоминается чаще всего как принцип стран общего права, однако вполне соответствует принципам справедливого правосудия стран континентальной правовой системы. КС РФ в целом ряде своих постановлений также упоминает термин «надлежащая правовая процедура», «надлежащая судебная процедура» (постановления КС РФ от 24.02.2004 № 3-П, от 03.07.2001 № 10-П, от 27.02.2009 № 4-П, от 21.12.2011 № 30-П и др.).

Как считает российский исследователь М. Смольянов, концепция «надлежащей правовой процедуры» имеет усеченное подобие в отечественной литературе в виде категории «процессуальная форма», которая традиционно рассматривалась как гарантия обеспечения прав и свобод личности³³. Также он отмечает, что «надлежащая правовая процедура выступает достоянием многовековой англосаксонской правовой традиции.

Тот факт, что правовой реализм и правовой формализм являются противоположными взглядами, является общеправовым явлением. Менее понятно, чем они различаются. Наиболее важными в понимании формализма является тезис о том, что закон должен быть закрытым от какой-либо конъюнктуры, политических и экономических обстоятельств, целей его использования. В отношении развития правовой доктрины, ее обоснования, взаимосвязи между правом и политикой должна быть реализована сама сущность правовых явлений, которая в последующем будет применяться судом к соответствующему социальному конфликту. Эта автономия распространяется и на политические вопросы: для формалистов право (или, по крайней мере, частное право) не является инструментом для достижения какой-либо конкретной цели, и поэтому должно оставаться прежним вне времени и места, что также подразумевает, что оно не может быть связано с политикой³⁴.

³³ Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976. С. 25.

³⁴ Beaver A. *Forgotten justice: The forms of justice in the history of legal and political theory*. Oxford University Press, Oxford. 2013. P. 126.

Карл Ллевеллин не отвергал правовую доктрину как пустую, не считал, что закон во многом не определен, не отмахивался от методов юристов и в значительной степени симпатизировала общему праву³⁵. Наибольшая угроза исходит от абстрактных философских теорий, из которых с незначительным вкладом из практики вырастает «судебная доктрина». Реальное право, как оно встречается в судебных делах, становится в противоречие действующему закону или формирует доктрину, опережающую закон. Так было с доктринами добросовестности в налоговых спорах, доктрине снятия корпоративной вуали, в вопросах возмещения убытков органом управления и пр.

Право не является чем-то застывшим как в своей доктрине, так и в правоприменении, это деятельность, которая принадлежала этому миру.

Объединение двух формализмов и двух реализмов дает четыре различных мнения. По крайней мере, в одном смысле существует четкая параллель между доктринальным и традиционным правовым реализмом, с одной стороны, и между концептуализмом и научным правовым реализмом – с другой. В случае первой пары оба привержены примату фактической юридической практики и отвергают попытки чрезмерно интеллектуализировать закон.

В отличие от всего этого, Даган хочет, чтобы юристы прозрачно обсуждали стоящие на кону вопросы стоимости. Таким образом, Даган перепрофилирует «правовую теорию» как решение неминуемости доктрины³⁶. Правильно задуманная правовая теория – это не прикладная экономика или прикладная моральная философия, а место для принятия и адаптации идей, поступающих из всех других дисциплин, в уникальную смесь, подходящую для права. Процесс принятия правовых решений и оценка правовых норм должны быть основаны на экономической эффективности. Сразу встает вопрос о роли судов в экономической жизни государства.

³⁵ Llewellyn KN (1942) *The crafts of law re-valued*. American Bar Association J 28:801-803,844. 1942. P. 46.

³⁶ Dagan H. *Reconstructing American legal realism & rethinking private law theory*. Oxford University Press, New York. 2013. P. 85.

Этот момент особенно четко проявляется в контексте верховенства права: верховенство права как руководство и верховенство права как ограничение – но есть и другое ощущение верховенства права, которое можно назвать «верховенством права как олицетворение» органа, судьи и пр. Именно закон правит, а не конкретный человек. При смене человека, решающего дело, разрешение спора не должно измениться (хотя смена судьи означает смену состава и рассмотрение дела заново). Когда это будет так, именно «закон» решает дело, и не имеет значения, что он «направляется» через человека, потому что человек, о котором идет речь, «рупор» закона³⁷. Это чувство верховенства права особенно важно для некоторых доктрин-юристов. Биркс пояснил, что «судья должен уметь сказать: Это не я, это закон».

Верховенство права двуедино и определено как конституционная основа нашего государства. Верховенство права оказывает воздействие на совершенствование как всей системы социальных и политических отношений, так и отдельных правовых норм, институтов, законодательства в целом, а также всего государственного устройства.

Вышеупомянутое предложение заключается в том, что закрытие или непрозрачность являются важными гарантиями верховенства права в смысле имперсональности. Если исход дела зависит от судьи, назначенного для его рассмотрения, то руководство закона подрывается. Но при учете эффекта временных ограничений, недостаточной информации и когнитивных предубеждений существует реальный риск того, что обращение к судьям с призывом обсуждать человеческие или экономические ценности приведет к интуитивным суждениям. Правоприменение может опираться на прагматические суждения относительно оптимальной степени отстраненности от практики права и относительно оптимального сочетания социо-исторических и нормативных перспектив, которые должны быть применены в праве.

³⁷ Монтескье Ш. О духе законов. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf> (дата обращения: 07.04.2020).

В Постановлении Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 06.12.2007 по делу «Лю и Лю (Liu and Liu) против Российской Федерации» (жалоба № 42086/05) была описана ситуация, когда ходатайство заявителя о разрешении на проживание было отклонено со ссылкой на соображения государственной безопасности и от заявителя потребовали покинуть Россию. Решение было принято местным подразделением органов внутренних дел в соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Орган внутренних дел не привел оснований своего решения, за исключением общей ссылки на пункт 1 статьи 7 Закона № 115-ФЗ.

ЕСПЧ, оценивая жалобу, указал, что, хотя возможность судебного обжалования и была предоставлена, суды РФ не имели возможности эффективно оценить, было ли решение оправданным, поскольку материалы, на которых было основано решение, в суды в полном объеме представлены не были. Доводы местного органа внутренних дел сводились к утверждению, что он располагал сведениями, согласно которым первый заявитель представлял угрозу государственной безопасности. Содержание этих сведений не сообщалось ни заявителям, ни судам на том основании, что оно составляло государственную тайну.

Доктрина не является камнем преткновения, который стоит на пути «реальных» вопросов. основополагающим принципом остается разумность, рассудительность и обоснованность суждения.

О. В. Исаенкова обозначает «разумность как соответствие установленной законом идеальной модели общественному базису и сознанию на время ее принятия и действия»³⁸. Разумность имеет всеобъемлющее влияние не только в правоприменении, но и генерировании нормы. Разумность предполагает «исследование фактов и обстоятельств всех форм и элементов правового познания (логичности, свободы, равенства, справедливости, учета судебной практики, условий, средств, форм, иных обстоятельств), в целях установления

³⁸ Исаенкова О. В. Исполнительное право в Российской Федерации: особенности становления и перспективы развития / под ред. А. А. Демичева. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 207.

и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов процесса»³⁹. Л. В. Борисова видит сущность принципа разумности в необходимости «сбалансированного учета судом интересов всех участвующих в деле и иных лиц, а также целей, стоящих перед гражданским судопроизводством», кроме того, предлагает ввести отдельную статью в ГПК РФ, определяющую «разумность правосудия»⁴⁰.

В США существует институт, по которому служитель Феиды лишается приставки «судья» перед своим именем и обретает приставку «справедливость». «Справедливость» – титул, которым именуют судей Верховного Суда США. Это люди, достигшие вершины, и они уже не столько судят людей – они творят законы.

Решения, которые выглядят как «разумные» и «справедливые» при рассмотрении конкретного дела, могут иметь плохие последствия на системном уровне. Напротив, «нелогичные» решения могут оказаться превосходящими в более широкой перспективе. Для решения таких проблем требуется опыт, частично основанный на знании сложных последствий индивидуальных действий. Судьи частично признали этот момент и разработали различные методики, направленные на ограничение их вмешательства в вопросы, которые они на самом деле не понимают. В качестве примеров можно привести использование экспертов (как непосредственно в качестве свидетелей-экспертов, так и косвенно, когда они полагаются на свое решение, отраженное в законодательных стандартах), запрос на разъяснение иностранного права, юрисдикционный запрос и пр. В разных странах существуют различные варианты. Многие находят карательную справедливость – идею о том, что правонарушители «заслуживают» того наказания, которое они получают, и о том, что наказание должно быть соразмерно их мерзости – очень естественной. Однако эта естественная реакция, которая может хорошо работать для отдельных случаев и малых обществ, может иметь нежелательные по-

³⁹ Черкашин В. А. Разумность в гражданском процессе: сущность и перспективы // Российский судья. 2011. № 6. С. 20.

⁴⁰ Борисова Л. В. Понятие и значение принципа разумности в гражданском процессе. URL: <http://www.pandia.ru>. (дата обращения: 02.02.2020).

следствия в других контекстах. Именно поэтому на практике ни одна правовая система не придерживается таких идей ни в уголовном, ни в деликтном праве. Американскую систему уголовного правосудия с постановлением «трех пожизненных сроков» или иных несоразмерных и жестоких санкций вряд ли можно назвать успешной.

Любые попытки применить математический или экономический подход в процессе судебного правоприменения являются затруднительными на практике. Безусловно, экономические концепции и идеи теперь легко выдвигаются как учеными, так и некоторыми судьями, и нет никаких сомнений в том, что они повлияли на правовую доктрину в целом. Но когда судьям нужно реально применять экономические идеи к конкретным делам, кажущиеся точными математические формулы не сильно отличаются от расплывчатого словесного выражения, которое экономический анализ стремился вытеснить. Даже когда дело приходит к судье, симпатизирующему применению экономики, он обязательно признает, что данных, необходимых для применения «формулы Руки» к конкретному делу, просто нет⁴¹. Пока судьям приходится полагаться на интуицию, практическую мудрость, прагматическое суждение (или любое подобное выражение) для решения дела. Правовая теория пока вряд ли окажет существенное влияние на качество судебного разбирательства.

Предложенный здесь подход направлен на решение проблемы неопределенности путем рассмотрения правовой доктрины как средства упрощения споров, зачастую путем упрощения числа дел, в которых судьи считают необходимым опираться на правовую теорию.

Законодательство может быть гораздо более конкретным в своих требованиях и установлениях, и его предписания могут быть основаны на экспертных суждениях. Даже в англо-саксонской системе права все большее значение приобретает закон, относящийся к сфере государственного регулирования. Даже в тех областях, в которых по-прежнему доминирует общее право, на практике это становится лишь побочным моментом для государственного регулирования. Следствием этого зачастую является снижение необходимости уча-

⁴¹ *McCarty v. Pheasant Run, Inc.* (1987) 826 F.2d 1554 (7th Circuit).

ствия судей в обсуждении сущности соответствующего деликта. Во всем этом подход общего права, либо в его доктринальной, «традиционной» форме, либо в более теоретически сложном варианте играет относительно небольшую роль.

Принцип разумности в гражданском судопроизводстве заключает в себе, с одной стороны, соответствие предполагаемых к принятию норм права (в нашем случае – гражданского процессуального) не только нормам уже действующего законодательства, но и требованиям рациональности, оптимальности, сбалансированности частных и публичных интересов, экономическим и социальным условиям российского общества на конкретном этапе, а, с другой стороны, принимая во внимание различные степени гибкости правового регулирования процессуальных правоотношений, – обязанность судьи при отправлении правосудия помимо использования норм права (материального и процессуального) руководствоваться разумом, накопленными профессиональными и общекультурными знаниями, давать оценку действиям, доказательствам только после интеллектуального осмысления⁴².

⁴² Комарова Т. А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 10.

**О взаимной связи между первоначальным
и встречным исками. Комментарий к определению
Судебной коллегии по экономическим спорам
Верховного Суда Российской Федерации
от 18.08.2016 № 301-ЭС16-4180
по делу № А82-1475/2012**

*Кузнецов Сергей Анатольевич,
судья Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда,
кандидат юридических наук, доцент*

Обстоятельства дела, по которому принято определение Судебной коллегии по экономическим спорам (далее – коллегия по экономическим спорам, СК по ЭС) Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 18.08.2016 № 301-ЭС16-4180 по делу № А82-1475/2012 (далее – комментируемое определение), следующие.

По договору купли-продажи нежилого помещения и доли в праве собственности на земельный участок от 02.11.2011 № 2 общество «Маяк» (покупатель) приобрело в собственность у общества «Стройкоминвест-21» (продавца) недвижимое имущество, расположенное по адресу: г. Ярославль, 1-й Промышленный пр-д, 11: лабораторно-бытовой корпус (лит. Е) общей площадью 622,10 кв. м, кадастровый номер 76:23:011001:0203:027831/05; главный корпус (лит. В) общей площадью 907,60 кв. м, кадастровый номер 76:23:011001:0203:027831/03 и долю в размере 6196/10936 в праве собственности на земельный участок площадью 10 936 кв. м, кадастровый номер 76:23:011001:0203, категория земель населенных пунктов, разрешенное использование: «для эксплуатации производственных зданий».

Приобретенное имущество было оплачено обществом «Маяк» в полном объеме.

В соответствии с пунктом 7 договора от 02.11.2011 № 2 имущество подлежит передаче от продавца к покупателю в срок до 17.11.2011, после чего в трехдневный срок стороны обязались обратиться в регистрирующий орган за государственной регистрацией перехода к покупателю права собственности на имущество.

Заключение спорной сделки было одобрено участниками обществ «Маяк» и «Стройкоминвест-21».

Уклонение продавца от исполнения спорного договора явилось причиной обращения общества «Маяк» в арбитражный суд с первоначальным иском, в котором просило:

- исполнить обязанность по передаче недвижимого имущества, расположенного по адресу: г. Ярославль, 1-й Промышленный проезд, 11, а именно: главного корпуса (лит. В) общей площадью 907,60 кв. м, кадастровый номер 76:23:011001:0203:027831/03; лабораторно-бытового корпуса (лит. Е) общей площадью 622,10 кв. м, кадастровый номер 76:23:011001:0203:027831/05; доли в размере 6196/10936 в праве собственности на земельный участок площадью 10 936 кв. м, кадастровый номер 76:23:011001:0203, категория земель населенных пунктов, разрешенное использование: «для эксплуатации производственных зданий»;

- осуществить государственную регистрацию перехода права собственности от общества «Стройкоминвест-21» к обществу «Маяк» на указанное недвижимое имущество в соответствии с договором купли-продажи от 02.11.2011 № 2.

В свою очередь, полагая, что договор от 02.11.2011 № 2 является недействительным, общество «Стройкоминвест-21» предъявило встречный иск о признании договора купли-продажи от 02.11.2011 № 2 недействительным.

Удовлетворяя первоначальный иск, суды трех инстанций пришли к выводу, что, получив встречное предоставление по сделке, общество «Стройкоминвест-21» обязано было передать спорное имущество покупателю и осуществить соответствующие регистрационные действия по переходу права собственности.

Отказывая в удовлетворении встречного иска, суды исходили из пропуска обществом «Стройкоминвест-21» срока исковой давности на оспаривание договора от 02.11.2011 № 2 и указали, что названный договор от имени продавца подписан Гайдуком С. Н., его полномочия на момент подписания договора подтверждались протоколами общих собраний участников общества от 16.02.2010, 11.02.2011, записью в Едином государственном реестре юридических лиц и не были признаны недействительными.

Отменяя судебные акты трех инстанций, коллегия по экономическим спорам пришла к выводу о том, что судами не учтено следующее.

Решением Арбитражного суда Ивановской области от 21.05.2015 по делу № А17-6709/2014 общество «Стройкоминвест-21» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

В пункте 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» разъяснено, что согласно абзацу седьмому пункта 1 статьи 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) с даты принятия судом решения о признании должника банкротом все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, иные имущественные требования, за исключением текущих платежей, перечисленных в пункте 1 статьи 134 данного Закона, и требований о признании права собственности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными ничтожных сделок и о применении последствий их недействительности могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства.

В связи с этим в ходе конкурсного производства подлежат предъявлению только в деле о банкротстве также возникшие до возбуждения этого дела требования кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера (о передаче имущества в соб-

ственность, выполнении работ и оказании услуг), которые рассматриваются по правилам статьи 100 Закона о банкротстве.

Таким образом, по смыслу приведенных разъяснений, с момента открытия конкурсного производства происходит трансформация неденежного требования о передаче имущества обществом «Стройкоминвест-21» в денежное требование по возврату этим обществом оплаты, полученной по договору до возбуждения дела о банкротстве.

Так как конкурсное производство в отношении общества «Стройкоминвест-21» открыто (21.05.2015) до принятия решения суда первой инстанции по настоящему делу (15.07.2015), заявленные обществом «Маяк» требования подлежат рассмотрению в деле о банкротстве.

Обратный подход привел бы к тому, что требования общества «Маяк», носящие реестровый характер, были бы удовлетворены во внеочередном порядке, преимущественно перед требованиями иных конкурсных кредиторов общества «Стройкоминвест-21», что противоречит законодательству о банкротстве.

Пунктом 4 части 1 статьи 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено, что суд оставляет заявление без рассмотрения, если после его принятия к производству установит, что заявлено требование, которое в соответствии с федеральным законом должно быть рассмотрено в деле о банкротстве.

При таких обстоятельствах данные требования подлежали оставлению без рассмотрения в силу пункта 4 части 1 статьи 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Поскольку предъявление встречного иска фактически не носило самостоятельного характера, а было обусловлено предъявлением первоначального иска, то есть между исками имеется взаимная связь, требования общества «Стройкоминвест-21» следует также оставить без рассмотрения.

Принимая во внимание изложенное, коллегия по экономическим спорам пришла к выводу о том, что суды допустили существенные нарушения норм материального и процессуального права, в связи с чем отменила обжалуемые судебные акты на основании части 1

статьи 291.11 АПК РФ, а исковые требования общества «Маяк» и общества «Стройкоминвест-21» оставила без рассмотрения.

В комментируемом определении изложена правовая позиция, согласно которой в случае, если до вынесения решения судом первой инстанции в отношении ответчика будет открыто конкурсное производство, суд на основании пункта 4 части 1 статьи 148 АПК РФ должен оставить иск без рассмотрения, за исключением случаев, когда согласно законодательству о банкротстве соответствующее требование может быть рассмотрено вне рамок дела о банкротстве.

Данная правовая позиция включена в пункт 33 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016), утвержденного Президиумом ВС РФ 19.10.2016 (далее – Обзор № 3 (2016)), а также неоднократно обсуждалась в юридической литературе⁴³.

Однако нас в настоящей работе будет интересовать не указанная широко известная правовая позиция, а приведенное коллегией по экономическим спорам основание оставления встречного иска без рассмотрения.

Несложно заметить, что статья 148 АПК РФ, предусматривающая основания для оставления искового заявления без рассмотрения, не содержит специальных положений об оставлении встречного иска без рассмотрения в случае, если предъявление встречного иска фактически не носило самостоятельного характера, а было обусловлено предъявлением первоначального иска, то есть между исками имеется взаимная связь. Оставляя встречный иск без рассмотрения по указанным мотивам, коллегия по экономическим спорам, к сожалению, не указала норму процессуального права, которой при этом руководствовалась. Однако, несмотря на краткость

⁴³ См.: Воронина Т. Пять позиций по процессуальным вопросам // ЭЖ-Юрист. 2016. № 46. С. 11; Карапетов А. Г., Фетисова Е. М., Матвиенко С. В., Бондаревская М. В. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за август 2016 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 27–47; Суворов Е. Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2018 гг. Вып. 2. М.: Статут, 2019.

приведенных коллегией по экономическим спорам мотивов и отсутствие указания на норму процессуального права, послужившую основанием для оставления встречного иска без рассмотрения, мы попробуем проанализировать значение взаимной связи между первоначальным и встречным исками и возможность оставления встречного иска без рассмотрения в случае, если первоначальный иск оставлен без рассмотрения.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) неоднократно обращал внимание на возможность эффективной судебной защиты нарушенных прав путем предъявления встречного иска⁴⁴.

Ответчик до принятия арбитражным судом первой инстанции судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, вправе предъявить истцу встречный иск для рассмотрения его совместно с первоначальным иском (часть 1 статьи 132 АПК РФ).

Встречный иск принимается арбитражным судом в случае, если: 1) встречное требование направлено к зачету первоначального требования; 2) удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска; 3) между встречным и первоначальным исками имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильно-му рассмотрению дела (часть 3 статьи 132 АПК РФ).

Данная норма основана на принципе процессуальной экономии⁴⁵ и имеет своей целью сократить время рассмотрения арбитражным судом споров, а также обеспечить наиболее правильное и всестороннее рассмотрение и разрешение судебных дел⁴⁶.

⁴⁴ См.: абзац второй пункта 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств»; постановление Президиума ВАС РФ от 02.11.2010 № 11937/10 по делу № А40-1086/10-125-11.

⁴⁵ Клейн Н. И. Встречный иск в суде и арбитраже. М.: Статут, 2017. С. 30–31.

⁴⁶ См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа (далее – АС ПО) от 11.04.2019 № Ф06-46032/2019 по делу № А55-5257/2018; постановление АС ПО от 13.05.2019 № Ф06-46039/2019 по делу № А55-28783/2018; Бычков А. Встретить иск встречным иском! // ЭЖ-Юрист. 2013. № 20. С. 13.

Как отмечал П. П. Цитович, «встречный иск прежде всего есть средство защиты»⁴⁷.

В юридической литературе отмечалась несамостоятельность встречного иска, обусловленная его предназначением как средства защиты от первоначального иска.

Так, по мнению В. И. Адамовича, «встречный иск, как обусловленный или вызванный иском первоначального истца, при своем осуществлении утрачивает до известной степени свою самостоятельность»⁴⁸.

Как отмечала в указанной связи Н. И. Клейн, «встречный иск, как и всякий иск, служит средством удовлетворения судом или арбитром самостоятельного требования. Однако для встречного иска характерно не это, так как самостоятельное требование может быть предметом отдельного процесса. Большей частью встречное требование имеет целью опровержение требования истца полностью или в части либо защиту от него»⁴⁹. «Одновременное рассмотрение и удовлетворение первоначального иска и встречного иска, направленного к зачету, исключает не само первоначальное требование, а лишь присуждение по нему полностью или в части. И в этом случае встречный иск предъявляется ответчиком для защиты от первоначального иска, хотя и не ведет к отказу в нем. Подобного рода встречные иски выполняют в процессе роль средства защиты ответчика против иска. Своеобразие этого средства защиты состоит в том, что встречный иск выходит за пределы простой защиты против первоначального иска: он совмещает в себе и свойства иска, и свойства защиты от иска. При предъявлении такого встречного иска ответчик преследует двоякую цель: во-первых, защитить свое самостоятельное право; во-вторых, защититься против первоначального иска. Первая цель может быть достигнута и при рассмотрении требования в самостоятельном процессе; вторая

⁴⁷ Цитович П. П. Гражданский процесс. Конспект лекций. Издание четвертое. Киев, 1884. С. 42. См. также: Фишман Л. И. Движение гражданского процесса / под ред. проф. Ал. Малицкого. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1926. С. 177.

⁴⁸ Адамович В. И. Встречный иск (к учению о зачете). СПб., 1899. С. II.

⁴⁹ Клейн Н. И. Указ. соч. С. 28.

же осуществима только при совместном рассмотрении встречного и первоначального исков в одном процессе. Однако процессуальное законодательство, судебная и арбитражная практика знают встречные иски, которые не преследуют цели защиты от первоначального иска»⁵⁰. «Целью обращения с таким иском является одновременное рассмотрение в одном процессе взаимосвязанных требований»⁵¹.

Взаимная связь между первоначальным и встречным исками может проявляться, например, в общности доказательств, представленных в обоснование первоначального и встречного требования, во взаимосвязанности оснований, по которым заявлены требования, в единстве предмета заявленных требований⁵².

Вместе с тем, как отмечал ещё Гражданский Кассационный Департамент Правительствующего Сената Российской Империи, «понятие встречного иска не предполагает необходимым условием, чтобы подобное обратное требование ответчика к истцу непременно вытекало из тех же юридических отношений, которые послужили основанием к предъявлению первоначального иска к ответчику»⁵³. Закон «не требует, чтобы встречный иск имел во всяком случае тесную связь с первоначальным»⁵⁴.

⁵⁰ Клейн Н. И. Указ. соч. С. 29.

⁵¹ Клейн Н. И. Указ. соч. С. 30.

⁵² См.: постановление АС ПО от 11.04.2019 № Ф06-46032/2019 по делу № А55-5257/2018; постановление АС ПО от 13.05.2019 № Ф06-46039/2019 по делу № А55-28783/2018; Бычков А. Встретить иск встречным иском! // ЭЖ-Юрист. 2013. № 20. С. 13.

⁵³ Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената Российской Империи от 12.03.1876 № 173 // Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1876 год. Екатеринбург, 1912. С. 333. См. также: Гуляев А. М. Встречный иск в проекте новой редакции Устава гражданского судопроизводства (Доклад, читанный в собрании Общества 26 сентября 1900 года). С. 126; Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание второе, дополненное. Ярославль, 1912. С. 215. Аналогичный подход встречается в судебной практике и в советский период. См.: Фишман Л. И. Указ. соч. С. 179.

⁵⁴ Решение Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената Российской Империи от 15.09.1877 № 250 // Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1877 год. Екатеринбург, 1912. С. 496. См. также: Гуляев А. М. Указ. соч. С. 126; Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Издание третье, исправленное и дополненное. Юрьев, 1912. С. 260.

В случае, если встречный иск направлен к зачету первоначального иска⁵⁵, связи между их предметами либо основаниями не требуется, поскольку для зачета необходима лишь однородность первоначальных и встречных исковых требований⁵⁶.

Однако и в указанном случае предъявление встречного иска обусловлено интересом ответчика в совместном рассмотрении судом первоначального и встречного исков.

В отечественной юридической литературе неоднократно подчеркивалось отсутствие влияния судьбы первоначального иска на судьбу встречного иска.

Так, Е. А. Нефедьев отмечал, что «встречный иск находится всегда в противоречии с иском первоначальным, а потому они никогда не сливаются, и судьба одного не зависит от судьбы другого. Так, например, истец по первоначальному иску может отказаться от своего иска; ему может быть отказано в иске судом, и он может оставить это решение без обжалования, но это не будет иметь влияния на движение производства по иску встречному»⁵⁷.

Т. М. Яблочков полагал, что «судьба встречного иска не зависит от судьбы другого ни в ходе производства, ни в его разрешении»⁵⁸.

Л. И. Фишман считал, что «встречный иск не зависит от положения первоначального иска; поэтому, если первоначальный истец откажется от первоначального иска, то прекращение дела по первоначальному иску не влияет на судьбу встречного иска»⁵⁹.

Вместе с тем, исходя из мотивов, приведенных в комментируемом определении, возможен и иной взгляд на судьбу встречного иска в случае прекращения производства по первоначальному иску либо оставления данного иска без рассмотрения, в большей мере

⁵⁵ Адамович В. И. Указ. соч. С. 43–134.

⁵⁶ См.: Струнская О. Не все зачтется // ЭЖ-Юрист. 2005. № 28; постановление Федерального арбитражного суда (далее – ФАС) Восточно-Сибирского округа от 23.10.2003 № А19-4776/03-14-Ф02-3544/03-С2.

⁵⁷ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание третье. М., 1902. С. 170.

⁵⁸ Яблочков Т. М. Указ. соч. С. 216.

⁵⁹ Фишман Л. И. Указ. соч. С. 184.

учитывающий взаимную связь первоначального и встречного исков, несамостоятельность встречного иска, его встречный характер, направленность прежде всего на защиту от первоначального иска.

В случае прекращения производства по первоначальному иску либо оставления данного иска без рассмотрения ни одна из предусмотренных частью 3 статьи 132 АПК РФ целей предъявления встречного иска уже не может быть достигнута, иск ответчика к истцу по сути утрачивает встречный характер, в связи с чем в силу диспозитивности арбитражного процесса⁶⁰ в таком случае необходимо отдельное волеизъявление ответчика на продолжение рассмотрения судом его искового требования к истцу, несмотря на утрату таким требованием встречного характера в связи с прекращением производства по первоначальному иску либо оставлением данного иска без рассмотрения. В случае наличия такого волеизъявления ответчика суд может продолжить рассмотрение иска ответчика к истцу, если придет к выводу о возможности рассмотрения данного иска отдельно от первоначального иска.

Некоторые встречные исковые требования исходя из их правовой природы, содержания и тесной взаимной связи с первоначальными исковыми требованиями в принципе не могут быть рассмотрены отдельно от последних⁶¹, в том числе и при наличии соответствующей

⁶⁰ См.: Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. С. 343-348; Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов / под ред. М. С. Шакарян. М. : Былина, 1998. С. 47-50; Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве // Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М. : Проспект, 2008. С. 64-91; Шерстюк В. М. Реализация принципов арбитражного судопроизводства в законах, принятых после вступления в силу АПК РФ // Шерстюк В. М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства : сборник статей. М. : Статут, 2015. С. 136-137.

⁶¹ Например, в случае если первоначальный иск об изменении одного условия договора (ст. 450, 451 ГК РФ), а встречный иск об изменении другого условия этого договора, основанием которого является изменение условия договора, являющееся предметом первоначального иска. Похожая ситуация возникнет в случае, если первоначальный иск – о признании части сделки недействительной (ст. 180 ГК РФ), а встречный иск – о признании прочих частей этой сделки недействительными в связи с тем, что эта сделка не была бы совершена без включения части, признание недействительной которой является предметом первоначального иска. Приведенными примерами не исчерпываются случаи, в которых встречные исковые требования исходя из их правовой природы, содержания и тесной взаимной связи с первоначальными исковыми требованиями в принципе не могут быть рассмотрены отдельно от последних.

щего волеизъявления ответчика, поэтому в случае прекращения производства по первоначальному иску либо оставления данного иска без рассмотрения подлежат оставлению без рассмотрения применительно к статье 148 АПК РФ.

В случае же отсутствия волеизъявления ответчика на продолжение рассмотрения судом его иска к истцу, несмотря на утрату таким требованием встречного характера в связи с прекращением производства по первоначальному иску либо оставлением данного иска без рассмотрения, встречный иск подлежит оставлению без рассмотрения применительно к статье 148 АПК РФ.

О последствиях неправильного выбора меры ответственности за нарушение обязательства

*Кузнецов Сергей Анатольевич,
судья Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда,
кандидат юридических наук, доцент*

Выбор конкретного способа защиты права принадлежит лицу, обратившемуся за защитой⁶², при этом неправильный выбор влечет отказ в защите права⁶³.

⁶² См.: Краснова С. А. Право потерпевшего на выбор способа защиты и право суда на юридическую квалификацию: вопросы соотношения // Юрист. 2012. № 19. С. 39–42; Краснова С. А. Проявление диспозитивности в сфере защиты гражданских прав // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сборник научных статей / В. В. Акинфиева, Л. А. Аксенчук, А. А. Ананьева и др.; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017; Ненашев М. М. Способ защиты права: процессуальные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 8. С. 44–48; № 12. С. 10–14; абзац первый пункта 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширияева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.04.2003. № 17. ст. 1657; определение Судебной коллегии по экономическим спорам (далее – СК по ЭС) Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 27.04.2018 № 305-ЭС17-2344 (13) по делу № А40-232020/2015.

⁶³ См.: Кузнецова О. А. Категория «ненадлежащий способ защиты гражданских прав» в практике российских судов // Власть закона. 2012. № 3. С. 58–68; Кузнецова О. А. Ненадлежащий способ защиты гражданских прав как основание для отказа в иске // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4 (10). С. 120; Кукшинов Д. Р. Категория добросовестности применительно к возникновению залоговых прав // Опыты цивилистического исследования : сборник статей / Д. В. Гудков, И. И. Зикун, А. А. Зябликов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М. : Статут, 2016; Краснова С. А. Право потерпевшего на выбор способа защиты и право суда на юридическую квалификацию: вопросы соотношения // Юрист. 2012. № 19. С. 39–42; Краснова С. А. Проявление диспозитивности в сфере защиты гражданских прав // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сборник научных статей / В. В. Акинфиева, Л. А. Аксенчук, А. А. Ананьева и др.; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017; Ненашев М. М. Способ защиты права: процессуальные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 8. С. 44–48; № 12. С. 10–14.

Взыскание неустойки (статья 12, § 2 главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) и процентов за пользование чужими денежными средствами (статья 395 ГК РФ, далее – проценты по статье 395 ГК РФ) по смыслу статьи 12 ГК РФ являются самостоятельными способами защиты права, однако неправильный выбор одной из этих санкций в ситуации, когда избрана должна быть другая, не влечет отказ в защите права.

Так, на вопрос о том, является ли основанием для отказа в иске о взыскании суммы санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства ее неправильная правовая квалификация истцом, который обосновывает свое требование пунктом 1 статьи 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на этот случай предусмотрена неустойка, Президиум Верховного Суда Российской Федерации ответил следующее.

В силу пункта 4 статьи 395 ГК РФ в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, предусмотренные данной статьей проценты не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено законом или договором.

Согласно правовой позиции, содержащейся в пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», если законом или соглашением сторон установлена неустойка за нарушение денежного обязательства, на которую распространяется правило абзаца первого пункта 1 статьи 394 ГК РФ, то положения пункта 1 статьи 395 ГК РФ не применяются. В этом случае взысканию подлежит неустойка, установленная законом или соглашением сторон, а не проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ (пункт 4 статьи 395 ГК РФ).

В соответствии с правовой позицией, содержащейся в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федера-

ции», согласно статье 148 ГПК РФ или статье 133 АПК РФ, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора. По смыслу части 1 статьи 196 ГПК РФ или части 1 статьи 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования⁶⁴.

Таким образом, если истец обосновывает требование о взыскании суммы санкции за просрочку в исполнении денежного обязательства ссылками на пункт 1 статьи 395 ГК РФ, когда законом или договором предусмотрена неустойка (абзац первый пункта 1 статьи 394 ГК РФ), суд выносит на обсуждение сторон вопрос о необходимости применения к правоотношениям сторон пункта 1 статьи 330 или пункта 1 статьи 322 ГК РФ о неустойке.

В этом случае истец может соответственно увеличить или уменьшить размер исковых требований на основании условий договора или положений закона о неустойке, а ответчик – заявить о применении статьи 333 ГК РФ и представить соответствующие доказательства.

Если размер процентов, рассчитанных на основании статьи 395 ГК РФ, превышает размер неустойки, суд при установлении факта нарушения денежного обязательства удовлетворяет иски требования частично в пределах размера суммы неустойки, подлежащей взысканию.

⁶⁴ Данная правовая позиция ранее изложена в абзацах втором и третьем пункта 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 6.

Само по себе то обстоятельство, что истец обосновывает свое требование о применении меры ответственности в виде взыскания денежной суммы за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства пунктом 1 статьи 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на случай этого нарушения предусмотрена соответствующая неустойка и денежные средства необходимо взыскать с ответчика в пользу истца на основании пункта 1 статьи 330 или пункта 1 статьи 332 ГК РФ, не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования⁶⁵.

Мы, в свою очередь, полагаем необходимым отметить также следующее.

Обращение в суд с требованием о взыскании неустойки, убытков или процентов по статье 395 ГК РФ помимо требования о применении конкретной меры ответственности содержит также и требование о привлечении к ответственности за нарушение обязательства. Может ли неправильный выбор истцом меры ответственности, например, процентов по статье 395 ГК РФ вместо подлежащей взысканию неустойки, повлечь отказ в привлечении к самой ответственности, то есть, иначе говоря, вправе ли суд привлечь к ответственности с применением иной меры, чем просит истец?

Исходя из положений статьи 12 ГК РФ данные меры являются не только разными мерами ответственности, но и разными способами защиты, однако по сути требование о применении любой из этих мер является не чем иным, как требованием о привлечении к ответственности за нарушение (неисполнение или ненадлежащее исполнение) обязательства, и направлено на компенсацию обратившемуся за судебной защитой лицу (истцу) негативных последствий данного нарушения.

⁶⁵ Вопрос 2 раздела «Обязательственное право» в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 06.07.2016 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 3, 4. См. также: п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2017 по делу № 305-ЭС17-10359 по делу № А40-51128/2016.

Основанием иска о применении любой из мер ответственности за нарушение обязательства будут являться фактические обстоятельства такого нарушения⁶⁶, а предметом иска будет требование о привлечении к ответственности за нарушение обязательства и применении одной из мер ответственности (убытков, неустойки, процентов по статье 395 ГК РФ). Неправильное указание истцом подлежащих применению для разрешения спора норм права не способно повлечь отказ в иске, поскольку суд не связан предложенной сторонами правовой квалификацией спорных отношений и самостоятельно определяет данные нормы. Соответственно неправильный выбор истцом норм о конкретной мере ответственности, подлежащей применению за данное нарушение обязательства, не должен влечь отказ суда в привлечении к самой ответственности. Например, неправильное указание истцом на взыскание процентов по статье 395 ГК РФ в случае, если стороны в договоре установили за данное нарушение неустойку, равно как и предъявление требования о взыскании законной неустойки в случае, если взысканию подлежит неустойка договорная, не должно влечь отказ в иске, поскольку суд вправе самостоятельно применить нормы гражданского права о подлежащей применению в данном случае мере ответственности.

Аналогичный подход возможен и в случае неправильного определения истцом условий договора о неустойке, подлежащей взысканию с ответчика.

Так, в случае, если договором предусмотрено взыскание пени за просрочку исполнения и штрафа за иные нарушения обязательства, и истец требует взыскать пени, в то время как исходя из характера допущенного ответчиком нарушения обязательства взысканию подлежит штраф, то с учетом статей 133, 168 АПК РФ и указанных правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации мы полагаем, что ссылки истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле условия договора о неустойке сами по

⁶⁶ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.05.1997 № 5796/96 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1997. № 7.

себе не являются основанием для отказа в иске, поскольку суд не связан доводами сторон о применении тех или иных условий договора и вправе самостоятельно определить условия договора, подлежащие применению к отношениям сторон, поставить на обсуждение сторон вопрос о применении данных условий и указать в судебном акте мотивы неприменения условий договора, на которые ссылались стороны⁶⁷.

⁶⁷ См.: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2011 № 15АП-5661/2011 и постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.09.2011 по делу № А32-35838/2010.

Процедура рассмотрения материалов налоговой проверки: правовые последствия ее нарушения

*Матюхина Татьяна Михайловна,
судья Арбитражного суда Самарской области*

Тема, которой посвящена данная статья, не является новой, но от этого она не становится менее актуальной.

После того как завершена налоговая проверка, которая может быть камеральной или выездной, проведены все мероприятия налогового контроля, включающие в себя сбор и анализ представленных налогоплательщиком, контрагентами и полученным по запросам документам, налоговым органом выносится акт. Собственно, сам акт налоговой проверки и материалы проверки, а также возражения налогоплательщика являются предметом исследования на рассмотрении руководителя налогового органа (его заместителя).

Судебная практика показывает, что в процессе рассмотрения материалов налоговых проверок и вынесения решений по ним довольно часто допускаются нарушения. Налогоплательщики в свою очередь используют такие ошибки с целью отмены ненормативных правовых актов, нередко злоупотребляя своими правами. Решения судами принимаются как в пользу налогоплательщиков, так и в пользу налогового органа. Суды тщательно анализируют конкретные обстоятельства рассматриваемых дел, поэтому в каждом конкретном случае исход оспаривания решения по формальным основаниям будет различным. Налогоплательщикам следует учитывать, что суды могут оценивать доводы налогоплательщика о несоблюдении налоговым органом существенных условий процедуры рассмотрения материалов проверки только в том случае, если эти доводы заявлялись при обжаловании решения в вышестоящем налоговом органе. На это прямо указано в пункте 68 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации».

Рассматривая заявления налогоплательщиков об оспаривании решений налогового органа по процессуальным нарушениям, суды, прежде всего, выясняют, привели ли данные нарушения к принятию неправомерного решения.

Несоблюдение должностными лицами налоговой инспекции существенных условий процедуры рассмотрения материалов проверки – самостоятельное и безусловное основание для отмены решения, вынесенного по итогам такого рассмотрения. Данное правило закреплено в пункте 14 статьи 101 и пункте 12 статьи 101.4 НК РФ. На основании этих норм вышестоящий налоговый орган или суд могут признать ненормативный правовой акт инспекции недействительным. Причем, если будет установлено, что процедурные нарушения со стороны фискальных органов носят существенный характер, рассматривать налоговый спор по существу не требуется, на это указал Пленум ВАС РФ в пункте 73 постановления от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации».

В пункте 14 статьи 101 Кодекса прямо указаны только два существенных условия, нарушение которых является безусловным основанием для отмены решения налогового органа, вынесенного по итогам проверки:

- обеспечение возможности лица, в отношении которого проводилась проверка, участвовать в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки лично и (или) через своего представителя;
- обеспечение возможности налогоплательщика представить объяснения.

В то же время в пункте 14 статьи 101 НК РФ сказано, что основаниями для отмены указанного решения налогового органа вышестоящим налоговым органом или судом могут являться иные нарушения процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки, если только такие нарушения привели или могли привести к принятию руководителем (заместителем руководителя) налогового органа неправомерного решения.

Таким образом, перечень существенных нарушений по сути не является закрытым.

На это также указал Президиум ВАС РФ в постановлении от 29.09.2010 № 4903/10 по делу № А40-51817/09-33-302 и Пленум ВАС РФ в постановлении от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», который в качестве оснований для отмены решения признал такие нарушения процедуры рассмотрения материалов проверки, как:

- неизвещение либо ненадлежащее извещение лица, в отношении которого проводилась проверка или иные мероприятия налогового контроля, о месте и времени рассмотрения соответствующих материалов;

- вынесение решения по результатам рассмотрения материалов проверки или иных мероприятий налогового контроля не тем руководителем (либо заместителем руководителя) налогового органа, который рассматривал указанные материалы.

При этом имеется определенное условие, если только они привели или могли привести к принятию неправомерного решения инспекции.

Согласно пункту 1 статьи 101 НК РФ рассмотрение материалов налоговой проверки осуществляется руководителем налоговой инспекции, проводившей соответствующую налоговую проверку, либо его заместителем. По результатам рассмотрения материалов налоговой проверки руководитель или его заместитель принимает решение о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности либо об отказе в привлечении, на это указано в пункте 7 статьи 101 НК РФ.

Процедура рассмотрения материалов налоговой проверки состоит из трех этапов.

Первый этап – это подготовительные мероприятия.

Данный этап включает в себя ряд определенных действий со стороны руководителя (заместителя) налогового органа.

Пунктом 3 статьи 101 НК РФ прямо предусмотрено, что перед тем как приступить к рассмотрению материалов проверки, руко-

водитель налогового органа (его заместитель) должен объявить, кто рассматривает дело и материалы какой налоговой проверки подлежат рассмотрению; установить факт явки лиц, приглашенных для участия в рассмотрении.

В случае неявки этих лиц руководитель (заместитель руководителя) налогового органа выясняет, извещены ли участники производства по делу в установленном порядке, и принимает решение о рассмотрении материалов налоговой проверки в отсутствие указанных лиц либо об отложении указанного рассмотрения; в случае участия представителя лица, в отношении которого проводилась налоговая проверка, проверить полномочия этого представителя; разъяснить лицам, участвующим в процедуре рассмотрения, их права и обязанности; вынести решение об отложении рассмотрения материалов налоговой проверки в случае неявки лица, участие которого необходимо для рассмотрения.

При проведении подготовительных мероприятий могут быть допущены различные нарушения. Рассмотрим их на примере судебной практики.

Большинство споров, рассматриваемых судами по нарушениям, допущенным при проведении подготовительных мероприятий, возникает, если руководитель не проверит информацию об извещении отсутствующего налогоплательщика или посчитает его надлежаще уведомленным и в нарушение пункта 2 статьи 101 НК РФ примет итоговое решение по проверке. Такое решение можно оспорить в суде.

Из анализа судебной практики следует, что на момент рассмотрения материалов проверки и принятия решения налоговый орган обязан располагать не информацией об отправке заказных писем и иных отправлений, а доказательствами их вручения проверяемому лицу. Суды отмечают, что по смыслу пункта 3 статьи 101 НК РФ руководитель (заместитель руководителя) инспекции вправе принять решение о рассмотрении итогов контрольных мероприятий без участия налогоплательщика только при его уведомлении в установленном порядке. Признание последнего надлежаще извещенным о рассмотрении материалов проверки путем направления ему соот-

ветствующего уведомления независимо от его получения адресатом положениями статьи 101 НК РФ не предусмотрено.

Примером отмены решений налогового органа вследствие отсутствия на момент рассмотрения материалов проверки у инспекции информации о том, что компания получила (или не получила) извещение, является постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11.04.2016 по делу № А54-1784/2014. Суд указал, что налогоплательщик не считается извещенным о рассмотрении материалов проверки, если на момент их рассмотрения нет информации о том, что он получил уведомление по почте. Доводы кассационной жалобы об отсутствии у налогового органа обязанности выяснять, извещен ли налогоплательщик о месте и времени рассмотрения материалов проверки, мотивированные тем, что корреспонденция инспекции считается полученной на шестой день со дня отправки независимо от того, получена она налогоплательщиком или нет, судом отклонены как основанные на неверном толковании норм материального права.

Еще один пример постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.04.2015 по делу № А32-33119/2013. Судом удовлетворены требования налогоплательщика, поскольку материалы камеральной налоговой проверки рассмотрены без участия представителя общества при отсутствии сведений, позволяющих достоверно установить факт надлежащего извещения его о времени и месте рассмотрения материалов налоговой проверки.

Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 02.03.2015 по делу № А60-5496/2014 удовлетворил требование налогоплательщика, так как налоговым органом не были предприняты все меры к надлежащему уведомлению налогоплательщика о необходимости представления документов, оповещению его о времени и месте рассмотрения материалов проверки, направлению копий акта налоговой проверки и решений, все требования, необходимые для получения вычетов, налогоплательщиком соблюдены.

Аналогичные ситуации рассмотрены в постановлениях ФАС Московского округа от 24.01.2014 по делу № А40-39102/2013, от

20.01.2014 по делу № А41-11771/2010, ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.02.2014 по делу № А19-1342/2013, ФАС Северо-Кавказского округа от 13.07.2012 по делу № А32-11821/2011.

Реестр почтовых отправок также не доказывает факт получения извещения. Примером тому служат постановления ФАС Московского округа от 20.01.2014 по делу № А41-11771/10, ФАС Центрального округа от 24.02.2011 по делу № А54-2176/2010СЗ.

Неуказание времени рассмотрения материалов проверки также может служить основанием к отмене решения налогового органа. Например, постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.12.2010 по делу № А19-6580/10, ФАС Поволжского округа от 01.02.2011 по делу № А65-2850/2010.

Нередко встречаются и нарушения, выражающиеся в отсутствии в извещении подписи должностного лица, например, постановление ФАС Московского округа от 03.09.2010 по делу № А40-122389/09-114-864.

Примером, когда решения налогового органа отменяются по причине получения извещения в день рассмотрения материалов проверки или позже, могут служить постановления ФАС Волго-Вятского округа от 14.05.2012 по делу № А29-4249/2011, ФАС Северо-Кавказского округа от 26.03.2010 по делу № А53-9772/2008-С5-44, ФАС Московского округа от 24.01.2014 по делу № А40-39102/13-91-127, ФАС Восточно-Сибирского округа от 16.10.2013 по делу № А19-22250/2012, ФАС Уральского округа от 21.09.2011 по делу № А60-45032/2010.

Реже встречаются случаи, когда компанию извещают о рассмотрении материалов проверки просто звонком по телефону, например, постановление ФАС Поволжского округа от 01.07.2010 по делу № А72-5120/2008, ФАС Северо-Кавказского округа от 12.03.2009 по делу № А32-16737/2007 (Определением ВАС РФ от 02.07.2009 № ВАС-8187/09 в передаче дела № А-32-16737/07-4/499-2008-56/70 в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора отказано).

При этом причиной неизвещения налогоплательщика о времени и месте рассмотрения материалов налоговой проверки могут являть-

ся злоупотребления со стороны самих налогоплательщиков, которые попросту игнорируют либо уклоняются от обязанности получения корреспонденции по адресу, который является местом регистрации. В таких случаях суды выносят решения в пользу налогового органа.

Примером может служить постановление ФАС Центрального округа от 13.02.2014 по делу № А09-4108/2013. Судьи посчитали, что неполучение налогоплательщиком почтовой корреспонденции, направляемой в его адрес, обусловлено не действиями инспекции или органа почтовой связи, а действиями самого налогоплательщика и его фактическим отсутствием по месту регистрации. Судьи указали, что обязанность получения корреспонденции по адресу, который является местом регистрации, возложена на предпринимателя, вне зависимости от фактического проживания по данному адресу.

Так ФАС Северо-Кавказского округа в постановлении от 22.02.2013 по делу № А22-1744/2011 указал, что неполучение заказных писем является риском налогоплательщика, и он несет неблагоприятные последствия, связанные с недобросовестным отношением к своим обязанностям. По мнению судей, общество, не находясь по своему юридическому адресу и не заявив об изменении места его нахождения, целенаправленно создало условия, препятствующие инспекции осуществлять налоговый контроль, чем нарушило требования подпункта 7 пункта 1 статьи 23 НК РФ. Поэтому на заявителя не распространяются предусмотренные пунктом 14 статьи 101 НК РФ гарантии защиты прав добросовестных налогоплательщиков.

Аналогичные выводы нашли свое отражение в постановлениях ФАС Дальневосточного округа от 31.01.2014 по делу № А37-489/2013, ФАС Западно-Сибирского округа от 26.03.2013 по делу № А27-7613/2012, ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.12.2013 по делу № А19-3547/2013, ФАС Северо-Западного округа от 02.12.2013 по делу № А42-7899/2011, ФАС Московского округа от 12.09.2013 по делу № А40-60523/12.

Иногда налоговый орган не допускает представителя налогоплательщика на рассмотрение материалов проверки, мотивируя это ненадлежащим оформлением доверенности.

Как показывает практика, замечания налогового органа к доверенности не всегда обоснованны, в таком случае подлежат отмене судом.

Примером такого решения служит постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.06.2018 по делу № А49-9006/2017. Налоговый орган посчитал, что у представителя отсутствуют полномочия на участие в рассмотрении материалов дела, так как это не было прямо указано в доверенности, и не допустил его к рассмотрению материалов проверки. Суд посчитал довод налогового органа несостоятельным, так как из пункта 3 статьи 29 НК РФ и гражданского законодательства следует, что в доверенности, выданной уполномоченному представителю налогоплательщика, возможно указание общего полномочия на представление интересов в отношениях с налоговыми органами. При этом ни законодательство о налогах и сборах, ни гражданское законодательство не предусматривают необходимость специального указания в выдаваемой налогоплательщиком доверенности полномочий представителя на участие в рассмотрении материалов налоговой проверки.

Однако на практике возможна и обратная ситуация, когда налоговому органу представляется доверенность, которая не подтверждает полномочия предъявившего ее лица. Это возможно, если истек срок действия доверенности, а также при ошибках в ее оформлении. Например, в доверенности не указана дата составления либо допущена опечатка в имени, отчестве, фамилии или паспортных данных лица, которому она выдана.

В таком случае налоговый орган вправе не допустить лицо, предъявившее такую доверенность, на рассмотрение материалов проверки. Примером может служить постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.06.2011 по делу № А19-18801/2010.

Отсутствие у лиц, представляющих интересы налогоплательщика, надлежащих полномочий расценивается как неявка в налоговый орган. На это, к примеру, указал суд в постановлении ФАС Дальневосточного округа от 27.07.2011 по делу № А51-18044/2010.

Еще один пример нарушений, когда плательщика не уведомили о времени и месте нового рассмотрения материалов после отло-

жения, тем самым допустив, нарушение права налогоплательщика на участие в процессе рассмотрения материалов проверки, которое согласно абз. 2 пункта 14 статьи 101 НК РФ влечет за собой отмену решения налогового органа, вынесенного по результатам проверки, нашел свое отражение в постановлениях Президиума ВАС РФ от 12.02.2008 № 12566/07, ФАС Московского округа от 29.06.2009 по делу № А40-36811/08-143-118.

Второй этап – исследование материалов налоговой проверки.

В ходе исследования изучаются обстоятельства нарушений, которые, по мнению проверяющих, допустил налогоплательщик, оцениваются представленные доказательства, а также наличие у налогоплательщика обстоятельств, смягчающих или отягчающих его ответственность.

При рассмотрении материалов налоговой проверки может быть оглашен акт налоговой проверки, а при необходимости и иные материалы мероприятий налогового контроля, а также письменные возражения лица, в отношении которого проводилась проверка. Отсутствие письменных возражений не лишает это лицо (его представителя) права давать свои объяснения на стадии рассмотрения материалов налоговой проверки.

При рассмотрении материалов налоговой проверки исследуются представленные до рассмотрения материалов налоговой проверки доказательства, с которыми лицу, в отношении которого проводилась проверка, была предоставлена возможность ознакомиться, в том числе документы, ранее истребованные у лица, в отношении которого проводилась налоговая проверка (включая участников консолидированной группы налогоплательщиков), документы, представленные в налоговые органы при проведении камеральных или выездных налоговых проверок данных лиц, и иные документы, имеющиеся у налогового органа, о чем указано в пункте 4 статьи 101 НК РФ.

В ходе рассмотрения материалов налоговой проверки может быть принято решение о привлечении в случае необходимости к участию в этом рассмотрении свидетеля, эксперта, специалиста.

Обязанность руководителя налогового органа (его заместителя) исследовать письменные возражения налогоплательщика и представленные вместе с ними документы в ходе рассмотрения, предусмотрена пунктом 1 статьи 101 и пунктом 6 статьи 100 НК РФ соответственно.

Несмотря на это, из судебной практики следует, что оставление без внимания и как следствие неотражение возражений и первичных документов в решении налогового органа является самым распространенным нарушением условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки.

Так, к примеру ФАС Поволжского округа в постановлении от 06.03.2012 по делу № А65-14110/2011 указал, что налоговый орган, принимая оспариваемое решение без учета представленных налогоплательщиком возражений и документов, нарушил установленное пунктом 6 статьи 100 НК РФ право налогоплательщика представить свои объяснения и возражения по существу установленных налоговым органом обстоятельств, не были изучены все первичные документы и не были проверены доводы налогоплательщика о наличии соответствующих расходов, что повлекло неправомерное определение налоговой базы.

В нарушение положений пункта 3.1 статьи 100 НК РФ к акту налоговой проверки не были приложены и налогоплательщику не были вручены документы, что также является распространенным нарушением.

На основании чего суд пришел к выводу о нарушении налоговым органом существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки, поскольку налогоплательщик был лишен возможности ознакомиться с материалами проверки и подготовить объяснения в полном объеме.

Необеспечение права налогоплательщика на подачу возражений по материалам дополнительного налогового контроля и на участие в рассмотрении материалов налоговой проверки после проведения дополнительных мероприятий также является основанием к отмене оспариваемого решения. Как следует из постановления ар-

битражного суда Западно-Сибирского округа от 20.08.2018 по делу № А70-11922/2017, права налогоплательщика на подачу возражений по материалам дополнительного налогового контроля и на участие в рассмотрении материалов налоговой проверки после проведения дополнительных мероприятий не были обеспечены налоговым органом. Данное нарушение не устранено и при рассмотрении апелляционной жалобы налогоплательщика вышестоящим налоговым органом, права налогоплательщика также не были обеспечены и восстановлены. С документами, полученными в ходе проведения дополнительных мероприятий, налогоплательщика ознакомили только в ходе судебного разбирательства. Вышестоящий налоговый орган рассмотрел апелляционную жалобу, в которой было заявлено о нарушении процедуры рассмотрения инспекцией, также без участия налогоплательщика.

В связи с чем суд пришел к выводу о существенном нарушении налоговым органом процедуры рассмотрения материалов проверки, что в свою очередь является основанием к безусловной отмене принятого по ее итогам решения.

Встречаются случаи, когда при рассмотрении материалов проверки налоговый орган не выявил смягчающие обстоятельства или выявил их, но не учел в целях применения санкций за налоговые правонарушения. Такие действия (бездействия) налогового органа не приводят к отмене оспариваемого решения, но судебные органы могут посчитать размер этих санкций необоснованным и снизить их. Примером таких решений могут служить постановления ФАС Северо-Западного округа от 20.02.2014 по делу № А21-3124/2013, ФАС Поволжского округа от 07.11.2013 по делу № А55-33445/2012 (Определение ВАС РФ от 06.03.2014 № ВАС-1710/14).

Третий этап – вынесение руководителем налогового органа (его заместителем) решения о привлечении, либо отказе в привлечении проверяемого налогоплательщика к ответственности.

Решение по результатам проверки должен вынести руководитель налоговой инспекции либо его заместитель (пункт 7 статьи 101 НК РФ). Однако бывают случаи, когда материалы проверки рассма-

тривал руководитель, а решение подписал заместитель, или наоборот. Такое может случиться по причине болезни или отпуска руководителя или заместителя.

Как указано в пункте 42 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», исходя из системного толкования положений статей 101 и 101.4 НК РФ, вынесение решения по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки или иных мероприятий налогового контроля не тем руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, который рассматривал указанные материалы, в том числе возражения соответствующего лица, и непосредственно исследовал все имеющиеся доказательства, также является нарушением существенных условий процедуры рассмотрения, поскольку в этом случае лицо, в отношении которого проводилась налоговая проверка или иные мероприятия налогового контроля, лишается возможности дать пояснения относительно содержащихся в акте и иных материалах выводов непосредственно тому должностному лицу налогового органа, которое вынесло решение. В таких ситуациях суды признают решения налогового органа недействительными, в качестве примера можно привести постановления ФАС Северо-Кавказского округа от 30.04.2013 по делу № А32-29944/2010 и от 14.06.2012 по делу № А32-3826/2010, ФАС Московского округа от 29.07.2011 по делу № А40-130154/10-107-733).

Но бывают ситуации, когда лицо, рассматривающее материалы проверки, ушло в отпуск, заболело или вообще уволилось. В таком случае во избежание нарушения процедуры рассмотрения новому должностному лицу нужно рассмотреть все материалы проверки, возражения налогоплательщика заново и только после этого принимать итоговое решение, такое разъяснение дано в письме ФНС России от 11.03.2016 № ЕД-4-2/3968@.

В случае необходимости прояснения ситуации руководитель налогового органа (его заместитель) может принять меры, направ-

ленные на получение дополнительных доказательств, для принятия решения, что предусмотрено пунктами 4–6 статьи 101 НК РФ. В этом случае налогоплательщик также должен быть уведомлен.

Например, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.02.2018 № Ф06-29834/2018 по делу № А12-13646/2017. Требование налогоплательщика удовлетворено, поскольку налоговым органом было допущено нарушение существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки, выразившееся в неизвещении налогоплательщика о времени и месте рассмотрения материалов проверки.

Как указал суд в данном судебном акте, исходя из системного толкования пунктов 1, 6, 7 статьи 101 НК РФ, процедура рассмотрения материалов налоговой проверки включает в себя также рассмотрение материалов, полученных налоговым органом в ходе дополнительных мероприятий налогового контроля.

Следовательно, нарушение прав налогоплательщика на участие в процессе рассмотрения материалов, полученных в результате дополнительных мероприятий налогового контроля, и права на представление объяснений по результатам проведения таких дополнительных мероприятий является существенным нарушением условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки.

Еще один пример того, что налоговый орган не обеспечил право налогоплательщика на подачу возражений по материалам дополнительного налогового контроля и на участие в рассмотрении материалов налоговой проверки после проведения дополнительных мероприятий, нашел отражение в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.08.2018 по делу № А70-11922/2017. При рассмотрении апелляционной жалобы налогоплательщика в УФНС данные права также не были обеспечены и восстановлены. С документами, полученными в ходе проведения дополнительных мероприятий, налогоплательщика ознакомили только в ходе судебного разбирательства. Управление рассмотрело апелляционную жалобу, в которой было заявлено о нарушении процедуры рассмотрения инспекцией, также без участия налогоплательщика.

Суд пришел к выводу, что данные действия свидетельствуют о том, что налоговый орган существенно нарушил процедуру рассмотрения материалов проверки, что влечет безусловную отмену принятого по ее итогам решения.

Немаловажное изменение внесено в пункт 6.1 статьи 101 НК РФ Федеральным законом 03.08.2018 № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым начало и окончание дополнительных мероприятий налогового контроля, сведения о мероприятиях налогового контроля, проведенных при осуществлении дополнительных мероприятий налогового контроля, а также полученные дополнительные доказательства для подтверждения факта совершения нарушений законодательства о налогах и сборах или отсутствия таковых, выводы и предложения проверяющих по устранению выявленных нарушений и ссылки на статьи НК РФ в случае, если предусмотрена ответственность за эти нарушения законодательства о налогах и сборах, фиксируются в дополнении к акту налоговой проверки. Данное изменение применяется при вынесении решений по результатам налоговых проверок, завершающихся после 03.09.2018.

Дополнение к акту налоговой проверки должно быть составлено и подписано должностными лицами налогового органа, проводящими дополнительные мероприятия налогового контроля, в течение 15 дней со дня окончания таких мероприятий.

Само же решение по итогам налоговой проверки согласно пункту 1 статьи 101 НК РФ должно быть принято в течение 10 дней с момента истечения месячного срока, который установлен пунктом 6 статьи 100 НК РФ для подачи возражений и считается со следующего дня после истечения срока представления возражений, что предусмотрено пунктом 2 статьи 6.1, пунктом 6 статьи 100, пунктом 1 статьи 101 НК РФ.

Указанный срок для вынесения решения исчисляется в рабочих днях, о чем указано в пункте 6 статьи 6.1 НК РФ.

В свою очередь срок представления возражений истекает в соответствующее дату получения акта проверки число месяца,

следующего за месяцем получения акта, что указано в пункте 5 статьи 6.1 НК РФ.

Срок для рассмотрения материалов проверки и вынесения решения может быть продлен решением руководителя налогового органа (его заместителя), но не более чем на один месяц, на это указано в пункте 1 статьи 101 НК РФ.

Конкретный перечень оснований для продления срока рассмотрения материалов проверки налоговым законодательством не установлен.

Чаще всего решение о продлении принимается в случае вынесения решения о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля или неявки лица, присутствие которого необходимо для принятия решения.

Продление допустимо и в других случаях по усмотрению лица, которое рассматривает материалы проверки.

Например, налогоплательщик представил в налоговый орган большое количество документов в подтверждение своих возражений на акт проверки, и в связи с необходимостью изучения большого объема документов, представленных налогоплательщиком, руководитель налогового органа может принять решение о продлении срока рассмотрения материалов проверки.

Если окончание срока приходится на нерабочий день, последним днем срока будет считаться ближайший рабочий день. А если при продлении срока на месяц окажется, что соответствующей даты в следующем месяце нет, продленный срок истечет в последний день следующего месяца, о чем указано в подпунктах 5, 7 статьи 6.1 НК РФ.

Продление оформляется решением руководителя налогового органа, проводившего проверку, или его заместителя.

Решение должно быть подписано руководителем инспекции (его заместителем) и заверено печатью.

Является ли нарушение сроков для рассмотрения материалов налоговой проверки основанием для отмены решения налогового органа? Представляется, что нет.

Налоговое законодательство не рассматривает нарушение налоговым органом установленного срока для рассмотрения материалов налоговой проверки и вынесения решения как безусловное основание для отмены решения, что указано в пункте 14 статьи 101 НК РФ и также указано в письме ФНС России от 23.05.2013 № АС-4-2/9355.

Подобная позиция поддерживается арбитражными судами. Например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.01.2019 по делу № А60-29157/2018, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.05.2016 по делу № А03-3828/2015.

Точку в вопросе, является ли нарушение сроков рассмотрения материалов проверки основанием для отмены решения налогового органа, поставил Конституционный суд РФ в определении от 20.04.2017 № 790-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Мельинвест» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 14 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации».

Суд указал, что система мер налогового контроля, которая, в частности, предполагает вынесение уполномоченным органом по итогам проведенных мероприятий налогового контроля решения о привлечении налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения, считается элементом правового механизма, гарантирующего исполнение конституционной обязанности по уплате налогов. При этом сроки, установленные статьей 101 НК РФ, призваны ограничить право налогового органа на продление срока рассмотрения материалов налоговой проверки и тем самым направлены на защиту прав налогоплательщика от необоснованно длительного вмешательства налогового органа в его хозяйственную деятельность.

Суд отметил, что несоблюдение налоговым органом срока рассмотрения материалов налоговой проверки не препятствует ему в принятии того или иного итогового решения, и не может само по себе предрешать его законность, и не изменяет порядка исчисления сроков для взыскания недоимки. Следовательно, подобное процес-

суальное нарушение не может быть признано безусловным основанием для отмены итогового решения налогового органа по смыслу пункта 14 статьи 101 НК РФ.

Вынесение налоговым органом решения не в день рассмотрения материалов проверки также не является нарушением процедуры рассмотрения таких материалов, такую позицию высказал ВАС РФ в пункте 43 Постановлении Пленума от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации».

Пленум ВАС РФ указал, что статьи 101 и 101.4 НК РФ не содержат положений о том, что решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения либо решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения должно быть вынесено в день рассмотрения материалов налоговой проверки или материалов иных мероприятий налогового контроля, либо о том, что в случае вынесения такого решения в иной день лицо, в отношении которого проводилась налоговая проверка или иные мероприятия налогового контроля, должно быть извещено о месте и времени вынесения решения.

В связи с этим соответствующие действия (бездействие) налогового органа не могут быть квалифицированы в качестве нарушений условий процедуры рассмотрения указанных материалов.

По смыслу положений статей 100 и 101 НК РФ соблюдение проверяющими норм, закрепленных НК РФ, направлено на обеспечение прав и законных интересов налогоплательщика, гарантированных ему при проведении в отношении его мероприятий налогового контроля и оформлении их результатов.

Неоднократный перенос рассмотрения материалов проверки связан с обеспечением налогоплательщику возможности ознакомиться со всеми материалами проверки и участвовать при их рассмотрении в налоговом органе.

Отложение рассмотрения материалов проверки может быть вызвано исключительно объективными причинами отсутствия налогоплательщика, и налоговые органы должны обеспечивать своевре-

менное и надлежащее извещение налогоплательщиков (с подтверждением вручения) о рассмотрении материалов проверки.

В то же время встречаются случаи, когда налоговый орган выносит решение до истечения срока представления возражений на акт проверки. В этом случае решение по результатам налоговой проверки может быть отменено как существенное нарушение процедуры рассмотрения.

Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 07.04.2016 по делу № А40-137588/2015 суд указал, что акт по проверке был направлен налогоплательщику только после принятия оспариваемого решения, соответственно, оспариваемое решение по проверке было принято без учета срока на представление возражений по акту налоговой проверки. Суд установил безусловные основания для признания оспариваемого решения недействительным на основании пункта 14 статьи 101 НК РФ, среди которых тот факт, что налоговым органом не была обеспечена возможность представления обществом возражений по акту проверки.

В постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 23.01.2009 № А32-4732/2008-13/76 (Определение ВАС РФ от 29.04.2009 № ВАС-4913/09) суд установил, что рассмотрение материалов проверки состоялось через 8 дней после вручения акта проверки обществу, следовательно, обществу не было предоставлено достаточно времени для подготовки возражений на акт налоговой проверки с учетом установленного для этого НК РФ 15 дневного срока.

Еще один интересный случай рассмотрен ФАС Поволжского округа в постановлении от 25.06.2012 по делу № А12-23020/2011. Суд установил, что обществу был вручен акт выездной проверки, в котором не указывалось о привлечении его к налоговой ответственности. Впоследствии налогоплательщику было направлено уведомление с указанием о допущенной в акте технической ошибке и о привлечении его к налоговой ответственности.

Суд пришел к выводу о том, что в уведомлении об исправлении технической ошибки содержатся новые выводы, в отношении которых налогоплательщик был лишен возможности представить свои возражения.

Вместе с тем составление акта по итогам проверки обязывает налоговый орган дать обществу возможность представить свои возражения и участвовать в рассмотрении материалов проверки. При таких обстоятельствах нарушение установленной процедуры вынесения решения в виде несоблюдения сроков на представление возражений повлекло привлечение налогоплательщика к ответственности без учета смягчающих обстоятельств.

Ввиду того что инспекция нарушила существенные условия рассмотрения материалов проверки, решение было признано недействительным.

Так в постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 10.10.2012 по делу № А25-789/2011 суд установил, что по результатам проверки инспекция составила акт, который был вручен налогоплательщику через 3 дня, и через 16 дней инспекция рассмотрела акт и возражения на него в присутствии представителя налогоплательщика. В этот же день инспекция приняла решение о привлечении общества к ответственности с учетом смягчающих обстоятельств.

Суд указал, что несоблюдение срока для представления возражений не свидетельствует о существенном нарушении прав налогоплательщика, влекущем недействительность решения инспекции. К такому выводу суд пришел на основании того, что решение было принято в присутствии представителя налогоплательщика и с учетом представленных им возражений.

В постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.06.2016 по делу № А32-13606/2015, отказывая предпринимателю в удовлетворении заявления, суды пришли к выводу, что инспекция не допустила существенных нарушений процедуры рассмотрения материалов проверки, которые могли бы повлечь признание оспариваемого решения недействительным.

Из положений статьи 101.4 НК РФ не следует, что решение должно быть вынесено в день рассмотрения материалов проверки или в иной день, но только с извещением налогоплательщика о времени и месте принятия решения.

Принятие (оформление) решения не в день рассмотрения материалов налогового контроля и без участия налогоплательщика не является существенным нарушением процедуры привлечения к ответственности и не влечет безусловной отмены принятого инспекцией решения.

Как видно из приведенной судебной практики, процедура рассмотрения материалов налоговой проверки является немаловажной. Нарушение процедурно-процессуальных правил которой может привести к вынесению судами решений о признании недействительным ненормативного правового акта, даже несмотря на собранную доказательную базу, явно свидетельствующую о совершении налогоплательщиком налогового правонарушения.

Примирение в рамках дел о несостоятельности (банкротстве): доктрина и практика

*Мачучина Олеся Александровна,
судья Арбитражного суда Самарской области,
кандидат юридических наук*

Современная юридическая наука, несмотря на активное использование термина «примирение», не вводит его определение, а нормативные правовые акты констатируют наличие такого феномена или такого института, как институт примирения.

В рамках проведенного научного исследования⁶⁸ разработано, что примирение – это система взаимосвязанных и взаимообусловленных действий участников правового спора и иных лиц, которые нацелены на его урегулирование и (или) разрешение с использованием как процессуальных механизмов, так и иных законных методов, направленных на обнаружение синтеза прав и законных интересов субъектов.

При этом существуют несколько ипостасей примирения: это и обязательное условие для дальнейшего рассмотрения дела в судебном порядке, и альтернативный способ урегулирования конфликтной ситуации, и преимущественный способ ее разрешения.

Примирение в российском праве является межотраслевым институтом, который содержит все три указанные ипостаси, проявляющиеся в различных формах его реализации.

Реализация института примирения – это самостоятельная категория, представляющая собой выраженную систему социально-правовых средств и последовательно выполняемых определенных действий на основании свободного волеизъявления, направленную на организацию процесса взаимодействия сторон как между собой, так и с органами в рамках разрешения и урегулирования правового спора.

⁶⁸ Мачучина О. А. Институт примирения: теоретико-правовые основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. С. 18.

ра. Основополагающими составляющими реализации выступают наличие свободного волеизъявления и выраженность действий.

Поскольку примирение, как институт права, характеризуется упорядоченной совокупностью юридических норм, регулирующих общественные отношения, содержанием которых выступают права и обязанности лиц, задействованных в примирении, в соответствии с установленной законодательством процедурой, целесообразно остановиться также и на формах реализации данного института в рамках такой категории дел, как дела о несостоятельности (банкротстве).

Мировое соглашение в деле о банкротстве – это специальная самостоятельная процедура, применяемая в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами, носит характер гражданско-правовой сделки. Законодательство, регулирующее вопросы несостоятельности (банкротства), установило ряд особенностей процедуры мирового соглашения, обусловленных особой природой дел о банкротстве⁶⁹.

Необходимость развития примирительных процедур обусловлена рядом следующих причин.

По данным Федресурса, по итогам 2019 года зафиксирован рост числа банкротств физических лиц (включая индивидуальных предпринимателей). Количество граждан-банкротов выросло до 68,98 тыс.: это на 56,8 % больше, чем было в 2018 году. При этом Самарская область находится на третьем месте среди городов Российской Федерации по числу дел о банкротстве граждан после Москвы и Мо-

⁶⁹ См.: Ланг П. П. Мировое соглашение в деле о банкротстве, процессуальные особенности // Вестник Самарского института бизнеса и управления. Вып. 9, ч. 1. Самара : НОАНО ВПО СИБиУ. 2014. С. 132; Ланг П. П. Особое производство в арбитражном процессе: теоретические и практические аспекты : монография. Самара : Изд-во НОАНО ВПО СИБиУ. 2014. С. 111; Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. М. : Проспект. С. 263; Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров / отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. М. : Проспект. 2016; Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел в судах : учебное пособие / Г. Е. Агеева, Э. Х. Губайдуллина, П. П. Ланг. Самара : Изд-во Самар. гос. экон. ун-та. 2018. С. 134.

сковской области. В 2019 году в Москве суды признали банкротами 5 089 человек, что свидетельствует о росте на 44,9 % по сравнению с данными за 2018 год, в Московской области зафиксирован рост на 65,6 %, что в количественном выражении составляет 4 315 человек, в Самарской области за этот же период обанкротилось 3 003 человека, что на 75,1 % выше по сравнению с 2018 годом.

При этом увеличение числа граждан-банкротов напрямую связано с экономической обстановкой в стране и в мире, ростом инфляции (в 2019 году Россия заняла 12 место по уровню инфляции в мире), правовой и финансовой безграмотностью населения, большим количеством микрофинансовых организаций с завышенной ставкой, а также специализированных организаций по банкротству и их масштабное рекламирование, плохо развитыми реабилитационными процедурами, а также неразвитости в обществе идеи мирного урегулирования споров, поиска компромисса.

В отношении же банкротств юридических лиц данные статистики свидетельствуют о снижении количества дел на 5,5 % по сравнению с 2018 годом.

Согласно нормам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «по делам о несостоятельности (банкротстве) может быть заключено мировое соглашение в соответствии с федеральным законом, а также допускаются иные примирительные процедуры, предусмотренные главой 15 настоящего Кодекса и другими федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности (банкротства)».

Пункт 18 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2005 № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» предусматривает, что мировое соглашение не должно заключаться в обход законодательства о банкротстве и не может противоречить смыслу и цели мирового соглашения как реабилитационной процедуры в отношении должника, а также не может содержать экономически необоснованные условия.

Мировое соглашение в деле о банкротстве должно представлять разумный компромисс между интересами должника и всеми кредиторами (как меньшинства, так и большинства).

Под иными примирительными процедурами на стадии подготовки дела понимаются передача дела на рассмотрение третейского суда, обращение за содействием к посреднику (использование процедуры медиации).

Согласно Федеральному закону от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», под медиацией понимается «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

В юридической литературе проблемным является отождествление процедуры медиации и посредничества, вследствие чего происходит стирание границ между функциональными особенностями двух самостоятельных процедур, основанных на переговорах.

Переговоры (negotiation) представляют собой обмен информацией между двумя и более лицами с целью достижения компромисса в спорной ситуации. Данный способ (процедура) лежит в основе большинства Alternative dispute resolution и не предполагает участие третьей независимой стороны. Переговоры – это основа, базис для выстраивания иных форм реализации института примирения. В случае если сторонами во время переговоров не достигается поставленная цель (компромисс), то они могут перейти к следующей процедуре – посредничеству – путем приглашения третьей стороны. Посредничество в отличие от медиации представляет собой более неформальный процесс. Итогом медиации является соглашение, обязательное для сторон, как с моральной точки зрения, так и с юридической. При этом данное соглашение не может быть «навязано» сторонам посредником.

Несмотря на данное различие, в юридической литературе говорится о возможности использования медиации только в рамках обособленных споров или непосредственно во всем деле о несостоятельности (банкротстве).

Например, Рондарь Н. В. и Рондарь В. Н. в своей работе под названием «Медиация и эффективность института банкротства» говорят о двух направлениях использования медиации в банкротстве, это «формирование медиативной компетенции арбитражных управляющих в целях сглаживания конфликтов, возникающих в процессе банкротства и выработки мирового соглашения; и введение обязательной досудебной процедуры медиации для разрешения экономических споров между должником и кредитором (кредиторами)⁷⁰.

Данная направленность представляется необходимой и оправданной, однако обязательность досудебной процедуры медиации конфликтует с принципом добровольности, закрепленным в законе, а функции арбитражного управляющего расширяются за счет наделения функциями посредника (нейтральной стороны), при этом в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

В то же время Василега Михаил Юрьевич, говоря о медиации в банкротстве, подразумевает, что медиация в банкротстве не означает внесудебный порядок рассмотрения всего дела о банкротстве, а лишь в рамках обособленных споров⁷¹.

Под обособленными спорами следует понимать относительно отдельный правовой спор, в каждом из которых непосредственно участвуют только отдельные участвующие в деле о банкротстве или в арбитражном процессе по делу о банкротстве лица. Примером таких споров являются оспаривание сделок должника, привлечение контролирующих должника лиц к ответственности, рассмотрение жалоб на действия (бездействие) арбитражного управляющего, заявления о признании недействительным решения собрания кредиторов и другие.

⁷⁰ Рондарь Н. В., Рондарь В. Н. Медиация и эффективность института банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 4. С. 108–113.

⁷¹ Василега М. Ю. Медиация в банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 6. С. 57–63.

Применение переговоров и медиации, на наш взгляд, представляется возможным особенно в рамках споров об оспаривании сделок, привлечении контролирующих должника лиц к ответственности, жалоб на действия (бездействие) арбитражного управляющего.

В большинстве дел о банкротстве судебный акт, вынесенный судом первой инстанции по итогам рассмотрения заявления о признании сделки недействительной и применения последствий недействительности или привлечения лица к субсидиарной ответственности, обжалуется в арбитражный апелляционный суд и суд кассационной инстанции, что значительно увеличивает срок процедур в деле о несостоятельности (банкротстве) и как следствие – расходы на ее финансирование.

Использование примирительных процедур позволит уменьшить расходы в рамках процедур несостоятельности (банкротства), ускорить судебный процесс по данному делу, что напрямую отвечает потребности кредиторов в своевременном и наиболее полном удовлетворении их требований.

В завершение также необходимо остановиться на положениях Федерального закона от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника», вступивший в силу с 01.07.2015.

Согласно статье 283.3 Закона о банкротстве при рассмотрении судом заявления о признании гражданина несостоятельным (банкротом) может быть заключено мировое соглашение, в том числе по результатам проведения процедуры медиации, в соответствии с правилами, предусмотренными настоящим Кодексом и федеральным законом, регулирующим вопросы несостоятельности (банкротства).

Таким образом, данная правовая норма должна рассматриваться в совокупности с общими положениями Закона о банкротстве и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, которые не содержат исчерпывающего перечня примирительных процедур, подлежащих применению. К мирному урегулированию кон-

фликта также относятся и многочисленные комплексные механизмы в разных сферах общественной жизни.

При этом эффективным в рамках дел о банкротстве как граждан, так и юридических лиц было бы использование такой процедуры, как «переговоры о долге», или «долговой арбитраж» (debt negotiation), активно используемой в странах англосаксонской правовой семьи.

Суть данной процедуры заключается в проведении переговоров, обычно с участием посредника, с целью заключения нового соглашения, по которому кредитор прощает часть образовавшейся задолженности, а должник в кратчайшие сроки выплачивает оставшуюся часть долга. При этом при исполнении нового соглашения долг будет считаться погашенным полностью.

Процедура «переговоры о долге» представляет собой разновидность такой формы реализации института примирения, как переговоры, а не медиации, это обусловлено статусом привлекаемого независимого лица, при этом заключенное соглашение, с нашей точки зрения, есть новый договор между теми же лицами на льготных условиях, что не соотносится с понятием медиативного соглашения, закрепленного в статье 12 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Данную процедуру в большинстве случаев инициирует должник, при этом представляется оправданным предусмотреть в качестве гарантии использования данной формы реализации института примирения ограничения права на подачу заявлений должником и кредитором в рамках обособленного спора или дела о банкротстве до момента рассмотрения и предоставления мотивированного ответа на предложения со стороны кредитора и получения указанного ответа должником.

Обязательность данной процедуры, как в принципе и иной досудебный претензионный порядок в рамках иных категорий дел, соответствует концепции процессуальной справедливости, участники которой добровольно и ответственно соблюдают требования равенства и свободы и осознают ценность права как меры ее реализации,

при этом право есть не что иное, как регулятор общественных отношений между государством и обществом, направленный на их гармонизацию, сохраняющий при этом возможность реализации и удовлетворения частных интересов.

Примирение – это не только урегулирование конфликта, но и сближение позиций спорящих сторон. Применение примирительных процедур в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) как юридического лица, так и физического не только позволяет уйти от позиции проигравшей и выигравшей стороны, минимизировать расходы и разгрузить суды, но и подойти к банкротству как к реабилитационной процедуре для субъекта, а не процедуре ликвидации или необоснованного списания долгов перед кредиторами.

Внесудебное банкротство: перспективы регулирования

*Карякина Марина Юрьевна,
судья Арбитражного суда Самарской области*

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) имеет несомненно важную и актуальную роль в жизни общества, поскольку выполняет функцию стабилизатора финансово-экономической жизни субъектов правоотношений.

В настоящее время институт несостоятельности (банкротства) претерпел существенные изменения, прежде всего это связано с введением процедур несостоятельности (банкротства) физических лиц.

Должное правовое регулирование института несостоятельности (банкротства) в материальном и процессуальном праве имеет, несомненно, большое значение для координации публичных и частных интересов.

Институт несостоятельности (банкротства) на современном этапе является предметом многочисленных научных исследований, поскольку ныне действующий Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» слишком противоречив и непоследователен.

Законодательство, регулирующее вопросы несостоятельности (банкротства), регулярно подвергается многочисленным изменениям и дополнениям. Например, за последнее время Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» пополнился нормами касательно оспаривания сделок должника, банкротства застройщиков, банкротства финансовых организаций, банкротства граждан и так далее.

И на практике совершенно обоснованно встает вопрос об эффективности нормативного регулирования несостоятельности (банкротства).

Например, по данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве у 70–80 % граждан – должников, вступающих в процедуру банкротства, инвентаризация не выявила имущества, с помощью которого можно погасить долги.

В 2018 году число судебных решений о признании граждан несостоятельными выросло в 1,5 раза по сравнению с 2017 годом, в среднем до 44 000 шт.

В среднем 65–75 % кредиторов ничего не получают по итогам банкротства. При этом с каждым годом количество дел о банкротстве граждан неуклонно растет. Число реабилитационных процедур уменьшается, а это значит, что доходы граждан не позволяют реструктуризировать долг.

Практика рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) показывает, что реализация закона о банкротстве сопряжена с рядом проблем. Так, в большинстве случаев гражданам для признания себя банкротами приходится обращаться за помощью квалифицированных юристов, что увеличивает затраты на процедуру, помимо денежных средств, перечисляемых должником на депозитный счет суда, в качестве гарантированного вознаграждения управляющему.

Указанное свидетельствует, что в большинстве своем судебное рассмотрение таких дел о банкротстве является трудоемким, и финансово затратным.

Необходимость снижения нагрузки на суды, повышение доступности и эффективности банкротства для граждан обуславливает принятие изменений в действующую редакцию закона о банкротстве.

Так, 13 февраля 2020 года в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации принят проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»».

Настоящий проект федерального закона направлен на введение нового для Российского законодательства внесудебного порядка признания гражданина банкротом. Принятие указанного закона в части внесудебного банкротства гражданина обусловлено тем, что не потребуются расходов из федерального бюджета.

Новый законопроект относится к должникам, задолженность которых составляет от 50 тысяч до 500 тысяч рублей. Такие граждане смогут стать банкротами, минуя суд. Согласно документу, та-

кая возможность появится у граждан с 1 марта 2021 года. Обязанность рассмотреть подобное дело о банкротстве будет отнесена на арбитражного управляющего, причем бесплатно и в оперативном порядке. Так, арбитражный управляющий будет обязан проверить соответствие гражданина предъявляемым законом требованиям и удостоверить данный факт. После чего он размещает сведения о возбуждении внесудебного порядка банкротства в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. Последствия возбуждения внесудебного порядка сопоставимы с последствиями введения реструктуризации долгов, в частности прекращается начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам гражданина. В течение года кредиторы и уполномоченные органы имеют право подать заявление о признании должника банкротом в суд в общем порядке. В отношении гражданина на год прекращается начисление штрафов, пеней и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам. Кроме того, законопроектом предусмотрено приостановление действия исполнительных документов по имущественным взысканиям с гражданина. При этом от уплаты алиментов, платежей по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и т. п. гражданин не освобождается.

Также указанный срок предоставляется в целях улучшения жизненной ситуации гражданина, поиска более высокооплачиваемой работы, вступления в наследство. О возникновении указанных обстоятельств гражданин обязан сообщить арбитражному управляющему и своим кредиторам. Внесудебный порядок в данном случае прекращается. В противном случае через год внесудебный порядок завершается наступлением банкротства гражданина в силу закона.

Важным аспектом, предусмотренным проектом федерального закона, также является бесплатность сопровождения данного порядка для гражданина. В рамках действующего законодательства вознаграждение арбитражного управляющего составляет 25 тысяч рублей за одну процедуру, которые должник должен внести на депозитный счет суда при обращении в суд с заявлением о признании себя бан-

кротом. В новом законопроекте предусмотрено, что вознаграждение арбитражному управляющему, а также возмещение его расходов на публикацию в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве будет выплачиваться из фонда поддержки внесудебного банкротства граждан, формируемого национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих на основе взносов саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. При этом сопровождать процедуру банкротства смогут только арбитражные управляющие, состоящие в саморегулируемой организации, являющейся членом национального объединения саморегулируемых организаций, которое установит порядок и сроки выплаты вознаграждения и возмещения расходов арбитражному управляющему саморегулируемой организацией.

Однако остается открытым вопрос, найдутся ли арбитражные управляющие, желающие работать за такую сумму, с учетом того, что новый законопроект возлагает на последних более широкий спектр обязанностей в сравнении с действующей редакцией закона о банкротстве. Не исключено, что найти такого специалиста будет сложно.

Кроме того, законопроект предусматривает возможность любого кредитора в любой момент времени оспорить и перевести эту упрощенную процедуру в традиционную судебную. Указанная мера направлена на минимизацию злоупотреблений со стороны недобросовестных участников гражданского оборота.

Также имеющиеся разногласия между кредиторами и должником, должником и управляющим породят новые споры, с которыми стороны будут вынуждены обратиться в суд, что, в свою очередь, увеличит нагрузку на суд, а не уменьшит.

В указанном законопроекте дополнительного обоснования и доработки требуют критерии признания гражданина банкротом во внесудебном порядке. Также из проекта неясно, в чем именно будут заключаться права и обязанности арбитражных управляющих и как будет обеспечиваться их ответственность и ответственность саморегулируемых организаций при проведении внесудебной процедуры признания гражданина банкротом.

Между тем полагаем, что к процедуре внесудебного банкротства стоит отнестись критически, поскольку банкротство является важным социально-экономическим регулятором общественных отношений.

Бесконтрольная со стороны органа государственной власти процедура может создать благоприятную почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, аффилированных к ним кредиторов, способствовать созданию схем и механизмов ухода от погашения обязательства перед добросовестными кредиторами.

По нашему мнению, упрощенный механизм банкротства граждан должен свестись к тому что, во-первых, требования кредиторов по аналогии с кредитными учреждениями рассматриваются самостоятельно финансовым управляющим, суд должен рассматривать только разногласия между финансовым управляющим и кредитором и те требования, по которым поступили возражения от лиц, участвующих в деле, во-вторых, в целях снижения финансовой нагрузки на должников снизить до минимального порога стоимость публикации в официальных источниках.

Правовая позиция суда и судебское усмотрение в юридическом процессе

*Анаева Екатерина Александровна,
судья Арбитражного суда Самарской области,
кандидат юридических наук*

*Ланг Петр Петрович,
начальник отдела анализа,
статистики и обеспечения судопроизводства
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда;
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ
ВО «Самарский государственный экономический университет»,
кандидат юридических наук*

В свете реформирования действующего законодательства, расстановки новых приоритетов и задач в различных сферах российского законодательства возникает необходимость переосмыслить правовую природу и значение правовых позиций в юридическом процессе.

Отсутствие единой, общей концепции развития института правовых позиций в юридическом процессе не позволяет в полной мере раскрыть и реализовать механизмы данного правового института в правоприменительной деятельности⁷².

В связи с чем необходимо осветить роль правовых позиций в правоприменительной деятельности на примере реализации института правовых позиций в судебной системе.

Осуществление права – способ его бытия, существования, действия, выполнение им своей главной социальной функции. Право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отноше-

⁷² См. подробнее о природе «позиций» судов: Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. М. : РГУП, 2018. С. 432–446.

ниях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества.

Определяя юридический процесс как процесс движения права от момента его создания до полной реализации, можно выделить два вида юридического процесса: процесс правообразовательный и процесс правореализационный.

При этом современная теория права невозможна без отдельного блока в юридическом процессе, а именно без правотолковательного процесса, который, прежде всего, играет большую роль в юрисдикционном процессе.

В результате толкования правовой нормы не возникает новая норма права, а лишь выясняется содержание, смысл, закладываемый субъектом правообразовательной деятельности в интерпретируемую норму права.

Толкование права представляет собой процесс формирования правовой позиции субъекта юридического процесса по определенному направлению или вопросу в сфере реализации норм права в различных сферах общественных отношений.

Н. В. Витрук под правовыми позициями понимает правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации (толкования) Судом духа и буквы Конституции РФ и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции, которые снимают неопределенность в конкретных конституционно-правовых ситуациях и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда Российской Федерации⁷³.

В. Н. Карташов верно отмечает, что под «правовой позицией» следует понимать соответствующим образом осознанное, мотиви-

⁷³ Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : сборник докладов. М. : Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. С. 89.

рованное и внешне выраженное положение по поводу разрешения того или иного юридического вопроса, ситуации и т. д.»⁷⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу, что правовая позиция применительно к сфере судебной деятельности представляет собой вывод, интерпретацию судьи относительно толкования, применения конкретной нормы права.

При этом не следует ставить знак равенства между правовой позицией и судебским усмотрением, данные категории соотносятся как целое и часть.

Судейское усмотрение – это результат применения правовой позиции⁷⁵.

Судейское усмотрение в рамках судебного процесса можно разделить на материальное и процессуальное, поскольку судебское усмотрение осуществляется не только при установлении фактов материально-правового значения (предмета доказывания), доказательственных фактов, но и при определении фактов, являющихся основанием совершения отдельных процессуальных действий: по принятию мер обеспечения иска или их отмене, отложению судебного разбирательства и т. п.

При этом судебское усмотрение можно разделить на определенные виды в зависимости от того, предусмотрена ли возможность судебного усмотрения законодателем либо судебское усмотрение есть составляющая правовой позиции без указания на то в законе.

Законом установлено право судьи выбирать по усмотрению одно из регламентированных процессуальных действий. Например, применить или отказать в принятии обеспечительных мер (статья 90 АПК РФ), предоставить отсрочку или рассрочку уплаты государственной пошлины и др.

⁷⁴ Карташов В. Н. Правовые позиции Верховного Суда РФ по поводу применения судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права. Судебное правоприменение: проблемы теории и практики : сб. статей / под ред. В. М. Сырых. М., 2007. С. 234.

⁷⁵ См. подробнее: Барак Аарон. Судейское усмотрение. М. : Издательство Норма, 1999. С. 12–20.

Кроме того, сама по себе резолютивная часть судебного акта, а точнее её содержание, и есть судебское усмотрение, которое обусловлено свободным выбором суда одного из вариантов решений, предусмотренных действующим законодательством.

Основные требования к судебскому усмотрению содержатся в том или ином нормативном правовом акте, например, требования к судебскому усмотрению в арбитражном процессе регламентированы Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации.

Правовая позиция применительно к арбитражному процессу представляет собой, как правило, результат правотолковательной деятельности относительно применения той или иной нормы права.

При этом норма может быть неизменной, а правовая позиция в зависимости от социально-экономических, политических фактов может изменяться. Кроме того, правотолковательная позиция может изменяться в зависимости от субъекта юридического процесса, его персоналий.

Например, в правоприменительной практике арбитражных судов была сформулирована правовая позиция о том, что реституционные требования по недействительной сделке не могли судом учитываться при определении признаков несостоятельности (банкротства) должника.

В силу статьи 43 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве, настоящий Федеральный закон) судья арбитражного суда отказывается в принятии заявления о признании должника банкротом в случае нарушения условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 33 Закона о банкротстве.

Согласно пункту 2 статьи 33 Закона о банкротстве заявление о признании должника банкротом принимается арбитражным судом, если требования к должнику – юридическому лицу – в совокупности составляют не менее чем триста тысяч рублей, к должнику-гражданину – не менее чем пятьсот тысяч рублей и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, если иное не предусмотрено указанным Федеральным законом.

Согласно абзацу 2 пункта 2 статьи 4 Закона о банкротстве для определения наличия признаков банкротства должника учитываются: размер денежных обязательств, в том числе размер задолженности за переданные товары, выполненные работы и оказанные услуги, суммы займа с учетом процентов, подлежащих уплате должником, размер задолженности, возникшей вследствие неосновательного обогащения, и размер задолженности, возникшей вследствие причинения вреда имуществу кредиторов, за исключением обязательств перед гражданами, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, обязательств по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, обязательств по выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, а также обязательств перед учредителями (участниками) должника, вытекающих из такого участия.

Денежное обязательство – обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному Гражданским кодексом Российской Федерации, бюджетным законодательством Российской Федерации основанию (абзац 4 статьи 2 Закона о банкротстве).

В соответствии с пунктом 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Реституционные требования предусматривают обязанность сторон возвратить полученное по недействительной сделке, а не уплатить денежные средства по гражданско-правовой сделке или иному гражданско-правовому основанию, в связи с чем они не могут являться основанием для возбуждения дела о банкротстве.

Указанные обстоятельства являются основанием для отказа в принятии заявления конкурсного кредитора о признании должника несостоятельным (банкротом).

Обозначенная правовая позиция сформулирована в постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2013 по делу № А65-16667/2013; постановлении ФАС Уральского округа от 12.10.2012 № Ф09-9825/12 по делу № А07-6199/2012; постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 05.12.2007 № Ф08-7599/07 по делу № А32-18019/2007-37/447-Б; постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2013 г. № 09АП-9071/2013 по делу № А40-149010/12-86-415Б.

В последующем подход в применении указанных норм права изменился кардинальным образом.

В результате арбитражные суды начали принимать подобные заявления конкурсных кредиторов о банкротстве должника, основанные на неисполненных реституционных требованиях. Признавать заявления обоснованными и вводить в отношении должников процедуры наблюдения, используя следующую правовую позицию.

Из положений статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации вытекает, что при применении реституции в денежной форме на стороне контрагента по сделке возникает обязанность возратить определенную сумму другой стороне, а у последней – право требовать исполнения этой обязанности. Применение реституции влечет возникновение у стороны по недействительной сделке обязательства (статья 307 Гражданского кодекса Российской Федерации), выраженного в определенной денежной сумме.

Из системного толкования положений статей 167, 1103 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения. В силу прямого указания пункта 2 статьи 4 Закона о банкротстве для определения наличия признаков банкротства должника учитывается в том числе размер задолженности, возникшей вследствие неосновательного обогащения.

Реституционные денежные требования к должнику должны учитываться как текущие либо реестровые в деле о банкротстве и в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пунктах 6, 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», и в пунктах 26, 27, 28 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Итак, правовая позиция в арбитражном процессе – это некий общий знаменатель, к которому должны прийти субъекты юрисдикционного процесса в правоприменительной практике.

Правовая позиция – менее устойчивая категория, нежели норма права, порядок изменения нормы права регламентирован действующим законодательством, правовая позиция же может быть изменена в любой момент, специальный механизм для этого не предусмотрен.

Ценность правовой позиции заключается в том, что она позволяет, не меняя норму права, корректировать определенные правоотношения путем изменения подхода к применению нормы права.

Например, Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020.

В преамбуле данного обзора указано, что в целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, аффилированных с должником, в том числе контролирующих его, лиц, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом Российской Федерации на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации, статей 2 и 7 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» определены правовые позиции.

Одной из первоочередных задач российской современной судебной системы является своевременное реагирование на формирование правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, на эволюцию последних под воздействием аксиологического вектора развития отечественного правопорядка.

Выполнение названной задачи со стороны судов Российской Федерации обусловлено необходимостью формирования единообразия правоприменительной практики судов, а также становления принципа правовой определенности в регулировании общественных отношений.

Нравственность правосудия и профессиональная правовая культура судьи

*Шаруева Наталья Вячеславовна,
судья Арбитражного суда Самарской области*

Судебная власть в Российской Федерации представляет собой одну из ветвей государственной власти, основной функцией которой является отправление правосудия. Обеспечение права на судебную защиту является основополагающей конституционной гарантией всех других прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в основном законе страны.

Эффективность отправления правосудия во многом зависит от авторитета судебной власти, формирование которого обусловлено профессионализмом, личной подготовкой, профессиональными способностями каждого судьи при выполнении служебных обязанностей. Деятельность судьи напрямую затрагивает обеспечение защиты прав граждан, связана с принятием решений, влияющих на судьбы людей и организаций.

В этой связи обоснована необходимость предъявления повышенных требований, в том числе этического и морального характера, к кандидатам на должность судьи и к профессиональным судьям. Неслучайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 31.05.2007 № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юстиции к дисциплинарной ответственности» разъяснил, что честное и добросовестное исполнение судьями профессиональных обязанностей, их независимость при принятии судебных решений гарантируют эффективное восстановление нарушенных прав, утверждают в обществе уверенность в справедливости, беспристрастности и независимости суда.

Нравственность правосудия как требование, предъявляемое к судье, представляет собой критерии оценки деятельности послед-

него с позиции нравственности. Указанные критерии исторически выработаны обществом и нашли впоследствии свое отражение в законе, то есть обрели нормативную форму закрепления.

Таким образом, профессия судьи сопряжена с высокой степенью ответственности не только в ходе судебного разбирательства при разрешении конкретного спора, но и в иной деятельности, не связанной с отправлением правосудия. Конституционный статус судьи носит публичный характер, именно по этой причине поведение судьи, не относящееся к профессиональным обязанностям, также всегда находится под пристальным вниманием со стороны органов судейского сообщества и общественности.

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

Подобный ориентир в поведении судьи также нашел свое отражение в Кодексе судейской этики (далее – Кодекс), утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012.

Данный Кодекс, разработанный и принятый судейским сообществом, представляет собой определенный свод корпоративных правил, определяющих модель поведения судьи в ходе профессиональной и внесудебной деятельности.

Согласно части 1 статьи 6 Кодекса судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи.

Названные положения о морально-нравственных критериях оценки деятельности судьи также позитивно восприняты научным сообществом.

Например, О. И. Цыбулевская и Т. В. Милушева в одной из своих работ отмечали, что к государственным процессам должны допускаться люди высокого уровня нравственной и правовой культуры,

субъективное сознание которых при оценке объективных социальных факторов ориентировалось бы на справедливость и законность⁷⁶.

Л. Д. Кокорев констатирует, что, какими бы совершенными ни были правовые и организационные гарантии, они окажутся ничтожными, если нравственные устои судьи позволяют ему принимать решение не на основании закона и своего убеждения, а подвергаясь влиянию извне⁷⁷. С озвученной позицией сложно не согласиться, поскольку несоответствие деятельности судьи указанным выше требованиям закона и Кодекса нивелирует морально-нравственные начала отправления правосудия, разрушает веру человека в торжество справедливости и законности.

В этой связи уместно привести мнение В. Н. Назарова о том, что справедливость является центром пересечения правовых и нравственных норм, что нашло отражение в понятии «правосудие», то есть «справедливое право», включающем в себя требования справедливого суда, справедливого приговора и справедливого наказания⁷⁸.

Аксиологический вектор развития отечественного правопорядка⁷⁹, закрепленный в Конституции Российской Федерации (статьи 2, 17, 18 и др.), позволяет уверенно говорить о том, что профессиональная деятельность судьи должна основываться как на правовых, так и на нравственных позициях, другими словами, законность и нрав-

⁷⁶ Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Ценности правовой культуры и российская государственность // Правовая культура. 2016. № 4. С. 14.

⁷⁷ Кокорев Л. Д. Судебные реформы под влиянием идей М. С. Строговича: Жизнь в науке: К 100-летию со дня рождения М. С. Строговича // Юридические записки Воронежского университета. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995, вып. 2. С. 4–14.

⁷⁸ Назаров В. Н. Прикладная этика : учебное пособие. М. : Гардарика, 2005. С. 146.

⁷⁹ См.: Ланг П. П. Ценностное измерение правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2018. № 7. С. 20–28; Ланг П. П. Аксиологические начала права // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 2–4; Ланг П. П. Аксиология правоприменительной практики как квинтэссенция правовой материи // Защита прав и свобод человека и гражданина: теория и практика : сборник статей участников Международной научно-практической конференции (I Международной Школы-семинара молодых ученых-юристов), г. Москва, 10 сентября 2019 г. / под ред. В. В. Казакова, К. А. Комогорцевой; Университет прокуратуры Российской Федерации; Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. С. 52–58.

ственность в деятельности судьи должны находиться в неразрывном единстве и представлять собой ценностные основания профессиональной правовой культуры ее носителей.

Судопроизводство, осуществляемое на должном высоком уровне, немыслимо без высоконравственных судей и сотрудников аппарата суда (будущих судей), добровольно следующих нормам морали и нравственности.

С целью поддержания чести и независимости судебной власти каждый судья должен участвовать в создании, развитии и поддержании требований судейской этики, в первую очередь лично следуя вышеназванным требованиям⁸⁰.

Именно нравственные ценности, по мнению профессора О. Ю. Рыбакова, формируют «своеобразные пояса защиты» человека от антигуманных проявлений со стороны других субъектов общественных отношений, от произвола власти⁸¹.

Как совершенно справедливо отвечает О. А. Егорова, судья обязан действовать в соответствии с правовым законом и принципами морали, не допускать самоуправства и вседозволенности. Осуществление правосудия – это не только сложный процесс установления истины (правды), но и результат данного процесса – справедливое и разумное решение, понятное человеку и обществу⁸².

Подводя итог сказанному, представляется значимым резюмировать, что профессиональная правовая культура судьи должна включать в себя совокупность правил профессионального и внесудебного поведения представителей судейского сообщества. Данные правила обусловлены нравственным характером правосудия, основанным на взаимосвязи правовых и нравственных принципов.

⁸⁰ Черевко А. А. Становление и развитие судебной этики в России: традиции и инновации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2013. С. 23–24.

⁸¹ Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика: нравственные основания // Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М.: Проспект, 2019. С. 32.

⁸² Егорова О. А. Нравственность правосудия: прошлое и настоящее // Нравственные начала российского правосудия: материалы Седьмой Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. С. 7.

Снижение договорной неустойки как способ судебной защиты

*Холмецкая Евгения Анатольевна,
помощник председателя Одиннадцатого арбитражного
апелляционного суда, кандидат юридических наук*

Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Учитывая это конституционное положение, суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе путем рассмотрения поданных в соответствии с действующим законодательством требований.

Способы защиты права как категории регулятивного права установлены в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, включающие в себя признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки; признание недействительным решения собрания; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиту права; присуждение к исполнению обязанности в натуре; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсацию морального вреда; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, и иные способы, предусмотренные законом. Данный перечень является не исчерпывающим.

Защита права реализуется в различных формах. Одной из форм защиты права является его судебная защита.

Как указано выше, перечень способов защиты права, установленный в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, не

является исчерпывающим, то есть наряду с обозначенными способами возможно применение и иных способов, не указанных в статье.

Одним из способов защиты гражданских прав в законе указан такой способ защиты, как взыскание неустойки, однако прямо не установлен такой способ защиты, как уменьшение неустойки, явно несоразмерной последствиям нарушения обязательства.

Законодатель дает следующее определение неустойки, являющейся не только способом защиты гражданских прав, но и представляющей собой также способ обеспечения обязательств и форму имущественной ответственности: неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

В соответствии со статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку.

Уменьшение неустойки, явно несоразмерной последствиям нарушения обязательства, является одним из способов *ex post* контроля судом справедливости договорных условий, необходимых для исправления ситуаций, при которых изначально определенный сторонами размер штрафных санкций обнаруживает с учетом конкретных обстоятельств свою очевидную неадекватность причиненному правонарушением вреду⁸³.

Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет прийти к выводу, что реализация права на уменьшение неустойки происходит несколькими путями:

1) заявление возражения должником в ситуации, когда должник является ответчиком в деле о взыскании с него неустойки;

2) заявление кондикционного иска должником в случаях списания по требованию кредитора неустойки со счета должника, а равно

⁸³ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 2. М., 2012.

зачета суммы неустойки в счет суммы основного долга и/или процентов (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»);

3) заявление должником самостоятельного иска об уменьшении неустойки без наличия правопритязаний со стороны кредитора.

В первом обозначенном случае суд вправе уменьшить неустойку как в случае подачи заявления со стороны ответчика, так и в отсутствие такого заявления.

Разъясняя нормы статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в пункте 1 информационного письма от 14.07.1997 № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» указывает, что если арбитражный суд приходит к выводу о явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства, то он по своей инициативе уменьшает ее размер независимо от того, заявлял ли такое ходатайство ответчик. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 21.12.2000 № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» приходит к аналогичному выводу.

Впоследствии Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации высказывается иная позиция, согласно которой уменьшение неустойки судом в рамках своих полномочий при отсутствии соответствующего заявления должника не должно допускаться, так как это противоречит принципу осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе, а также принципу состязательности⁸⁴.

⁸⁴ Подобная позиция высказана в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31.05.2005 № 16697/04, от 13.01.2011 № 11680/10, а также в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения положений статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации».

В постановлении от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения положений статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации четко обозначил, что неустойка может быть снижена судом на основании статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации только при наличии соответствующего заявления ответчика.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснил, что, если должником является коммерческая организация, индивидуальный предприниматель, а равно некоммерческая организация при осуществлении ею приносящей доход деятельности, снижение неустойки судом допускается только по обоснованному заявлению такого должника, которое может быть сделано в любой форме.

При взыскании неустойки с иных лиц правила статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации могут применяться не только по заявлению должника, но и по инициативе суда, если усматривается очевидная несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, свидетельствующие о такой несоразмерности. При наличии в деле доказательств, подтверждающих явную несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства, суд уменьшает неустойку по правилам статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Нормы статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации конкретизированы в редакции Гражданского кодекса Российской Федерации от 03.08.2018: в данной редакции законодатель устанавливает, что подлежащая взысканию неустойка может быть снижена судом на основании статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, только при наличии соответствующего заявления должника.

Стоит отметить, что до этого момента в таком акте правоприменения, как постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации», устанавливалось иное правило, чем предусматривалось Гражданским кодексом Российской Федерации.

Ответчик наделяется правом на обращение с заявлением о снижении заявленной ко взысканию неустойки только при рассмотрении дела в суде первой инстанции либо при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции по правилам, установленным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации для рассмотрения дел в суде первой инстанции.

Следуя первому обозначенному варианту, исходя из вышеизложенных правовых позиций, должник, реализуя такой способ судебной защиты, как уменьшение неустойки, может прямо (в случае, если является коммерческой организацией, индивидуальным предпринимателем, а равно некоммерческой организацией при осуществлении ею приносящей доход деятельности) или косвенно (иным лицом, не обязанным заявлять о несоразмерности неустойки) заявить возражения против размера заявленной ко взысканию истцом неустойки в судебном процессе, инициированным кредитором по ее взысканию.

Второй обозначенный нами вариант применим в случае списания по требованию кредитора неустойки со счета должника, а равно зачете суммы неустойки в счет суммы основного долга и/или процентов. В данном случае должник вправе заявить кондикционный иск.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации дополнительно указано, что, если подлежащая уплате неустойка перечислена самим должником, он не вправе требовать снижения суммы такой неустойки на основании статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, за исключением случаев, если им будет доказано, что перечисление неустойки являлось недобровольным, в том числе ввиду злоупотребления кредитором своим доминирующим положением.

Таким образом списание по требованию кредитора неустойки со счета должника не лишает должника права заявить о применении статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, например, путем предъявления требования о возврате излишне уплаченного.

Наиболее спорным, на наш взгляд, является вопрос о возможности применения третьего вышеобозначенного судебного способа защиты права: предъявления должником самостоятельного иска об уменьшении договорной неустойки без наличия выраженных противоприказаний со стороны кредитора.

В судебной практике встречаются случаи, когда кредитор с требованием о взыскании с должника неустойки не обращается, однако должник, действуя на опережение, предъявляет самостоятельный иск об уменьшении еще не начисленной неустойки.

Так, общество, полагая, что неустойка, предусмотренная договором, за ненадлежащее исполнение обязательства несоразмерна последствию нарушения самого обязательства, обратилось в суд с иском о снижении неустойки.

Рассмотрев заявленное требование, суды отказали в его удовлетворении, указав, что, учитывая задачи судопроизводства в арбитражных судах, лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. В соответствии с пунктом 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации судебной защите подлежат оспоренные или нарушенные права. Гражданский кодекс Российской Федерации не ограничивает субъекта в выборе способа защиты нарушенного права; граждане и юридические лица в силу статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации вправе осуществить этот выбор по своему усмотрению, однако избранный лицом способ защиты должен соответствовать содержанию нарушенного права и спорного правоотношения и в конечном итоге привести к восстановлению нарушенного права.

Поскольку в данном случае право истца не нарушено, оно не подлежит защите арбитражным судом.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в определении от 20.08.2013 по делу № ВАС-11197/13 отказал в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, указав, что, принимая во внимание те обстоятельства, которые подлежат доказыванию участниками процесса при заявлении должником о снижении неустойки, распределение бремени доказывания, необходимость суду установить соразмерность взыскиваемого размера неустойки последствиям нарушения, заявленное обществом само по себе требование о снижении неустойки в отсутствие требования о ее взыскании обоснованно оставлено судом без удовлетворения.

К аналогичным выводам пришел Арбитражный суд Волго-Вятского округа в постановлении от 14.05.2013 по делу № А79-8963/2012, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 13.06.2019 по делу № А54-108664/2018.

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд, рассматривая аналогичное требование об уменьшении неустойки, предусмотренной договором, установил, что такой способ защиты права не соответствует характеру спорных материальных правоотношений, законом не предусмотрен, а также указал на то, что принятие решения об удовлетворении иска не предполагает совершения каких-либо действий по исполнению такого решения и не может привести к восстановлению прав и законных интересов истца.

Между тем существует и иная практика по данному вопросу. Так, в рамках дела № А40-142878/2018 истец (покупатель объекта муниципальной собственности) обратился в суд к ответчику (продавец, департамент, действующий в рамках исполнения полномочий по реализации Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об отчуждении недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства») с аналогичным требованием. Рассмотрев заявленное требование, суд первой инстанции отказал в его удовлетворении, указав, что истцом избран ненадлежащий способ защиты права, поскольку ответчик не обращался в суд с требованием о взы-

скании неустойки, а нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не предусматривают возможность судебной защиты от предполагаемого или возможного в будущем нарушения права. Вместе с тем суд апелляционной инстанции, установив, что положения Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (между сторонами заключен договор купли-продажи недвижимости в рамках реализации данного закона) не содержит норм, которые предоставляли бы сторонам право на изменение условий заключенного договора, удовлетворил заявленное требование. При этом суд апелляционной инстанции указал, что с учетом положений статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку приведенные в пункте 79 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» условия допускают самостоятельное обращение должника в суд с требованием о снижении размера неустойки в отдельных случаях, перечень которых в названном постановлении не является исчерпывающим, возможно заявление самостоятельного требования о снижении неустойки.

Таким образом, апелляционный суд, установив, что в данном случае защита прав никаким иным, кроме подачи иска о снижении размера неустойки, способом невозможна, удовлетворил заявленный иск.

Аналогичной позиции придерживается суд при рассмотрении иска об уменьшении неустойки в следующем деле.

Фабула дела такова. Физические лица обратились с иском к банку об уменьшении неустойки по кредитному договору. Данные лица допустили просрочку во внесении платежей в погашение кредита и процентов за пользование им, в связи с чем в соответствии с условиями

договора банк начислил неустойку. Оплатив сумму основного долга и проценты за пользование кредитом, физические лица обратились в суд с самостоятельным иском об уменьшении начисленной неустойки.

Рассмотрев заявленные исковые требования, суды пришли к выводу об отказе в их удовлетворении, указав, что неустойка может быть снижена судом в порядке, предусмотренном статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, лишь в случае предъявления банком иска о взыскании такой неустойки либо, если неустойка была списана принудительно, через предъявление иска о возврате излишне уплаченного. Суды указали, что поскольку такой иск банком к физическим лицам не предъявлен, то требование истцов об уменьшении неустойки удовлетворению не подлежит.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, установив, что заявленная к уменьшению неустойка является единственной задолженностью истцов по кредитному договору и сославшись на приведенные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации указала, что обращение должника с требованием о снижении размера неустойки в отдельных случаях, перечень которых не является исчерпывающим, представляется возможным⁸⁵.

Таким образом, в соответствии с вышеназванным определением, должник, не согласный с размером начисленной ему неустойки и желающий снизить ее по правилам статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, вправе сам инициировать судебное разбирательство по данному вопросу, не дожидаясь подачи к нему иска о взыскании неустойки, и поставить перед судом вопрос о признании неустойки подлежащей уплате в меньшем размере.

На допустимость исков об уменьшении неустойки указывается также и в научной среде. Так, Карапетов А. Г. указывает, что «поскольку сверхкомпенсационный излишек неустойки рассматривается правопорядком как неосновательное обогащение, то изъятие соответствующей суммы помимо воли должника видится необосно-

⁸⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2017 № 51-КГ17-2.

ванным вторжением в сферу его законных интересов, угроза которого существует здесь и сейчас. Превенция нарушения по сравнению с восстановлением поправленных прав *post factum* выгода как для публичной власти, так и для потенциального потерпевшего»⁸⁶.

Нам представляется, что данный вывод не соотносится с основными задачами судопроизводства. Вместе с тем право снижения неустойки принадлежит суду, рассматривающему дела по заявлению истца с учетом нарушенного им обязательства и последствий, возникших ввиду такого нарушения. В решении должны указываться мотивы, по которым суд пришел к выводу, что уменьшение размера заявленной ко взысканию неустойки является допустимым (пункт 85 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 58). В случае, когда последствия нарушения не установлены, у суда отсутствуют так называемые исходные данные для рассмотрения заявленного требования. Следовательно, заявление истца об уменьшении неустойки в порядке статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть рассмотрено судом только при предъявлении ответчиком иска в арбитражный суд о взыскании этой неустойки.

Кроме того, возникает вопрос о целесообразности заявления иска об уменьшении неустойки до предъявления требования о ее взыскании. Свое право на снижение ставки, определенной договором, для целей расчета неустойки, должник может реализовать путем подачи соответствующего иска об изменении условий договора. Суду, столкнувшись с иском об уменьшении неустойки в ситуации, когда действительной целью истца является изменение условий договора в части согласованной ставки для исчисления неустойки, надлежит осуществить правовую квалификацию заявленного иска в соответствии с пунктом 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁸⁶ Карапетов А. Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 11. С. 24–91.

Сущность права: социально-аксиологическая интерпретация

*Ланг Петр Петрович,
начальник отдела анализа,
статистики и обеспечения судопроизводства
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда;
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ
ВО «Самарский государственный экономический университет»,
кандидат юридических наук*

Развитие общественных отношений, общественного порядка тесно взаимосвязано и взаимообусловлено актуальным и рациональным правовым регулированием. В настоящее время сложно себе представить существование социума, человеческую деятельность в отсутствии надлежащего регулирования. Любая деятельность субъекта правоотношений должна соответствовать определенным стандартам, нормам, правилам. Обратное неизбежно должно влечь юридическую ответственность либо иные правовые последствия в различных нормативно установленных формах.

В этой связи явствует вопрос о сущности права, соотношения последнего с другими регуляторами.

Ни для кого не будет секретом, что понимание сущности права, формулирование его дефиниций, определений привлекало внимание многочисленных мыслителей, философов, юристов на протяжении всей истории генезиса и последующего развития рассматриваемого явления.

Однозначно ответить на поставленный вопрос весьма затруднительно, а скорее всего, невозможно, поскольку право имеет различные значения в зависимости от того либо иного подхода к его рассмотрению (типа правопонимания). Ведущие школы права всегда стремились выработать свое, индивидуальное понимание права, акцентировать внимание на его отличительных особенностях в рамках развиваемых ими концепций. Например, Аристотель считал право олицетворени-

ем политической справедливости и нормой политических отношений между людьми. Сократ и Платон в своем правопонимании исходили из совпадения справедливого и законного. По мнению Р. Иеринга, содержание права составляют интересы субъектов социального взаимодействия, то есть интересы общества в целом, а единственным источником права является государство и мн. др.⁸⁷

Итогом многочисленных дискуссий относительно сущности права является формирование в теории права различных типов правопонимания (позитивистское, естественно-правовое, либертарно-юридическое, интегративное и т. п.). Различные определения права, сформулированные сквозь призму отдельных типов, подходов правопонимания, зависят от того, какой формы проявления права придерживается интерпретатор.

По нашему мнению, право представляет собой некий живой организм, явление, которому свойственна постоянная трансформация, изменение в зависимости от различных внутренних либо внешних воздействий. Именно поэтому нельзя сформулировать общее определение права. Как совершенно справедливо отмечает О. Ю. Рыбаков: «Понятие «право» не может быть однозначным в силу различных факторов. Во-первых, право может пониматься в общеупотребляемом смысле как возможность иметь доступные блага (например, право на уважение, право мыслить, право народа на самореализацию). В этом смысле «иметь право» означает как возможность, так и наличие притязаний вообще. Это право в широком, общеупотребляемом и многозначном смысле. Во-вторых, право может пониматься как конкретная возможность по реализации собственных персональных притязаний (например, право быть куда-либо избранным). В-третьих, многозначность понимания права связана с эволюцией представлений о нем, которые сложились исторически и претерпевали изменения в ходе общественного и государственного развития. Типы правопонимания, то или иное учение о праве предполагает наличие определенной системы ценностей, которые лежат в основании

⁸⁷ Морозова Л. А. Теория государства и права в вопросах и ответах. М.: Эксмо, 2019. С. 128.

осознания места и роли права в соотношении с иными социальными явлениями. Поэтому право здесь можно понимать в зависимости от мировоззренческих оснований картины мира в целом и выяснения ценности самого права. В-четвертых, право может пониматься как определенная система организации принудительной силы государственного воздействия, как устойчивая система правовых притязаний, отраженных в нормах права»⁸⁸.

Итак, право в различные периоды определялось и определяется по-разному, имеет различные значения в зависимости от места, роли, обстановки, цели, которую преследует интерпретатор.

Спроецируем, что «право» – это «человек». На протяжении жизни человек может быть младенцем, юным, зрелым, престарелым... На протяжении всей жизни человек является человеком, но нельзя приравнивать младенца к зрелому человеку по объективным причинам. Так, собственно говоря, и «право» как социальное трансформируемое явление остается «правом» на различных этапах своего развития, при этом однозначно недопустимо говорить об эквивалентности права в Древней Греции, в Средние века и в современный период. Под воздействием различных факторов право изменяется, мутирует, при этом не всегда в лучшую сторону. Достаточно вспомнить многочисленные уроки истории (инквизиция, тоталитаризм, фашизм), когда в рамках действующего закона, нормативного предписания совершались «сомнительно правовые» действия. Например, сжигание на костре за инакомыслие было нормой, отвечало требованиям закона; право первой ночи в Средние века являлось бесспорной привилегией феодала. Подобные действия считались правовыми в соответствующий для них исторический период развития человеческого общества. Но в настоящее время в современном обществе ситуация изменилась кардинально. Работоторговля, средневековые формы наказания и т. п. считаются аморальными, противоречат тексту закона, духу современного права, общепризнанным принципам и нормам международного права.

⁸⁸ Рыбаков О. Ю. Теория государства и права: Вопросы и ответы. М.: Прометей, 2017. С. 57–58.

Подобное положение дел стало возможным благодаря трансформации иерархии ценностей в обществе. Права и свободы человека повсеместно на территориях развитых государств признаются высшей ценностью.

Обозначенный постулат является максимой нормативного регулирования. Как правило, подобные положения находят свое закрепление в высших по юридической силе нормативно-правовых актах государства (например, статья 2 Конституции Российской Федерации). Правозащитный вектор является также основой не только отдельных национальных правопорядков, но и международного права. Основной задачей многочисленных международных органов является защита прав и свобод человека и гражданина.

Важно, что провозглашение прав человека высшей ценностью не является сугубо декларативной констатацией, не обладающей правореализационным потенциалом.

Закрепление ценностного содержания прав и свобод человека в нормативном акте, обладающем высшей юридической силой, формирует своего рода фундамент для последующей нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Любое установленное государством (государственным органом, должностным лицом) правило поведения, принятый закон должны быть направлены в первую очередь на защиту прав и свобод человека. Регулирование государством общественных отношений должно проявляться только там, где существует потребность в защите прав человека, социальной поддержке нуждающегося. Повсеместное регулирование без цели защиты прав человека не может отвечать современным тенденциям развития современного общества. Государство должно вмешиваться посредством регулятивных функций в отношения людей только в случаях риска нарушения прав человека, несоблюдения баланса справедливого сосуществования субъектов правоотношений, а также проявления злоупотреблений со стороны недобросовестных индивидов социума.

Создание правила только ради правила (без цели защиты какого-либо нарушенного права либо устранения угрозы нарушения

права) не свидетельствует о рациональном, позитивном функционировании правового регулирования.

Принятие многочисленных регламентов, инструкций и иных бюрократических препон без какого-либо правозащитного, социально-обусловленного обоснования нивелирует сущность нормативной составляющей регулирования общественных отношений.

Например, любой отечественный процессуальный кодекс содержит положения, гарантирующие право на судопроизводство в разумный срок, при этом какие-либо действия, обстоятельства, связанные с судопроизводством, с иной работой суда (которая в основной массе осуществляется в рамках процессуального законодательства) не могут служить оправданием нарушения срока рассмотрения дела судом. В данном случае нормативно установлен приоритет права на эффективную судебную защиту в разумный срок над иными процессуальными правилами рассмотрения дела судом.

Таким образом, исходя из сформировавшейся в современном обществе иерархии ценностей, каждая норма права, правило поведения, правовая процедура несут свой позитивный ценностный заряд, направленный на достижение определенного позитивного результата, так называемого блага (чтобы договорное обязательство было исполнено надлежащим образом и в установленный срок; чтобы виновный преступник понес заслуженное и соответствующее его деянию наказание, а невинный избежал необоснованного уголовного преследования; чтобы работник получал достойное вознаграждение и т. п.). Именно достижение указанных результатов в правовом регулировании свидетельствует о становлении и торжестве таких аксиологических категорий, как свобода, справедливость и равенство.

При указанных обстоятельствах возрастает роль и значение аксиологического изучения правовой материи. Аксиологическое изучение права позволяет обратить внимание не только на социокультурные и социоклассовые основы и детерминанты права, связь с государством, но и на его духовные аспекты, отражаемые им идеалы⁸⁹.

⁸⁹ Любимов А. П. Философия права. М. : Издательство Юрайт, 2019. С. 138.

Правовая природа института несостоятельности (банкротства) физических лиц в России

*Шаймурзин Роман Равильевич,
заместитель начальника отдела анализа,
статистики и обеспечения судопроизводства
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда*

В Российской Федерации с 2015 года действует институт признания граждан несостоятельными (банкротами), который в научном сообществе получил название так называемого потребительско-го банкротства.

Необходимо отметить, что первая попытка введения механизмов банкротства граждан была предпринята в Российской Федерации еще в январе 1998 года в статьях 152–163 Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (утратил силу). Однако в силу пункта 2 статьи 185 указанного Закона, нормы о банкротстве гражданина должны были вводиться в действие с момента принятия соответствующих изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, которые так и не были приняты. При этом все попытки разрешения конфликта между гражданином и его денежными кредиторами были либо перенесены в сферу исполнительного производства и уголовного процесса, либо переводились во внеправовую сферу разрешения денежных конфликтов.

Вместе с тем потребность в позитивном урегулировании конфликтов между гражданином-должником и его кредиторами не просто существовала, а с течением времени становилась все более острой и актуальной.

Анализ итогов 2014, 2015 и 2016 годов показал, что существующие механизмы понуждения граждан-должников к погашению их кредиторской задолженности в основной своей массе либо перестали работать, либо работали неэффективно, в результате чего объем

кредиторской задолженности граждан-должников стал катастрофически увеличиваться⁹⁰.

Именно поэтому 29.06.2015 был принят Федеральный закон № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополь и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с пунктом 2 статьи 14 указанного Закона с 01.10.2015 в России были окончательно введены в действие нормы о банкротстве граждан.

Изучение и анализ правовой природы института банкротства физических лиц в России необходимо начать с рассмотрения самого термина «несостоятельность (банкротство)». Так, на уровне нормативно-правового регулирования официальное определение термина «несостоятельность (банкротство)» закреплено в статье 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), согласно которой под несостоятельностью (банкротством) понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Определение несостоятельности (банкротства) физического лица также вытекает из части 1 статьи 25 Гражданского кодекса Российской Федерации, из буквального толкования которой следует, что неспособность гражданина удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей может быть признана несостоятельностью (банкротством).

Одновременно с этим необходимо отметить, что в настоящее время банкротство в целом рассматривается не просто как явление, а как целый институт – определенная организация общественной

⁹⁰ Фролов И. В. Банкротство граждан: проблемы введения и модели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 95–102.

деятельности и социальных отношений, воплощающая в себе нормы экономической, политической, правовой, нравственной жизни общества, а также социальные правила жизнедеятельности и поведения людей.

В связи с чем институт банкротства физического лица следует рассматривать как систему (совокупность) норм, которая обеспечивает взаимодействие между собой всех субъектов процесса (должника, его кредиторов, государства), обеспечивает баланс интересов каждого из них и позволяет в конечном итоге разрешить ситуацию конфликта, вызванную несостоятельностью физического лица.

В этой связи следует согласиться с Фроловым И. В., который полагает, что банкротство гражданина-должника является особым видом банкротства, который следовало бы именовать потребительским банкротством⁹¹.

Выделяя банкротство физических лиц в качестве отдельного особого вида банкротства, Фролов И. В. указывает на особую правовую природу данного вида банкротства, определяемую следующими признаками:

- 1) реабилитационной направленностью процедур банкротства граждан;
- 2) наличием специальных экономико-хозяйственных целей освобождения граждан от финансовой зависимости перед их денежными кредиторами;
- 3) социальной значимостью механизмов освобождения граждан от обязательств;
- 4) специальными нормативными критериями «добросовестности», «злоупотреблений» и «мошенничества» для гражданина-должника и юридическими последствиями их выявления;
- 5) особыми правилами ответственности супругов (бывших супругов) по денежным обязательствам гражданина-должника⁹².

⁹¹ Фролов И. В. Банкротство граждан: проблемы введения и модели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 95–102.

⁹² Фролов И. В. Банкротство граждан: проблемы введения и модели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 95–102.

Именно вследствие названных выше признаков банкротство граждан не является классической гражданско-правовой конструкцией. Доминирование публичного элемента ввиду идеи социальной реабилитации гражданина является отличительным признаком банкротства гражданина от института банкротства юридических лиц. Кроме того, названное доминирование публичного элемента также влияет и на природу нормативного регулирования рассматриваемого механизма банкротства.

Карелина С. А. и Фролов И. В., анализируя природу экономических и юридических элементов механизмов банкротства и проводя их сравнительный анализ, отмечают, что по своей природе банкротство граждан и банкротство юридических лиц – абсолютно разные правовые механизмы и юридические категории⁹³.

В поддержку вышеуказанной позиции Шолохова Е. В. также отмечает, что банкротство должника-гражданина принципиально отличается по своей правовой природе от банкротства иных категорий должников – юридических лиц (финансовых организаций, стратегических предприятий, застройщиков)⁹⁴. При этом указывает на то, что указанные виды банкротства в первую очередь различны по своей цели. Так, банкротство граждан отличается своей социальной направленностью, так как его основная задача – восстановить активность должника в социальной и экономической жизни, в то время как основной целью банкротства организаций являются пропорциональное удовлетворение требований кредиторов и освобождение рынка от субъектов, не способных осуществлять рациональное хозяйствование.

Мировая практика регулирования процедур банкротства также исходит из признания института потребительского банкротства благом для добросовестного гражданина, поскольку позволяет ему

⁹³ Карелина С. А., Фролов И. В. Возможно ли банкротство граждан без финансового управляющего? // Судья. 2016. № 7. С. 10–15.

⁹⁴ Шолохова Е. В. Несостоятельность (банкротство) гражданина как правовой инструмент обеспечения финансовой стабильности в Российской Федерации // Современный юрист. 2016. № 3. С. 27.

в ходе одного процесса освободиться от долгов (так называемая доктрина fresh start), предоставив для расчета с кредиторами свое имущество. Например, в США должник «жертвует» кредиторам все свое имеющееся имущество, полностью освобождаясь от всех обязательств, но сохраняет все будущие доходы⁹⁵.

Однако, несмотря на преобладание в процедуре банкротства физических лиц публичного элемента в виде социальной реабилитации граждан, справедливо согласиться с Семеновой Е. А., которая отмечает, что законодательство о потребительском банкротстве не должно восприниматься как легкий способ избежать уплаты долга, в связи с чем важно, чтобы механизм защиты кредиторов от недобросовестных должников оказался эффективным⁹⁶.

Указанная позиция Семеновой Е. А. в первую очередь согласуется с общегражданскими положениями действующего законодательства, предоставляющими общую возможность отказать в защите права при обнаружении злоупотребления, изложенными в том числе в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

При этом необходимо отметить, что механизм защиты кредиторов от недобросовестных граждан-должников предусмотрен законодателем и прослеживается в пункте 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, из буквального толкования которого следует, что законодатель установил ряд ограничений для признания банкрота освобожденным от задолженности.

Так, в силу вышеназванной нормы Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если:

⁹⁵ Бадахова Л. Р. Некоторые аспекты банкротства граждан в США // Общество и право. 2010. № 4. С.283–285.

⁹⁶ Семенова Е. А. Правовое регулирование сделок при банкротстве граждан // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 30.

- вступившим в законную силу судебным актом гражданин привлечен к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное или фиктивное банкротство при условии, что такие правонарушения совершены в данном деле о банкротстве гражданина;

- гражданин не предоставил необходимые сведения или предоставил заведомо недостоверные сведения финансовому управляющему или арбитражному суду, рассматривающему дело о банкротстве гражданина, и это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом, принятым при рассмотрении дела о банкротстве гражданина;

- доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

В этих случаях арбитражный суд в определении о завершении реализации имущества гражданина указывает на неприменение в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств либо выносит определение о неприменении в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств, если эти случаи выявлены после завершения реализации имущества гражданина.

Вышеуказанное свидетельствует о действующем механизме пресечения злоупотреблений со стороны должников, обеспечения балансов интересов должника и его кредиторов, а также защиты кредиторов от недобросовестных должников, которые злоупотребляют своими правами, совершают преднамеренные умышленные действия для фиктивного банкротства, сокрытия имущества и т. д.

На предусмотренный действующим законодательством баланс социально-реабилитационной цели и необходимостью защиты прав

кредиторов при процедуре банкротства физических лиц указывает и Верховный Суд Российской Федерации в своем определении от 23.01.2017 № 304-ЭС16-14541.

Так, по тексту названного определения Верховный суд Российской Федерации указал, что «...право гражданина на использование установленного государством механизма потребительского банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу. В ситуации, когда действительно будет установлено недобросовестное поведение должника, суд в соответствии со статьей 213.28 Закона о банкротстве вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение правил об освобождении гражданина от исполнения долговых обязательств. Закрепленные в законодательстве о несостоятельности граждан положения о неосвобождении от обязательств недобросовестных должников, а также о недопустимости банкротства лиц, испытывающих временные затруднения, направлены на исключение возможности получения должником несправедливых преимуществ, обеспечивая тем самым защиту интересов кредиторов. Таким образом, устанавливается баланс между социально-реабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных статьей 213.30 Закона о банкротстве, и необходимостью защиты прав кредиторов».

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать вывод, что институт банкротства физического лица (гражданина), безусловно, отличается по своей природе от банкротства юридических лиц. Преобладание в рассматриваемой процедуре банкротства публичного элемента в виде основной цели процедуры – социальной реабилитации гражданина-должника – является так называемым благом для добросовестного гражданина. При этом именно добросовестность поведения гражданина-должника в данном случае является главным критерием возможности получения указанного блага, что согласуется с общегражданскими принципами, нормами и правилами.

Совершенствование гласности гражданского судопроизводства: к проблеме соблюдения прав участников

*Агеева Галина Евгеньевна,
заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический универси-
тет», кандидат юридических наук, доцент*

Курс на цифровое совершенствование и активное внедрение современных информационных технологий во все сферы общественной жизни наметился в нашей стране достаточно давно. Судопроизводство не осталось в стороне: электронные доказательства, аудиопотоколирование, использование систем видеоконференц-связи и прочие цифровые способы оптимизации процессуальной деятельности давно и достаточно эффективно применяются при реализации правоохранительной деятельности. Под воздействием ряда современных информационных технологий, в том числе, достигается некая «прозрачность» судебной власти, возможность осуществления функции общественного контроля за ней. Однако подобная «прозрачность» способна оказать и негативное воздействие на некоторых участников судопроизводства ввиду нарушения, например, права на защиту персональных данных.

В рамках настоящего исследования мы проанализируем некоторые аспекты цифровизации принципа гласности в гражданском судопроизводстве, регулируемом Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ) и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) с позиции его концептуального единства. Кроме того, важно подчеркнуть, что правовые явления современного общества необходимо рассматривать в качестве элементов системы, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Сказанное является особенно важным для сферы судопроизводства и ее современного цифрового совер-

шенствования. Ввиду чего, рассуждая о публично-правовых началах правосудия, в рамках настоящего исследования мы будем уделять внимание и познанию их воздействия и соотношения с частноправовыми интересами субъектов.

Открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное информирование общества о деятельности судов способствует повышению уровня правовой осведомленности о судопроизводстве и судоустройстве, являются гарантией справедливого правосудия, а также выполняют функцию общественного контроля за судами в лице судей. Ввиду чего принцип гласности представляет собой исходное начало гражданского судопроизводства, гарантирующее, по мнению Пленума Верховного Суда Российской Федерации (постановление от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»), справедливость, публичность и беспристрастность судебного разбирательства.

Гласность обеспечивается доступом всех желающих к судебному разбирательству или к информации о нем, в том числе посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В данном случае гласность может быть, по нашему мнению, как фактической, так и информационной. Так, фактическая подразумевает свободную возможность физического присутствия любого желающего лица в зале судебного заседания при рассмотрении дела. Правда, лишь в том случае, если разбирательство дела открытое. Важно подчеркнуть, что проведение любого открытого судебного разбирательства должно осуществляться в помещении, позволяющем вместить всех лиц, желающих принять в нем участие. Журналисты, наравне с иными субъектами, имеют право находиться при разбирательстве дела. Судьям запрещается чинить им препятствия по причинам профессиональной принадлежности или иным основаниям, не предусмотренным законодательно.

Что же касается информационной гласности, то речь идет, во-первых, об обязательном опубликовании информации о деятельности судов, о рассматриваемых делах, а также текстов судебных

актов; а во-вторых, о возможности транслирования хода судебного разбирательства в информационно-коммуникационной сети «Интернет». В этой связи важно упомянуть, что основным принципом информационной открытости деятельности судов является «открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации»⁹⁷.

Правила об открытости разбирательства не подлежат применению при наличии оснований для проведения закрытого процесса. К ним, согласно статье 11 АПК РФ относятся следующие случаи: «Разбирательство дела в закрытом судебном заседании допускается в случаях, если открытое разбирательство дела может привести к разглашению государственной тайны, в иных случаях, предусмотренных федеральным законом, а также при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой, служебной или иной охраняемой законом тайны». ГПК РФ же по этому вопросу закреплено следующее: «Разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается и при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина».

Кроме того, при наличии ходатайства заинтересованного лица судья вправе рассматривать дело в закрытом порядке по мотивам

⁹⁷ Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 10.03.2020).

обеспечения права на неприкосновенность частной жизни либо сохранения сведений, составляющих коммерческую или иную охраняемую законом тайну, а также сведений, гласное обсуждение которых способно помешать правосудию или может повлечь неблагоприятные последствия для субъекта. В данном контексте важно подчеркнуть, что подобные ходатайства не будут являться безусловными основаниями для перехода к закрытому разбирательству.

Активная цифровизация принципа гласности гражданского судопроизводства осуществляется уже чуть более десяти лет. Прежде всего, стоит упомянуть федеральный закон 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», закрепивший обязанность суда публиковать информацию о деятельности судов и размещать тексты принятых судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Кроме того, этим же федеральным законом была установлена возможность трансляции судебных заседаний по радио, телевидению и в сети «Интернет». Можно констатировать, что современные цифровые технологии прочно закрепились в современном судопроизводстве.

В настоящее время при проведении открытого судебного разбирательства любой субъект, даже не имеющий никакого отношения к рассматриваемому делу, но фактически присутствующий в суде, имеет право при получении предварительного разрешения судьи транслировать ход судебного разбирательства в сети «Интернет». Решение о допустимости трансляции судебного заседания определяется судом с учетом соблюдения интересов правосудия, обеспечения безопасности участников судопроизводства, предотвращения разглашения информации, отнесенной в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну. Стоит упомянуть, что суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о проведении трансляции только по причине субъективного нежелания участников процесса. А подобное нежелание может быть вполне логично: речь может идти, прежде всего, о персональных данных и простом нежелании фигурировать в сети «Интернет», возможно, не в самом достойном

виде. Кроме того, субъекты некоторых видов отношений, в которых не затронута ни какая-либо охраняемая законом тайна, ни различные аспекты частной жизни, могут иметь желание не предоставлять информацию о себе и своих конкретных правовых конфликтах заранее неограниченному кругу лиц.

Речь, конечно, прежде всего, идет о гражданском судопроизводстве, реализуемом по правилам ГПК РФ, поскольку в подобных отношениях присутствуют, в основном, физические лица и их личные имущественные и неимущественные отношения. Разумеется, в данном случае требуется защита персональных данных в соответствии с действующим законодательством. Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливается, что обработка персональных данных допускается при участии субъекта права в конституционном, гражданском, административном, уголовном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах. Разумеется, для целей правосудия, а не для того, чтобы таким образом предоставить доступ к ним неограниченного круга лиц.

В гражданском судопроизводстве, осуществляемом арбитражными судами, внимание к персональным данным не такое пристальное, поскольку субъектный состав участников представлен, прежде всего, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями и достаточно редко – физическими лицами. А персональные данные как правовая категория представляет собой достаточно широкий перечень информации, но касающейся конкретного физического лица (статья 3 Федерального закона «О персональных данных»). В связи с чем органы арбитражной юстиции не так внимательно следят за обеспечением их правовой защиты, однако общие направления защиты необходимо проработать в обоих видах процесса.

Важно упомянуть, что порядок опубликования судебных актов и правил об исключении из них некоторых сведений регламентирован достаточно подробно. С особенностями правовой защиты субъектов судопроизводства при трансляции разбирательства ситуация обстоит сложнее. Ввиду чего в настоящее время актуальным и значимым является изучение некоторых аспектов цифровизации прин-

ципа гласности и выработка предложений для обеспечения прав и законных интересов частных субъектов.

Одним из наиболее ярких проявлений цифровой трансформации принципа гласности гражданского судопроизводства в современном обществе стало то, что по радио, телевидению и в сети «Интернет» могут осуществляться прямые трансляции судебного заседания, отсроченные трансляции судебного заседания и частичные трансляции судебного заседания. В настоящее время становится модным транслирование через современные цифровые технологии любых процессов, не только юридических. В обществе становится принятым выкладывать в сеть все, что происходит в жизни. Поэтому полагаем, что цифровая трансформация принципа гласности совсем скоро будет активно функционировать именно в направлении трансляции судебных разбирательств.

Однако у нас имеются опасения в том, что тем самым произойдет значительное нарушение баланса соотношения частных и публичных интересов⁹⁸. Дело в том, что в современном, «цифровом» понимании принципа гласности информация о судопроизводстве и тексты принятых судебных актов подлежат размещению в открытом доступе в сети «Интернет». Исключения составляют дела, рассматриваемые в закрытых заседаниях. Кроме того, при размещении судебных актов законодатель обязал суды исключать из их текста персональные данные. Однако подобного запрета, ограничения или иных попыток обеспечить права субъектов на неприкосновенность персональных данных в случае трансляции процесса правосудия законодательство не содержит. Хотя при этом достаточно подробно регулирует правила транслирования в сети «Интернет».

Тем самым уже сейчас виден небольшой перевес в сторону соблюдения публичного интереса судебной власти – принципа гласности и игнорирование частных интересов субъектов. Уже сейчас остро стоит вопрос с выработкой механизма обеспечения прав и законных интересов всех участников процесса; формирование на

⁹⁸ Чаплинский А. В. Трансляция судебных заседаний в Интернете: перспективы внедрения // Информационное право. 2016. № 3. С. 24–29.

основе расширения существующих оснований для отказа в проведении трансляции по причине возражений физических лиц, возможно, с использованием конструкций оценочного понятия.

Хочется отдельным блоком выделить вопрос о защите персональных данных в условиях цифровизации принципа гласности. Федеральным законом «О персональных данных» не просто закреплено правило о том, что в связи с участием лица в конституционном, гражданском, административном, уголовном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах осуществляется обязательная обработка персональных данных. Более того, для целей правосудия допускается и обработка специальных категорий персональных данных и даже биометрических. Однако для соблюдения права субъекта на запрет дальнейшего распространения персональных данных, как мы уже указали, при публикации текстов судебных актов в сети «Интернет» они изымаются из содержания документа. При трансляции же они могут стать доступными, без согласия субъекта и не совсем для целей правосудия, неограниченному кругу лиц, что, по нашему мнению, является нарушением частноправовых интересов субъекта.

В этой связи стоит упомянуть, что внимание к должному обеспечению защиты персональных данных в условиях цифрового общества весьма велико. И касается это не только гражданского судопроизводства, регулируемого ГПК РФ, но и в полной мере арбитражного процесса, поскольку в нем также возможно участие физических лиц, обладающих правом на защиту персональных данных. Более того, в связи с тем, что в арбитражном процессе отмечается несколько более высокая «квалифицированность» судебных представителей⁹⁹ и иных участников, транслирование хода судебного разбирательства здесь может осуществляться даже чаще. Некоторыми авторами указыва-

⁹⁹ Речь идет, прежде всего, о том, что с 1 октября 2019 г. во всех арбитражных судах РФ представителями могут быть только лица с высшим юридическим образованием. В гражданском же процессе данное нововведение не действует в отношении судопроизводства у мировых судей и в районных судах.

См. об этом подробнее: Ageeva G. E., Lang P.P., Loshkarev A.V., Chugurova T.V., Churakova E.N. Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court. // Lecture Notes in Networks and Systems. 2019. Vol. 57. P. 545-552.

ется, что «совершенствование информационных технологий требует включения в содержание правосубъектности права гражданина на защиту персональных данных»¹⁰⁰.

Цифровая трансформация принципа гласности в виде возможного транслирования хода судебного разбирательства в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» наталкивает на необходимость анализа достоинств и недостатков подобного технологического новшества.

Демократичное общество требует максимальной прозрачности деятельности органов государственной власти. Тем самым обеспечивается возможность выполнения весьма эффективной функции общественного контроля за законностью, объективностью и беспристрастностью судопроизводства, снижение возможности произвола и максимальное соблюдение прав, свобод и законных интересов субъектов, не наделенных властными полномочиями. Некоторыми учеными подчеркивается, что «публичность направлена на защиту сторон от тайного правосудия, не подпадающего под контроль общественности, и именно публичность является одним из средств сохранения доверия к судам всех уровней»¹⁰¹.

Что же касается недостатков, то возможно упомянуть о значительных затратах средств федерального бюджета, но правда лишь в том случае, если трансляция будет вестись в порядке обязательного фиксирования разбирательств судом с последующим размещением записей на своем сайте. Однако главным, по нашему мнению, недостатком выступает недостаточная законодательная проработка соблюдения личных интересов на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных.

Рассуждая о соблюдении баланса частных и публичных интересов, возможно было бы закрепить правило об обязательном транслировании судебного разбирательства и его последующей фиксации на сайте суда в конституционном и административном судопроизвод-

¹⁰⁰ Чаплинский А. В. Указ. соч.

¹⁰¹ Абросимова Е. Б. Очерки российского судостройства: реформа и результаты. М. : Институт права и публичной политики, 2009. 279 с.

стве. Тем самым обеспечивалось бы соблюдение публичного интереса – гарантированность доступа к правосудию. В гражданском же судопроизводстве, где очень часто присутствует физическое лицо, необходимо расширить основания для отказа в трансляции разбирательства дела при наличии, например, мотивированного ходатайства субъекта.

Учитывая вышеизложенное в настоящем исследовании, в качестве выводов хотелось бы отметить следующие основные положения:

1. То обстоятельство, что цифровая эпоха уже давно стала реальностью нашего общества, вовсе не означает, что возможно внедрение каких-либо современных технологий в правореализационную практику без их детальной научной и законодательной проработки.

2. Цифровизация принципа гласности в гражданском судопроизводстве – неизбежное и даже весьма положительное явление современного правоприменения. Однако необходимо обеспечивать защиту субъективных прав участников процесса посредством расширения оснований для отказа в проведении трансляции хода судебного разбирательства.

3. Для обеспечения защиты персональных данных и ограничения доступа к ним без персонального разрешения неограниченного круга лиц, по нашему мнению, необходимо законодательное закрепление о запрете непрерывной трансляции и об изъятии из записи тех промежутков, когда лицо оглашает какие-либо персональные данные или иные личные обстоятельства, которые оно бы хотело оставить неприкосновенными.

**Закон местонахождения вещи,
закон наиболее тесной связи и конфликт
квалификаций: определение принадлежности
к недвижимому имуществу в отношениях
с участием иностранного элемента**

*Дорофеева Юлия Александровна,
доцент кафедры правового обеспечения экономической
деятельности ФГБОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Содержание понятия «право собственности», как и иных вещных прав, критерии их отграничения, основания, порядок и условия возникновения и прекращения прав на имущество – вопросы, имеющие тесную связь с законодательством государства, где находится объект, право на который подлежит установлению в том или ином споре. Квалификация данных понятий, их содержание имеют различия в правовых системах стран общего права и континентальном праве, отличаются они и в законодательствах государств, относящихся к одной системе права. Указанное относится к сфере компаративистики, но вопросы применения норм иностранного государства к правоотношениям частноправового свойства с участием иностранного элемента лежит в плоскости международного частного права.

В российском законодательстве закон местонахождения вещи сформулирован в статье 1205 Гражданского кодекса РФ: право собственности и иные вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится. Объем данной коллизионной нормы расширен положениями статьи 1205.1 ГК РФ, где к числу вопросов, разрешаемых по закону местонахождения вещи, отнесен вопрос деления объектов вещных прав на движимые и недвижимые. Квалификация содержания категории движимой либо недвижимой вещи по закону местонахождения иму-

щества, а не по закону страны суда при выборе применимого права является исключением из правила, содержащегося в части 1 статьи 1187 ГК РФ. Если квалификация правовых понятий при выборе компетентного права определяется судом в соответствии с собственным законом (часть 1 статьи 1187 ГК РФ), то отнесение вещи к движимому или недвижимому имуществу осуществляется в соответствии с правом государства, на территории которого такая вещь находится. Представляется, такой подход отражает стремление законодателя соблюсти правовой режим, установленный для движимых и недвижимых вещей независимо от того, какой личный закон имеют обладатели прав на такую вещь, а также позволяет учесть особенности правовой регламентации классификации вещей для целей определения режима использования объекта вещных прав. Возможность первичной квалификации правовых понятий по иностранному закону требует от участников правоотношения, а в случае возникновения спора – от суда и участников процесса знания законодательства, по которому определяется принадлежность вещей к движимым или недвижимым. А критерии такого разграничения в законодательстве разных стран отличаются весьма существенно. Так, во Франции животные, используемые для осуществления фермерской деятельности, являются недвижимым имуществом (статья 522 ФГК¹⁰²). Согласно статье 812 раздела 3 Гражданского кодекса Италии¹⁰³, недвижимость – это земля (il suolo), источники и пути прохождения воды (corsi d'acqua), деревья, здания и другие постройки и находящиеся в них предметы мебели, а также все, что естественным образом или искусственным создано на земельном участке, – как принадлежности зданий (мебель и другое имущество), так и находящиеся на воде постройки (edifici galleggianti), если они прочно прикреплены к берегу или руслу водоема и должны использоваться по назначению,

¹⁰² Французский гражданский кодекс от 21.03.1804 (Кодекс Наполеона) // СПС Консультант-Плюс. Информационный банк «Международное право» (дата обращения: 10.03.2020).

¹⁰³ Codice Civile Italiano. Libro terzo. Della proprietà http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/Lib3.htm. (дата обращения: 10.03.2020).

связанному с их местоположением. Различия, имеющиеся в определении недвижимости в российском праве и приведенных здесь в качестве иллюстрации законодательства государств континентальной системы права, основаны, в основном, на специфике российского права, признающего недвижимостью не земельный участок вместе с находящимися на нем объектами, а земельный участок и отдельно – расположенные на нем объекты, признаваемыми статьей 130 ГК РФ недвижимостью. Поэтому установление принадлежности объекта к движимым или недвижимым вещам следует осуществлять сразу, еще до момента установления права, примененного к спорным отношениям. Разъяснение о применении статьи 1205 ГК РФ дано и Верховным Судом Российской Федерации, который указал, что положения статьи 1187 ГК РФ о квалификации юридических понятий применяются для целей толкования юридических понятий в российских коллизионных нормах, и в силу исключения, установленного статьей 1205 и подпунктом 1 статьи 1205.1 ГК РФ, по закону страны местонахождения вещи следует определять принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам¹⁰⁴.

Российский законодатель, сделав исключение из общего правила квалификации правовой категории по закону страны суда в пользу закона местонахождения вещи, значительно усложнил задачу судам, рассматривающим споры с участием иностранного элемента, предметом которых являются права на вещи, а предварительным вопросом – квалификация объекта как движимой или недвижимой вещи. Но в то же время, применение к квалификации вещей на движимые (недвижимые) закона местонахождения вещи является проявлением принципа наиболее тесной связи, который является, как образно выразился А. В. Асосков, «путеводной звездой для законодателя при формулировании отдельно взятых коллизионных норм»¹⁰⁵. Действи-

¹⁰⁴ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10. С. 11.

¹⁰⁵ Асосков А. В. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // Судья. 2019. № 11. С. 14.

тельно, принцип наиболее тесной связи выполняет функции и самостоятельной коллизионной привязки, и корректирующей оговорки, позволяющей суду применять не право государства, к которому отсылает коллизионная норма, а законодательство страны, имеющей наиболее тесную связь с рассматриваемым правоотношением. Также согласимся с Е. М. Кондратьевой в том, что коллизионное регулирование вещных прав имеет специфику, заключающуюся, в том числе, в локализации правоотношения местом, где находится недвижимое и иное имущество, права на которое определяются законом местонахождения вещи¹⁰⁶. Поэтому права на имущество, возникшие в соответствии с законодательством государства, где оно находилось на момент возникновения (прекращения) прав на имущество, признается на территории иных государств при условии, что приобретение (отчуждение) осуществлено законно¹⁰⁷.

Указанное обстоятельство должно быть принято во внимание судом при рассмотрении спора с участием иностранного элемента в отношении объектов, приобретенных за границей, равно как и в отношении имущества, находящегося в РФ. Последнее составляет иностранные инвестиции и является важной составляющей правового регулирования статуса иностранных лиц и режима осуществления ими предпринимательской деятельности в России.

Правовой режим иностранных инвестиций является одним из важнейших факторов, определяющих привлекательность имущества для иностранных инвесторов. Учитывая, что целью иностранных инвестиций российское законодательство называет вложение иностранного капитала в объект именно предпринимательской деятельности, меры по защите прав иностранных инвесторов распространяются на лиц, не имеющих российского гражданства, осу-

¹⁰⁶ Кондратьева Е. М. Конкуренция вещно-правового и обязательственного статуса внешнеэкономической сделки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Право. 2018. № 2. С. 137.

¹⁰⁷ По мнению автора, применение Е. М. Кондратьевой критерия добросовестности приобретателя объекта вещных прав подразумевало именно законность обладания имуществом, право на которое устанавливается в соответствии с законодательством его местонахождения на момент возникновения (прекращения) вещного права.

шествующих предпринимательскую деятельность в РФ¹⁰⁸. Остальные иностранные граждане и лица без гражданства не получают защиту, установленную законодательством о защите иностранных инвестиций. При этом для всех категорий иностранных граждан (предпринимателей и нет) в отношении оснований, условий и порядка приобретения имущества в РФ иностранными гражданами, владения таким имуществом и прекращения прав на него действует либо национальный режим, либо режим наибольшего благоприятствования. Иностранцы в России пользуются правами на защиту их прав на принадлежащее им имущество, расположенное в РФ, наравне с российскими гражданами (национальный режим), либо имеют не меньший объем прав на защиту прав на свое имущество в РФ, чем предоставлено российским гражданам в государстве их гражданства (режим наибольшего благоприятствования)¹⁰⁹. С целью извлечения прибыли иностранные лица приобретают в РФ имущество, которое в соответствии с российским законом следует определять как движимое либо недвижимое имущество. В соответствии с этим, предварительный вопрос о квалификации понятия «недвижимость» в указанном случае не возникает, но только в случае, если иностранный инвестор получил предварительную информацию о содержании норм российского права и имеет представление о критериях отнесения вещей к недвижимому имуществу. Приобретая звероферму, инвестор, инкорпорированный во Францию, должен быть информирован, что имеющиеся или приобретенные им впоследствии животные, как и временные постройки для их размещения, не относятся к недвижимости, а акционерное общество, имеющее личный закон Италии, следует уведомить, что многолетние насаждения (деревья), как и рядом протекающий ручей на земельном участке, приобретенном для строительства завода, также не обладают признаком недвижимости. При этом создание правовой определенности необходимо

¹⁰⁸ Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

¹⁰⁹ Статьи 2, 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

превентивно, вне и до возникновения спора, еще в момент принятия решения об осуществлении инвестиций в предпринимательскую деятельность, осуществляемую на территории РФ. Указанные разъяснения могут быть предоставлены по обращению специалистами высших учебных заведений, адвокатами; таким правом могут быть наделены и примирители, но только в случае, если будет изменена часть 8 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ и внесены положения, позволяющие осуществлять судебное примирение до момента возникновения судебного спора. Обращение к специалистам даст возможность иностранному лицу загодя, до момента принятия решения о необходимости инвестирования в российскую экономику, принять обоснованное и информированное решение о начале осуществления предпринимательской деятельности в РФ. Такое решение должно вытекать, в том числе, из понимания компетенции российского и иностранного закона в вопросах, связанных с правами на осуществление предпринимательской деятельности, на извлечение прибыли и получение дохода, на объекты гражданских прав, в том числе, на классификацию таких объектов.

К вопросу о деятельности судебных примирителей в условиях принятия регламента проведения судебного примирения

*Лошкарев Андрей Викторович,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический
университет», кандидат юридических наук*

В современном судопроизводстве Российской Федерации, согласно статье 153.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) допускается применение практики примирения сторон, участвующих в рассмотрении дела, для взаимного удовлетворения интересов субъектов гражданских правоотношений, а также для достижения задач судебного заседания. Акт примирения возможен на любой стадии гражданского процесса, когда стороны могут выбрать не только возможную кандидатуру примирителя, но и определить особенности, условия осуществляемой примирительной процедуры, пользуясь равными правами и свободами на базе реализуемых принципов сотрудничества, добровольности и конфиденциальности. Так, к примеру, согласно современному законодательству РФ, стороны могут решать возникшие между ними споры на базе таких примирительных процедур, как:

- переговоры;
- посредничество, включая участие так называемого медиатора;
- судебное примирение;
- иные способы, не противоречащие закону.

Для совершенствования процедур примирения, процессуальные основы которых отражены в главе 14.1 ГПК РФ, на основе пункта 13.1 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд РФ утвердил Регламент проведения судебного примирения на основании соответствующего Постановления от 31.10.2019 № 41 (далее – Регламент). Данный нормативно-правовой акт направ-

лен в первую очередь на обеспечение мирного сотрудничества сторон – участников гражданских правоотношений, до непосредственной реализации основных стадий судопроизводства. Примирителем могут выступать опытные юристы – судьи в отставке, список которых формируется и утверждается Верховным Судом РФ на основании предложений нижестоящих в иерархии судебной системы РФ судебных инстанций (пункт 3 статьи 153.6 ГПК РФ). При этом в процессе назначения кандидатур на должность судебного примирителя помимо опыта и специализации судьи в момент ранее выполняемых им должностных обязательств будут учитываться следующие критерии:

- субъект РФ, в котором проживает потенциальный судебный примиритель;
- характер осуществляемой судьей деятельности в период нахождения в отставке;
- соответствие характера деятельности судьи, находящегося в отставке, Закону РФ от 26.06.1992 n 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», а также Кодексу судейской этики, утвержденному 19.12.2012.

В соответствии со статьей 8 Регламента, судебными примирителями не могут выступать судьи, если они задействованы в выполнении должностных полномочий, состоят на государственной и муниципальной гражданской службе, работают в общественных организациях и т. д.

В обязанности судебного примирителя вменяется выполнение следующих должностных функций:

- ведение переговоров с участниками правоотношений на основании изученной информации из предоставленных сторонами документов, а также дальнейшее урегулирование спора в контексте сохранения деловых отношений;
- знакомство с материалами дела и разъяснение законодательства РФ в контексте осуществления судебной практики;
- содействие между участниками гражданских правоотношений документами, необходимыми для урегулирования спора, а также систематизация вариантов урегулирования возникшего спора;

- получение необходимых консультационных услуг у специалиста, а также завершение процедуры примирения в порядке, установленном Регламентом проведения судебного примирения (пункт 1 статьи 14 Регламента).

Напротив, учитывая, что судебный примиритель не является участником осуществляемого судопроизводства, он не имеет права влиять на правовой статус участников процесса путем установления или прекращения их прав и обязанностей.

Таким образом, деятельность судебного примирителя направлена не только на достижение взаимоприемлемого результата участниками дела с учетом удовлетворения их интересов и потребностей, но и на максимальное сближение позиций сторон – субъектов гражданских правоотношений на основе изыскания дополнительных способов урегулирования спора. При этом примиритель должен способствовать формированию объективной оценки предъявленных заявлений со стороны истца и ответчика для достижения положительного результата примирительной процедуры.

Институциональные основы осуществления оплаты труда судей, пребывающих в отставке и задействованных для выполнения функций судебного примирителя, определяются Правительством РФ (пункт 6 статьи 153.6 ГПК РФ).

Процесс судебного примирения, законодательные основы для осуществления которого заложены в ГПК РФ, Кодексе административного судопроизводства РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ, а также в соответствующих нормативно-правовых актах о статусе судей в РФ, базируется на таких принципах, как независимость и беспристрастность опытного юриста – судебного примирителя, добровольность и добросовестность, равноправие сторон и взаимное сотрудничество (пункты 1 и 2 статьи 2 Регламента). В случае, если достижение положительного исхода переговоров участников невозможно и дело, таким образом, доходит до суда, стороны не вправе без письменного разрешения ссылаться на информацию, ставшую известной в ходе проведения примирительной процедуры. Исключением является интерпретация получен-

ных сведений для научно-исследовательских и образовательных целей при условии сохранения анонимности участников реализуемых правоотношений.

В итоге благодаря деятельности судебного примирителя может быть достигнут один из нижеследующих результатов:

- 1) достижение согласия по материалам рассматриваемого дела;
- 2) частичное (полное) признание (отказ) предъявляемых (выдвигаемых) требований;
- 3) установление мирового соглашения в случае, если это входит в компетенцию института публичной власти, участвующего в деле.

В контексте исследуемой темы особо интересным видится разобрать особенности проведения медиации как одного из инструментов осуществления примирительных процедур и сопоставить данную институциональную категорию с дефиницией судебного примирителя.

Так, статья 153.5 ГПК РФ устанавливает возможность урегулирования возникших в гражданском правовом пространстве споров посредством проведения процедуры медиации, а Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ освещает непосредственно сам процессуальный порядок (статья 11) (далее – Закон). Стоит отметить, что данный Закон был принят в соотношении с предложенными Рекомендациями Комитета министров Совета Европы N R (86) 12 о необходимости снижения нагрузки на деятельность судов в целом и судей в частности посредством введения в судебную практику института альтернативных способов разрешения споров¹¹⁰. Помимо прочего Закон был ратифицирован с целью сближения национальной системы права с нормами и принципами международного права. Однако, по признанию многих правоведов, нормативно-правовой акт получился «мертворожденным», в силу

¹¹⁰ Афанасьева Т. И., Чиров А. С. Примирительные процедуры в концепции Верховного Суда Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2019. № 1. С. 18.

чего лишь небольшое количество дел в судах общей юрисдикции (0,008 %) и в арбитражных судах (0,002 %) рассматривалось с участием медиатора¹¹¹.

В свете разграничения функциональных особенностей каждой из процедур – судебного примирения и медиации (посредничества), рассмотрим общие и отличительные черты каждой. Так, среди тождественных характеристик можно отметить, что оба института относятся к альтернативным в сравнении с традиционным судопроизводством. Помимо прочего указанные институты задействуют третье лицо, независимое в осуществлении своих полномочий. При этом решение, принимаемое примирителем или медиатором, не является обязательным, а вся примирительная процедура подчинена принципам конфиденциальности и нейтральности привлекаемого третьего лица.

Среди основных отличительных черт можно отметить следующие.

Судебный примиритель выступает более активным субъектом в урегулировании спора, нежели посредник, роль которого, чаще всего, сводится к созданию благоприятных условий проведения встреч конфликтующих сторон и достижения ими консенсуса.

Судебный примиритель в своей деятельности в большей мере опирается на факты, объективные причины, приведшие к возникновению разногласий в то время, как медиатор в том числе ориентируется на субъективные причины, психологию поведения конфликтующих, в совокупности приведшие к возникновению спора. Помимо прочего медиатору небезразличен исход развития событий после урегулирования спора, а также дальнейшие отношения сторон, некогда конфликтующих между собой¹¹².

Наконец, институт судебного примирения носит более формализованный характер, поскольку, по замечаниям некоторых правоведов, предполагает разновидность судопроизводства, осуществля-

¹¹¹ Рехтина И. В. Медиация в России как альтернативный способ разрешения споров и элемент интеграции в Европейское сообщество // Юрист. 2012. № 11. С. 40–43.

¹¹² Рехтина И. В. Медиация в России как альтернативный способ разрешения споров и элемент интеграции в Европейское сообщество // Юрист. 2012. № 11. С. 40–43.

емого в здании суда. В этом смысле примирение в большей мере обуславливается рамками закона, в то время как посредничество не всегда находится под прямым воздействием закона.

По мнению Лебедевой Д. С., медиативное соглашения стало в какой-то мере альтернативным мировому. На её взгляд, суть их одна, но средства достижения для разрешения конфликта различны. Медиативное соглашение отличается от мирового соглашения лишь тем, что мировое соглашение принимается во время судебного производства по обоюдному согласию сторон и без участия примирительной стороны. А медиативное соглашение принимается с участием посредника, пытающегося примирить стороны на различных стадиях спора – досудебной, судебной и послесудебной. Очевидно, что, если медиативное соглашение принимается в досудебном порядке, это, безусловно, способствует оперативности и экономичности процедуры, делает ее доступной и результативной¹¹³.

Практика судебного примирения достаточно широко распространена за рубежом, что подтверждает наличие соответствующих законов и нормативных требований как к самому примирителю, так и осуществляемой им деятельности. Так, законодательство Франции, Бельгии, Швейцарии устанавливает возможность осуществления процедуры примирения действующими судьями в рамках рассмотрения материалов дела¹¹⁴. Декрет № 78-381 «О судебных примирителях», принятый во Франции 20.03.1978 г., уточняет, что примирителями могут выступать лица, проработавшие в юридической сфере минимум три месяца. Непосредственно сам судебный примиритель имеет право посещения места происшествия и опроса лиц, которые, по его мнению, могут сообщить информацию, принципиальную для урегулирования конфликта.

Гражданский процессуальный кодекс Швейцарии в числе иных правовых положений, регламентирующих институт судебного примирителя, устанавливает следующие права судебного примирителя:

¹¹³ Лебедева Д. С. Медиация в судах общей юрисдикции // Судья. 2012. № 3. С. 42.

¹¹⁴ Рехтина И. В. Медиация в России как альтернативный способ разрешения споров и элемент интеграции в Европейское сообщество // Юрист. 2012. № 11. С. 40–43.

- вызывать для участия в процедуре примирения всех участников гражданских правоотношений;
- проведения осмотра места происшествия;
- изучать и анализировать документы, предоставленные участниками спора;
- в случае предложения лично принятого решения об урегулировании конфликта примиритель вправе запросить иные доказательства.

Таким образом, процедура примирения направлена на достижение оптимального результата взаимодействия между участниками гражданских правоотношений для урегулирования возникших между ними споров и развития партнерских отношений. Именно на достижение указанного результата направлена деятельность судебного примирителя, нормативные основы функционирования которого закреплены в новом Регламенте проведения судебного примирения.

Роль и значение совершения нотариальных действий в корпоративных правоотношениях

Скачкова Ольга Сергеевна,

*доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический
университет», кандидат юридических наук*

Ширяева Анастасия Игоревна,

магистрант института права ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Статья 2 Конституции Российской Федерации определяет, что защита прав и свобод граждан является одной из главнейших обязанностей государства¹¹⁵. И для ее исполнения создаются особые правовые механизмы, с помощью которых становится возможным обеспечение защиты законных интересов граждан и юридических лиц¹¹⁶.

Институт нотариата выступает одним из тех инструментов, который призван исполнять правозащитные функции путем совершения нотариальных действий от имени государства. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что достаточно долгое время правовой потенциал института нотариата игнорировался государством. Даже существовала негативная тенденция к уменьшению доли его участия в решении большого количества вопросов, путем передачи в ведение только узкого круга полномочий.

¹¹⁵ Ланг П. П. Аксиология правоприменительной практики как квинтэссенция правовой материи // Защита прав и свобод человека и гражданина: теория и практика : сборник статей участников Международной научно-практической конференции (I Международной Школы-семинара молодых ученых-юристов), г. Москва, 10 сентября 2019 г. / под ред. В. В. Казакова, К. А. Комогорцевой; Университет прокуратуры Российской Федерации; Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. С. 52.

¹¹⁶ Меньшикова В. А. Нотариальная защита корпоративных правоотношений // Нотариальный вестник. 2018. № 2 URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 01.03.2020).

Однако, как отмечает М. Н. Илюшина, тенденции развития экономики и постепенное расширение содержания общественных отношений обусловили возникновение определенной потребности во внесении изменений в нормы права, направленные на отражение происходящих преобразований¹¹⁷.

В том числе одной из новелл стало расширение полномочий нотариуса в сфере обеспечения прав и законных интересов граждан и организаций в корпоративных правоотношениях. Основным в данной области является усиление нотариального контроля за соблюдением прав участников корпораций при совершении действий, направленных на отчуждение или обременение долей в уставном капитале, а также при проведении общих собраний.

Подобные изменения правового регулирования нотариальной деятельности в корпоративной сфере начались с 01.07.2009, когда практически весь основной объем сделок, совершаемых с долями общества с ограниченной ответственностью (далее ООО) стал подлежать обязательному нотариальному удостоверению. В последующем положения, регламентирующие роль нотариуса, расширились и конкретизировались.

Основная цель подобных нововведений заключается в том, чтобы предотвратить и снизить риски совершения так называемых «рейдерских захватов», которые отрицательным образом сказывались на статистике функционирования хозяйственных обществ и подрывали основы экономической стабильности государства.

Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» была введена в действие новая статья Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) – статья 67.1, которая установила правила о возможности нотариального удостоверения решений общих собраний общества и со-

¹¹⁷ Илюшина М. Н. Новеллы законодательства и правоприминительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Нотариус. 2017. № 1. URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 05.03.2020).

става его участников. А также закреплено положение об обязательном присутствии нотариуса на общих собраниях участников общества в случаях принятия решения об увеличении размера уставного капитала. Следует отметить, что с 01.07.2017 нотариусу было предоставлено право ведения реестра списка участков ООО.

Приведенные законодательные изменения свидетельствуют о постепенном расширении функциональных полномочий нотариата в сфере корпоративных правоотношений, и это в свою очередь способствует не только обеспечению стабильности гражданского оборота и устойчивости экономического положения хозяйственных обществ, но и позволяет снижать уровень нагрузки на арбитражные суды.

Надо отметить, что расширение участия нотариуса в корпоративных отношениях происходит в России со значительным отставанием от целого ряда европейских стран, таких как Германия, Италия, Австрия, где нотариат уже давно является неотъемлемой частью жизни корпоративных организаций. Так, в Германии выстроена достаточно активная модель участия нотариуса в жизни хозяйственных обществ, можно даже сказать, что оказываемые услуги носят по большей степени комплексный характер и представляют собой юридическое сопровождение деятельности организации. Все это переводит нотариуса с функции «нотариального удостоверения юридических фактов» в орган, который оказывает непосредственно правовую помощь и решает в пределах своей компетенции корпоративные юридические вопросы. Некоторое время в Германии даже существовала система адвокатского нотариата, представляющего собой совмещение осуществления нотариальных действий с функциями адвоката. Такое положение в настоящий момент функционирует в целом ряде германских городов – Гамбурге, Нижней Саксонии и др.

Помимо этого, гражданское законодательство Германии предусматривает целый перечень корпоративных процедур, совершение которых требует обязательного участия нотариуса¹¹⁸:

¹¹⁸ Арсланов К. М. О роли нотариального удостоверения в юридических корпоративных процедурах на примере ГМБХ// Нотариус. 2015. № 4. URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 12.03.2020).

- 1) передача долей общества в порядке уступки;
- 2) изменения состава участников («листа участников»);
- 3) внесение изменений в учредительный договор;
- 4) изменение уставного капитала (при этом, как для увеличения, так и для уменьшения его размера существуют свои особенности удостоверения). Все эти меры направлены на обеспечение защиты прав учредителей, участников общества при формировании и изменении правоотношений, при взаимодействии с государственными органами и оказании грамотной, квалифицированной юридической поддержки экономической деятельности.

В России уровень организации нотариальной деятельности в сфере защиты корпоративных отношений пока не достиг такого высокого значения, как в европейских странах. Но в последнее время законодателем и нотариальным сообществом активно предпринимаются все необходимые меры для повышения значимости нотариального удостоверения в рамках корпоративных отношений.

Итак, на сегодняшний день выделяют три основные формы участия нотариуса в корпоративных отношениях: удостоверение состава и принятие решения общим собранием участников хозяйственного общества; участие нотариуса в отчуждении долей в уставном капитале общества; удостоверение договора залога долей в уставном капитале общества.

Поскольку совсем свежим обзором судебной практики Верховного Суда Российской Федерации были внесены некоторые новые разъяснения в порядок применения статьи 67.1 ГК РФ, то хочется уделить особое внимание изучению такого нотариального действия, как удостоверение состава и принятия решения общим собранием участников хозяйственного общества.

Анализируя положения отечественного гражданского законодательства, Е. Н. Абрамова пришла к выводу, что общее собрание юридического лица не входит в состав субъектов гражданского права, но тем не менее принятие ими решений относительно функционирования хозяйственного общества относится к фактам, который порождает, изменяет или прекращает права и обязанности непосред-

ственных субъектов правоотношений¹¹⁹. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» указал, что под «решениями собраний следует понимать решения определенной группы лиц, обладающей полномочиями по их принятию, с которыми закон связывает наступление определенных правовых последствий, носящих обязательный характер для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это вытекает из существа отношений или регламентировано законом».

Положения статьи 67.1 ГК РФ определяют, что нотариальному удостоверению подлежат решения общих собраний далеко не всех разновидностей корпораций, указанных в статье 65.1 ГК РФ, а только обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ. В отношении публичных акционерных обществ законодатель четко устанавливает запрет на нотариальное удостоверение решения общего собрания такой организации в силу того, что его состав не постоянен и регулярно обновляется. Поэтому проконтролировать состав акционеров или своевременно получить информацию о его изменении достаточно сложно, тем более нотариусу, который в настоящий момент обладает достаточно ограниченным правом доступа к информационным ресурсам, содержащим коммерческую, государственную и иную охраняемую законом тайну. В связи с этим удостоверение факта принятия решения и состава акционеров предоставляется непосредственно лицу, которое осуществляет ведение реестра акционеров и знает в каждый конкретный момент времени его точный состав.

Также стоит заметить, что в рамках статьи 67.1 ГК РФ не содержится требование об обязательном нотариальном удостоверении решения общего собрания. Пункты 2 и 3 названной нормы предусматривают и альтернативные способы заверения: так в отношении

¹¹⁹ Абрамова Е. Н. К вопросу о нотариальном удостоверении решения собрания юридического лица // Нотариус. 2016. № 2. URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 05.03.2020).

непубличных акционерных обществ это можно сделать или путем нотариального удостоверения, или лицом, которое осуществляет ведение реестра акционеров и счетной комиссии; в отношении обществ с ограниченной ответственностью – или с помощью нотариуса, или иным способом, указанным в уставе, или единогласно принятым решением общего собрания участников корпорации. Однако анализ судебной практики показывает, что зачастую суды, удовлетворяя иски о признании решения общего собрания участников общества недействительным в силу несоблюдения требований формы их подтверждения, исходят из того, что нотариальное удостоверение является приоритетным способом заверения решения и состава участников общего собрания, а выбор альтернативного порядка заверения должен быть также нотариально зафиксирован.

К такому выводу пришел Верховный Суд Российской Федерации, который в пункте 2 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» от 25.12.2019 указал, что «решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с которым в отношении решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, требует нотариального удостоверения», если только такой способ не был определен уставом общества. Данную правовую позицию можно считать подлежащей распространению как в отношении ООО (как в приведенном в Обзоре споре), так и применимую к непубличным акционерным обществам.

Хочется сказать, что в целом это вполне обоснованное и логичное утверждение, поскольку нотариально удостоверенный акт вызывает больше доверия к его законности и правомерности, и именно он носит бесспорный характер, не требующий предоставления доказательств его правомерности в суде. Иные способы подтверждения решения общего собрания участников подобными качествами не обладают. Их законность и достоверность не презюмируется, а напротив, требует дополнительного обоснования в суде.

Помимо этого, нотариальное удостоверение способно обеспечить эффективную защиту от подделки документов, подтвержда-

ющих проведение общего собрания общества и принятого на нем решения. Достигается такой высокий уровень защиты благодаря особой процедуре совершения нотариального действия. Статья 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) закрепляет следующие процедурные моменты: 1. Нотариус лично присутствует на общем собрании и имеет право отказать в совершении нотариального действия, если ничтожность принятого решения для него очевидна (т. е. решения, принятые на собрании в форме заочного голосования, нотариус удостоверить не может, потому что в таком случае исключается возможность его непосредственного присутствия). Также стоит иметь в виду, что собрание может быть проведено и в помещении нотариальной конторы, в случае ее указания в извещении участников, а также если это не запрещено уставом; 2. Нотариус должен проверить правоспособность юридического лица (через изучение учредительных документов), определить компетенцию органа управления в части принятия решения и совершить иные действия; 3. Нотариус должен зафиксировать состав участников собрания, установить их личность и полномочия, подтвердить право на участие в собрании; 4. Нотариус определяет наличие кворума.

При этом нотариус не проверяет соблюдение порядка созыва общего собрания, в его полномочия входит только удостоверение факта принятия решения. Однако, если нотариус видит, что выбранные формулировки не соответствуют закону или имеются нарушения процедурного характера, связанные с ведением собрания, то он имеет право отказать в нотариальном удостоверении, что позволяет реализовывать в данной ситуации предупредительные функции нотариата, направленные на предотвращение нарушения правовых норм и соответственно прав и законных интересов участников корпорации и самой корпорации.

Следует обратить внимание на еще один вопрос, вызывающий достаточно большое количество споров, – необходимость нотариального удостоверения принятого решения единственным участником ООО или АО. Как отмечает М. Н. Илюшина, достаточно дли-

тельное время существовала практика по отсутствию потребности в совершении данного действия и такие решения единственного участника хозяйственного общества оформлялись в простой форме, без его нотариального удостоверения¹²⁰. Указанный подход разделялся и Федеральной нотариальной палатой (далее ФНП), и Центральным Банком России, и даже сложившейся практикой арбитражных судов.

Однако данная позиция в корне пересмотрена в 2019 году, и мы должны снова вернуться к Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2019, который в пункте 3 устанавливает, что «требование о нотариальном удостоверении, определенное подпунктом 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, распространяется и в отношении решения единственного участника корпорации». Как отмечается в документе, указанная правовая норма направлена на то, чтобы «исключить возможность фальсификации решения, принимаемого высшим органом управления обществом, и ее действие соответственно должно распространяться и на решение единственного участника, поскольку подобному риску они подвержены в одинаковой степени».

Бесспорно, с приведенным обоснованием трудно не согласиться, но следует не забывать о том, что пункты 2 и 3 статьи 67.1 ГК РФ предусматривают и альтернативные способы удостоверения решения как общего собрания, так и единственного участника. И, следовательно, можно удостоверить один раз решение об альтернативном способе подтверждения и больше не прибегать к помощи нотариуса. Из этого можно сделать вывод, что, в принципе, проблема фальсификации подобного рода документов не устранена и ее возможно полностью решить только путем признания нотариального удостоверения единственным способом подтверждения решения, принятого компетентными органами общества.

¹²⁰ Илюшина М. Н. Новеллы законодательства и правоприминительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Нотариус. 2017. № 1. URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 05.03.2020).

Помимо этого, нерешенным остается вопрос, как следует относиться к тем изменениям, которые были введены Верховным Судом Российской Федерации. Ведь в России решение высшего судебного органа не является нормативно-правовым актом, однако можно констатировать, что упомянутый обзор судебной практики фактически сформулировал новую правовую норму. Практикующий адвокат Е. Плехов отметил, что можно выделить четыре способа решения возникшей проблемы¹²¹.

1. Данные выводы Верховного Суда Российской Федерации, указанные в Обзоре судебной практики, не являются законодательными изменениями – Президиум Верховного Суда Российской Федерации просто подробно разъяснил действительное содержание статьи 67.1 ГК РФ в части необходимости обязательного нотариального удостоверения любых решений как общего собрания членов корпораций, так и ее единственного участника;

2. Выводы Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в новом Обзоре судебной практики от 25.12.2019, следует рассматривать как новые положения, которые существенным образом изменяют правовые требования, изложенные в статье 67.1 ГК РФ. Получается, что до этого гражданское законодательство не предусматривало исключения из требований к нотариальному удостоверению всех решений как общих собраний членов хозяйственных обществ, так и ее единственного участника, но теперь данное противоречие Верховным Судом Российской Федерации устранено;

3. Указанные изменения не меняют действующего законодательства, Президиум Верховного Суда Российской Федерации дал более подробное и правильное разъяснение действующих норм, и применяться они должны только к тем решениям корпораций, которые были приняты после 25.12.2019. Указанный вариант видится наиболее предпочтительным выходом из сложившейся ситуации, тем более что сам Верховный Суд Российской Федерации указал,

¹²¹ Плехов Е. Нотариальное удостоверение факта принятия решения единственным участником хозяйственного общества – изменение подхода // Закон.ру. 20.01.2020. URL: <http://www.zakon.ru/document> (дата обращения: 05.03.2020).

«что в целях защиты правовой определенности разъяснения, приведенные в пунктах 2 и 3 Обзора судебной практики от 25.12.2019, подлежат применению только при рассмотрении корпоративных споров об оспаривании решений общих собраний участников (единственного участника), принятых после 25.12.2019¹²². Однако данная выдержка была взята из решения по конкретному делу, а не из самого Обзора, что может вызвать немало разногласий при пересмотре судебных актов судами апелляционной и кассационной инстанций;

4. Указанные в Обзоре изменения законодательства носят разъяснительный уточняющий характер, однако они полностью противоречат нормам ГК РФ и подлежат отмене. Пожалуй, такой взгляд на сложившуюся ситуацию является не совсем правильным и носит дискредитирующий характер, показывающий некомпетентность судебных органов в решении части вопросов. Такой подход чреват осложнениями в виде падения уровня общественного доверия судебной власти, которое в настоящий момент и так является невысоким.

В связи с большим количеством противоречивых моментов, ФНП дала свои разъяснения по поводу применения пунктов 2 и 3 Обзора судебной практики от 25.12.2019 г., которые были изложены в письме от 15.01.2020 № 121/03-16-3¹²³.

Согласно его положениям, решения общего собрания общества, подтверждаемые альтернативным способом, сохраняют свою силу только в случае, если они были приняты до 26.12.2019. После этой даты уже вступают в законную силу требования об их обязательном нотариальном удостоверении. Аналогичным образом следует поступать и в отношении решений единственного участника корпорации. Также в письме отмечается, что при совершении такого действия нотариусу достаточно проверить личность и полномочия лица, подписывающего документ, что полностью схоже с действиями, совершаемыми при свидетельствовании подлинности подписи.

¹²² Определение Верховного Суда РФ от 30.12.2019 № 306-ЭС19-25147 по делу № А72-7041/2018. URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 11.03.2020).

¹²³ Письмо Федеральной нотариальной палаты от 15.01.2020 г. № 121/03-16-3. URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 11.03.2020).

Это достаточно своевременное указание, поскольку в нотариальной практике не было прецедентов, связанных с удостоверением решений единственного участника, и, следовательно, порядок совершения такой процедуры не был регламентирован.

Таким образом, следует отметить, что за последние несколько лет наметилась тенденция активного повышения доли участия нотариусов в регулировании корпоративных правоотношений. Многие опасаются, что это может привести к установлению нотариальной монополии. Но в то же время показателен опыт некоторых европейских государств, где функционируют системы нотариата латинского типа. В рамках которых нотариус обладает достаточно обширными полномочиями в рассматриваемой сфере, и это только содействует большей законности хозяйственной деятельности, осуществляемой организациями.

Относительно существующих опасений насчет того, что расширение нотариальной деятельности в корпоративной сфере обуславливает необоснованные дополнительные временные и денежные затраты, следует признать их несостоятельными, поскольку подобные меры будут лишь снижать количество правонарушений, связанных с нарушениями имущественных прав и интересов корпоративных юридических лиц. И, учитывая сложную экономическую обстановку в России, достаточно сложный исторический путь становления и развития бизнеса, можно сказать, что расширение пределов нотариальных полномочий в сфере регулирования корпоративных правоотношений является необходимой мерой, позволяющей установить публичный контроль за деятельностью хозяйственных обществ, обеспечить законность и легитимность принимаемых в ходе ее функционирования решений.

Правовые механизмы разрешения корпоративного конфликта (дедлока): анализ судебной практики

Чуракова Екатерина Николаевна,
*доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический
университет», кандидат юридических наук*

Ширяева Анастасия Игоревна,
*магистрант института права ФГБОУ ВО «Самарский
государственный экономический университет»*

Изучение такого явления, как дедлок, а также механизмов его эффективного разрешения, имеет особое значение для современного права. Без соответствующего регулирования невозможным представляется нормальное функционирование компаний, в которых каждый из двух участников обладает 50 % долей либо уставными документами регламентируется квалифицированное большинство или единогласие по стратегическим вопросам. Действующее законодательство Российской Федерации не закрепляет непосредственных вариантов разрешения конфликтной ситуации до ее возникновения, однако участники могут самостоятельно устанавливать механизмы урегулирования возможных дедлоков с помощью корпоративного соглашения. В этом случае судебные органы будут занимать более пассивную позицию, чем в ситуации разрешения уже существующего конфликта с помощью механизмов, предусмотренных законодательством. Кроме того, негативные последствия дедлоков сказываются на экономике страны.

Расширение круга отношений, регулируемых гражданским законодательством, привело к тому, что в настоящее время в правовой среде возникают новые виды хозяйственных и экономических отношений, которые должны регулироваться с помощью специальных

механизмов. К ним относятся корпоративные правоотношения, т. е. отношения, которые в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) связаны с участием в корпорациях или управлением ими.

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации долгое время отсутствовала единая концепция понимания того, что представляют собой эти отношения, и это вызывало определенные трудности, как в теоретическом изучении правовой природы корпоративных правоотношений, так и в формировании аспектов их практического регулирования нормами как материального, так и процессуального права. Никакие гражданско-правовые отношения невозможно представить без потенциальной угрозы конфликта, которая может быть разрешена посредством процессуального законодательства. Исключения не составляют корпоративные отношения, поскольку различные цели, стоящие перед каждым участником корпорации, и их индивидуальные интересы не могут не приводить к правовым столкновениям и спорам, что в свою очередь является причинами, порождающими конфликты.

В науке существует по настоящее время спор, связанный с проблемами разграничения понятий «корпоративный спор» и «корпоративный конфликт». Еще до введения в действие специальной главы в АПК РФ, посвященной особенностям разрешения корпоративных споров, В. А. Лаптев высказал свое мнение о том, что термин «корпоративный конфликт» будет рассматриваться в качестве родового понятия по отношению к специальному правовому явлению спора в корпоративной сфере¹²⁴. Но между тем позиция, в которой корпоративный спор определяется как следующая стадия правового конфликта, в корне неверна и искажает суть данного явления, представляя его в форме некоего многоступенчатого процесса. Каждый корпоративный спор является конфликтом, поскольку это одновременно и социальное, и юридическое противоречие. Но далеко не каждый корпоративный конфликт следует при-

¹²⁴ Корпоративные конфликты (споры) : учебно-практическое пособие / Е. Н. Ефименко, В. А. Лаптев. М. : Проспект, 2016.

знать спором, поскольку существенной особенностью последнего выступает обращение за судебной защитой.

В судебной практике арбитражных судов и в нормах Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), в основном используется термин «спор». При этом под корпоративными спорами в практике принято понимать разногласия между участниками корпораций, между ними и органами общества, иными лицами, споры, связанные с созданием, реорганизацией, ликвидацией юридического лица и др. То есть рассматриваемое понятие в большей мере связывает участвующих субъектов процессуальными правоотношениями.

Под корпоративным конфликтом следует понимать острое социально-правовое противоречие (разногласие), возникающие между участниками правоотношений и регулируемое нормами гражданского материального права, который может быть разрешен сторонами и без обращения участвующих сторон в соответствующие инстанции.

В науке принято выделять четыре типа корпоративных конфликтов:

- между корпорацией и ее участниками;
- между участниками корпорации;
- между органами управления и участниками;
- только между органами управления.

Каждый из указанных видов разногласий может быть решен сторонами внутри организации, однако зачастую возникают ситуации, когда без обращения в судебные инстанции преодолеть имеющиеся противоречия бывает крайне сложно, практически невозможно, и одной из таких является дедлок, т. е. конфликт между участниками корпоративных отношений, которые выражаются в невозможности осуществления деятельности юридического лица вследствие несогласия его участников по существенным вопросам управления. Такие серьезные конфликты парализует юридическое лицо и мешают ему функционировать с прежней эффективностью.

Дедлоки характерны для корпораций непубличного типа – обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ. В публичных акционерных обществах такого

рода конфликты возникают значительно реже, что связано с высокой концентрацией капитала, наличием лиц, обладающих контрольным пакетом акций и способных благодаря этому принять окончательное решение.

Целесообразно предусматривать предотвращение корпоративных конфликтов путем определения возможных признаков корпоративного конфликта (дедлока), а также вариантов его разрешения в уставе, внутренних документах или корпоративном соглашении. Изучение иностранной корпоративной практики в сфере разрешения дедлока показывает широкое распространение так называемого корпоративного договора, заключаая который участники корпоративных правоотношений прописывают перечень процедур, необходимых в случае возникновения спорных ситуаций. Среди них следует отметить получившие достаточно широкое распространения способы урегулирования тупиковых конфликтных ситуаций «техасская стрельба», «голландский аукцион», «русская рулетка» и «беседа у комелька».

«Техасская стрельба» подразумевает в случае возникновения спорной конфликтной ситуации направление независимому посреднику запечатанного конверта, скрепленного печатью. В нем должно содержаться предложение той цены, за которую сторона готова выкупить акции или долю участия в обществе своего оппонента. Посредник вскрывает присланные конверты и определяет победителя – им становится лицо, предложившее большую цену за акции или долю. Относительно похожим на указанный ранее способ является «голландский аукцион», только здесь побеждает тот, кто предлагает наименьшую цену.

Наиболее рискованным способом разрешения возникшего конфликта является «русская рулетка». Ее опасность заключается в том, что спор может быть и не разрешен в результате применения данной процедуры, а может даже усугубиться и привести к более серьезным последствиям. Суть заключается в том, что участник направляет другой стороне предложение с выбором и условиями продажи акций или доли. Если сторона согласится, то конфликт можно считать раз-

решенным, а вот в случае отказа от его принятия приходится применять иные, более радикальные меры.

«Беседа у комелька» – самый мягкий метод урегулирования дедлока, в России он получил свое распространение под названием «медиация». Ее целью является недопущение возникновения острых противоречий под угрозой наступления негативных финансовых последствий для стороны-инициатора, которая должна будет или выкупить долю в обществе, или продать свою по той цене, которая будет определена в соглашении.

Отметим, что зарубежная наука располагает несравнимо более широкой, чем российская сторона, практикой решения корпоративных конфликтов. Так, например, Немецкий Закон об ООО 1892 года предусматривал возможность и процедуру ликвидации общества по иску его участника, а один из законов штата Нью-Йорк (Laws of the State of New York Passed at the 99 session of the Legislature. 1876. Chap.442.) допускал судебную ликвидацию в случае дедлока.

Что касается нашей страны, то федеральным законодательством предусмотрены следующие механизмы разрешения корпоративного конфликта (дедлока):

- исключение участника из общества;
- исключение акционера из непубличного АО;
- ликвидация юридического лица судом по иску участника в случае невозможности достижения целей, ради которых оно создавалось.

Данный перечень не является исчерпывающим, существующая судебная практика предлагает и иные способы выхода из дедлока.

Наименее болезненным для юридического лица, по мнению авторов, является принудительная реорганизация по иску участника. На первый взгляд, данный способ максимально эффективен, так как ранее конфликтовавшие участники попадают в разные общества, что автоматически разрешает конфликт и позволяет сохранить прежде существовавшее юридическое лицо. Однако на практике механизм разрешения ситуации дедлока через принудительную реорганизацию используется редко, более того, суды отказывают в удовлетво-

рени исковых требований о принудительной реорганизации из-за конфликта участников, ссылаясь на отсутствие в законодательстве указания на наличие конфликтной ситуации как повода для принудительной реорганизации¹²⁵. Кроме того, при реорганизации по решению суда сложным представляется справедливое распределение активов юридического лица, особенно если деятельность базируется, например, на основании одной лицензии либо одного объекта недвижимости. Данные обстоятельства способны дополнительно снизить степень требуемой согласованности действий участников.

Институт исключения участника из общества является корпоративным способом разрешения дедлока, предусмотренным статьей 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и абз. 4 пункта 1 статьи 67 ГК РФ. Такой метод обеспечивает одновременно разрешение конфликтной ситуации и наказание участника за его виновное поведение. При этом участником должен быть причинен существенный вред обществу, который в свою очередь затруднил его деятельность и достижение целей, либо совершено грубое нарушение обязанностей, предусмотренных учредительными документами и законом. К нарушениям относятся систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, а также совершение действий, противоречащих интересам общества. Предмет доказывания по таким категориям дел состоит в подтверждении факта или грубого нарушения участником своих обязанностей или того, что он существенно затрудняет работу общества. Дедлок разрешается за счет принудительного исключения участника, что позволяет устранить его право вето.

Интересным представляется тот факт, что современная судебная практика не имеет однозначной позиции по определению количественного критерия систематичности уклонения участника

¹²⁵ Решение Арбитражного суда Смоленской области от 31.03.2015 по делу № А62-7403/2014 и постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2015 № 20АП-3500/2015 по делу № А62-7403/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

от участия в общих собраниях: так, некоторые суды полагают, что уклонения от двух собраний недостаточно, в то время как другие усматривают систематичность именно в этом случае.

Судебная практика по вопросу исключения участника в ситуации корпоративного конфликта серьезным образом конкретизирует условия. Так, согласно пункту 8 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019): «Закон не устанавливает ограничений на исключение из общества с ограниченной ответственностью его участника, обладающего более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества», таким образом отменяя принцип неприкосновенности мажоритариев при дедлоке.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» установлено, что иск одного участника об исключении другого не подлежит удовлетворению в случае, когда в отношении лица, которое обращается с требованием также имеются основания для исключения из состава участников. То есть использование данного механизма разрешения дедлока будет невозможным в случае явно выраженного конфликта и злоупотребления правами каждой стороны. Подобным образом судебная практика закрепляет принцип добросовестного поведения сторон в корпоративных отношениях и дополнительно дисциплинирует стороны. Кроме того, судебной практикой определено, что наличие равных долей участников не является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в исковом заявлении. В этом случае суд оценивает последствия действий каждой из сторон, согласно позиции, отраженной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2015 № 305-ЭС15-2706: «Суд должен оценить допущенные каждым участником нарушения, проанализировать возникшие от нарушений неблагоприятные последствия для конкретного ООО и лишь затем разрешить спор по существу». Наиболее детально в рос-

сийской судебной практике разработан метод, когда по искам участников, доли которых составляют не менее 10 % в совокупности, возможно требовать исключения из состава участников лица, которое грубым образом нарушает свои обязанности либо существенно затрудняет и делает невозможной деятельность общества.

Затяжная конфликтная ситуация и неспособность участников к принятию важных для общества решений способны парализовать деятельность юридического лица, и для таких ситуаций предусмотрен еще один способ разрешения дедлока. Этот механизм является наиболее радикальным и представляет собой принудительную ликвидацию общества по исковому заявлению участника в случае невозможности достижения целей, ради которых юридическое лицо создано (подпункт 5 пункта 3 статьи 61 ГК РФ).

Применение данного механизма возможно лишь в исключительных случаях, которыми являются: уклонение участника от принятия решений; невозможность формирования органа управления; длительная конфликтная ситуация, в ходе которой всеми участниками допускались существенные злоупотребления, вызвавшие существенное затруднение деятельности.

Исходя из того, что данный механизм разрешения дедлока имеет серьезные последствия, суд оценивает альтернативные возможности разрешения конфликтной ситуации. Согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 не каждая конфликтная ситуация может являться основанием для удовлетворения иска участника о принудительной ликвидации общества. На основании анализа судебной практики можно делать вывод, что суд удовлетворит иск о принудительной ликвидации только в том случае, когда участниками были исчерпаны другие способы разрешения конфликтной ситуации с неоднократными существенными злоупотреблениями со стороны участников. При этом к другим способам разрешения дедлока принято относить исключение участника, добровольный выход из состава участников, избрание нового лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа. Так, суд анализирует юридическое лицо на

предмет того, ведет ли оно хозяйственную деятельность либо имеет лишь формальные признаки ее ведения. При этом⁹ в случае отсутствия фактической деятельности суд не обязан устанавливать факт того, что истцом и ответчиком были исчерпаны иные способы разрешения дедлока. Безусловным является тот факт, что отсутствие у общества прибыли, активов и единоличного исполнительного органа в большей мере предполагает решение суда о ликвидации, чем статус активного участника гражданского оборота у общества. В тех случаях, когда общество лишь формально относится к действующим и не обладает необходимыми атрибутами существования, суды удовлетворяют требования о принудительной ликвидации¹²⁶.

Однако доказывание представляется достаточно трудным. Показательным в этой связи является дело № А40-113463/2017, по которому суды первой и апелляционной инстанций, отказывая в удовлетворении иска о ликвидации юридического лица в связи с возникшей конфликтной ситуацией, исходили из того, что истцом не доказана невозможность осуществления Обществом дальнейшей деятельности. Кроме того, судами было установлено, что совокупность установленных обстоятельств свидетельствует о намеренном создании истцами ситуации, приводящей Общество к его ликвидации¹²⁷.

По нашему мнению, решение суда о ликвидации юридического лица по иску участника по причине конфликтной ситуации (дедлока) является радикальным методом и несет в себе массу неоднозначных последствий: падение деловой репутации, высвобождение персонала, потери контрагентов и клиентов и др. Возможным выходом из дедлока мог бы стать закрепленный в законодательстве механизм, позволяющий одному из конфликтующих участников обращаться в суд с иском о принудительном выкупе доли другого.

¹²⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.12.2016 № Ф04-5912/2016 по делу № А45-7338/2016. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

¹²⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2018 по делу № А40-113463/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

Проблемы правового регулирования трансграничного банкротства в России

*Губайдуллина Эльмира Хамитовна,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический
университет», кандидат юридических наук*

Правовой институт несостоятельности (банкротства) является ровесником торговли, обязательным элементом рыночных отношений и конденсатом экономического развития общества, поскольку главной целью правового регулирования банкротства является защита прав и законных интересов кредиторов несостоятельного должника¹²⁸.

В названных обстоятельствах защита имущественных интересов участников трансграничных банкротных процедур на сегодняшний день особо актуальна. Ускоренное развитие внешнеэкономических отношений обязует мировое сообщество создавать унифицированные нормы, направленные на защиту интересов вышеуказанных лиц. Законодатели разных стран, понимая острую необходимость защиты участников трансграничных банкротных процедур, создают в пределах своей компетенции правила и концепции, направленные на обеспечение правильного правового порядка процедуры банкротства, осложненной иностранным элементом.

Исходя из анализа юридической литературы, в отсутствие достаточного законодательного закрепления понятия, можно сделать вывод, что банкротство признается осложненным иностранным элементом в случаях, когда:

- присутствует иностранный кредитор в российском деле о банкротстве;

¹²⁸ Ланг П. П. Понятие трансграничной несостоятельности в международном частном праве // Актуальные проблемы международного частного права. Материалы международной научно-практической конференции. Челябинск, 13 декабря 2013 г. М. : Изд-во СГУ, 2014. С. 115.

- активы должника находятся на территории двух или более государств;
- в случае содействия одного государства другому в связи с производством по делу о банкротстве на территории последнего;
- в случае параллельного производства по делу в различных государствах в отношении одного и того же должника.

Таким образом, трансграничное банкротство определяется в юридической связи между правопорядком двух или более государств: в случае признания должника несостоятельным и при наличии иностранных кредиторов, имущества за рубежом, объективных предпосылок к объявлению должника несостоятельным в двух и более государствах – речь идет о необходимости регулирования указанных правоотношений средствами международного частного права. В сферу регулирования международного частного права входят все нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения, связанные с трансграничной несостоятельностью, поскольку определяющее значение имеет предмет регулирования, то есть характер самих отношений.

В международном частном праве есть два способа регулирования отношений, которые осложнены иностранным элементом. Материально-правовой метод регулирования отношений, связанный с трансграничным банкротством, означает непосредственное применение материальной нормы без обращения к коллизионной привязке. Однако применение таких норм возможно только при условии существования источников таких норм, унифицированных путем заключения международного договора¹²⁹.

С помощью второго, коллизионного метода регулирования трансграничной несостоятельности, можно определить право, которое будет применяться при рассмотрении дела о банкротстве, осложненного иностранным элементом, указывая на суд государства – место, где спор будет рассмотрен. Именно коллизионная

¹²⁹ Мохова Е. В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7970>. (дата обращения: 16.03.2020).

привязка может подчинить производство по делу о трансграничной несостоятельности законодательству государства, открывшего такое производство.

В силу преимущественного применения коллизионного метода регулирования трансграничной несостоятельности перед унифицированными материально-правовыми нормами отсутствует единообразие при решении конфликтных ситуаций и конечный результат производства по делу о трансграничной несостоятельности зависит от того, в суде какого государства рассматривается спор.

На международном уровне не раз были предприняты попытки создания документа, регулирующего трансграничное банкротство, к примеру, Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза о процедурах банкротства¹³⁰. Однако все принятые документы имеют в основном региональное действие и не раскрывают случаи трансграничной несостоятельности, место открытия и права, применимого к производству по делам о трансграничной несостоятельности.

Если говорить о Российской Федерации, то за последнее десятилетие в нормативных актах так и не была освещена тема трансграничного характера правоотношений кредиторов и должника при несостоятельности последнего. Законопроект о трансграничной несостоятельности¹³¹, подготовленный Минэкономразвития России, так и не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу, его дальнейшее обсуждение было приостановлено. Как предполагает Е. В. Мохова, причиной тому могла служить спорность ряда механизмов регулирования вопросов трансграничного банкротства и их малоизученность в российской доктрине, а также некоторые опасения, связанные с изменением статуса имущества иностран-

¹³⁰ О процедурах банкротства (новая редакция): Регламент N 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 25.06.2015. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=58968#04005060661106148>. (дата обращения: 16.03.2020).

¹³¹ Проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.09.2011) // СПС «Консультант Плюс».

ных инвесторов, который неизбежно произойдет при принятии закона¹³².

Таким образом, в России на сегодняшний день отсутствует системное и развернутое законодательное регулирование трансграничного банкротства. Основным законом в Российской Федерации, регулирующим процедуру банкротства, является Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). В данном законе содержится лишь несколько норм, касающихся трансграничного банкротства, которые полностью не раскрывают процесс правового регулирования исследуемой процедуры. Так, пункт 6 статьи 1 устанавливает, что решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации, в случае отсутствия последнего признаются на началах взаимности, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Такого рода нормы содержатся и в законодательстве ряда других стран, например, на территории Германии возможно признание иностранных решений, вынесенных по делам о трансграничном банкротстве. Данная процедура регулируется Положением о несостоятельности от 05.10.1994¹³³. Согласно статье 509 Гражданского процессуального кодекса Франции иностранные решения, включая решения о банкротстве, могут быть исполнены после получения экзекватуры от французского суда в отношении активов должника¹³⁴. Иностранное решение в Англии также может быть исполнено по статутному или общему праву. Одним из примеров статутного права можно назвать Акт об иностранных судебных решениях (о взаимном

¹³² Мохова Е. В. Указ. соч.

¹³³ Положение о несостоятельности Германии от 05.10.1994. URL: <https://www.gesetze-internet.de/inso/InsO.pdf>. (дата обращения: 11.03.2020).

¹³⁴ Гражданский процессуальный кодекс Франции от 20.12.2007 (по состоянию на 01.01.2020). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070716>. (дата обращения: 15.03.2020).

исполнении) 1933 г. В тех случаях, когда указанные законы не применяются, действуют принципы общего права¹³⁵. Однако касательно России при применении данной нормы права возникает проблема в том, что на сегодняшний день Россия не состоит в качестве участника ни в одном международном договоре (соглашении) по вопросам банкротства.

При регулировании трансграничного банкротства в российском правоприменении компетентное лицо сталкивается с несколькими вопросами:

- вопрос присутствия иностранного элемента в российском деле о банкротстве;
- вопрос рассмотрения в российских судах дел, связанных так или иначе с зарубежным банкротством.

Для решения данных вопросов действующего законодательного регулирования недостаточно, именно поэтому суды восполняют пробелы и создают правовые конструкции, которые уже были использованы на мировом уровне.

Благодаря принятым документам, регулирующим процедуру трансграничного банкротства, на мировом уровне, в частности в Европейском Союзе, был разработан механизм регулирования данной несостоятельности. Согласно Регламенту ЕС 2015/848 данный механизм предполагает такие производства, как основное и вторичное. При основном государства договариваются, что возбуждается основное производство по делу, имеющее экстерриториальный эффект, оно распространяется на всех кредиторов и все активы. При вторичном производстве место возбуждения производства ограничивается пределами государства и действует только на местные активы.

Основное производство признается во всех государствах за исключением тех, где было возбуждено вторичное. Соответственно критерии для возбуждения основного и вторичного производства разные.

¹³⁵ Англия и Уэльс: исполнение иностранных судебных решений. URL: <https://iclg.com/practice-areas/enforcement-of-foreign-judgments-laws-and-regulations/england-and-wales>. (дата обращения: 15.03.2020)

В России нет деления на основное производство и вторичное, что вызывает явные проблемы правового регулирования. В случае, когда иностранное производство претендует на признание, нет возможности определить основное это было производство или вторичное.

Еще один механизм регулирования трансграничного банкротства можно выявить благодаря Типовому закону ЮНСИТРАЛ¹³⁶. Таким механизмом является судебное содействие при признании иностранного производства. В этом случае суд при признании трансграничного банкротства может: приостановить производство исполнительных действий касательно активов должника; поручить исполнительные действия иностранному арбитражному управленческому; приостановить возбуждение и продолжение производств индивидуальных исков относительно активов должника, его прав или обязанностей.

В связи с вышеизложенным, мы можем сделать вывод о том, что с каждым днем все более актуальной становится тема данного исследования: при значительном росте практики относительно трансграничного банкротства ощущаются пробелы в правовом регулировании. Усовершенствование действующего законодательства, создание новых правовых актов, признание действия механизма правового регулирования трансграничного банкротства, существующих в зарубежных странах, – все это восполнит пробелы и облегчит работу при правовом регулировании такой сложной процедуры, как трансграничная несостоятельность.

¹³⁶ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности от 30.05.1997. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency. (дата обращения: 16.03.2020).

Делопроизводство и документооборот в арбитражных судах: прошлое и настоящее

*Руднева Юлия Викторовна,
старший преподаватель кафедры гражданского
и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Самарский
государственный экономический университет»*

5 марта 1992 года был принят первый Арбитражно-процессуальный кодекс РФ (АПК РФ). Кодекс был введен в действие 15 апреля 1992 года. Фактически принятие АПК РФ положило начало деятельности Высшего Арбитражного Суда РСФСР и всей отечественной арбитражной судебной системы.

Федеральным конституционным законом от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» с 1 июля 1995 года были определены основные задачи, полномочия, состав и структура современной системы арбитражных судов в Российской Федерации. Становление современной системы арбитражных судов вызвало необходимость регламентации их деятельности, и постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июня 1996 г. № 7 был утвержден Регламент арбитражных судов (далее – Регламент).

Основой Регламента послужили Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – Кодекс), Федеральный закон «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» и другие федеральные законы и нормативные правовые акты, относящиеся к деятельности арбитражных судов.

Регламентом регулировались вопросы внутренней деятельности арбитражных судов Российской Федерации и взаимодействия между ними, а также их взаимоотношения с Конституционным Судом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации, Федеральной службой судебных приставов, органами судебско-го сообщества.

Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации, утвержденная приказом от 25 марта 2004 г. № 27 Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, регулировала общие положения организации и ведения делопроизводства в арбитражных судах. Данная инструкция была разработана в целях совершенствования организационного обеспечения судебной деятельности в условиях нового законодательства об арбитражных судах и арбитражном судопроизводстве.

Судебное делопроизводство является особым видом профессиональной юридической деятельности, призванной обеспечить условия для полного и независимого осуществления правосудия. Имея ведомственный характер, оно обеспечивает судопроизводство и вместе с тем органично входит в общероссийскую систему документирования¹³⁷.

Под термином «делопроизводство» понимают все перечисленные этапы работы с документацией. Делопроизводство в современной России регулируют законодательные акты, система стандартов по информации, издательскому и библиотечному делу.

Общеустановленные нормативы и методики, которые регулируют процесс делопроизводства, позволяют решить следующие задачи: определить и установить требования к содержанию конкретных видов документов: приказам, актам, письмам, служебным запискам, установить общие требования к формулярам и оформлению разных видов документов, обеспечивающие их единообразие и юридическую значимость, установить единые технологии, которые будут использовать на всех этапах – от создания документа до организации его хранения или утилизации, автоматизировать и оптимизировать процессы работы с документами, упростить их поиск и контроль над их исполнением.

Изменения в законодательной и нормативно-правовой базе, которые произошли за последнее время, обусловлены, в первую

¹³⁷ Организация судебной деятельности : учебник / В. А. Бобринев, О. Н. Диордиева, Г. Т. Ермошин и др.; под ред. В. В. Ершова. М. : Российский государственный университет правосудия, 2016. 390 с.

очередь, совершенствованием и стремительным развитием цифровых технологий, возможностью цифрового обмена информацией, появлением автоматизированных систем электронного документооборота, систем управления базами данных, развитием облачных и интернет-технологий, новыми способами обмена информационными потоками.

Глобальные изменения, вызванные повсеместным внедрением в нашу жизнь цифровых технологий, стремительно замещают привычные нам письменные бумажные документы документами электронными. Происходящие в мире процессы цифровизации приводят к появлению абсолютно новых понятий, норм и правил. Традиционный бумажный документооборот заменяется документооборотом электронным.

Можно много говорить о достоинствах и недостатках электронного документа, но нельзя не признать неизбежность его тотального внедрения во все сферы общественных отношений¹³⁸.

Преимущества электронного документооборота уже никем не оспариваются.

Это, во-первых, безопасность и надежность, обеспеченные должным уровнем технического и правового регулирования.

Во-вторых, возможность снизить издержки. Так, с 1 января 2019 г. статья 333.35 Налогового кодекса Российской Федерации представляет право не уплачивать государственную пошлину, если в налоговый орган документы, необходимые для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, направлены в форме электронных документов. При этом обязательным условием является наличие у юридического лица или индивидуального предпринимателя усиленной ЭЦП.

В-третьих, повышение эффективности и продуктивности. Электронный документооборот способствует существенному ускорению времени подачи документов в суд и иные государственные органы.

¹³⁸ Делопроизводство и документооборот в юриспруденции : учебник / П. П. Ланг, Ю. В. Руднева, А. В. Фадеев, Т. В. Чугорова; под общ. ред. П. П. Ланга. Самара : ИП Зуев Сергей Анатольевич, 2020. 300 с.

Электронный документооборот позволяет представлять информацию в цифровой форме, что значительно ускоряет процесс передачи информации и возможность ее упорядочивания.

Деятельность судов неизбежно сопровождается работой с документами, которые отражают и фиксируют в письменной форме различные аспекты работы этих судов. Качество документов и процессы работы с ними прямо влияют на уровень обеспечения правосудия. Строгая упорядоченность документационных процессов является одним из важнейших условий организации труда работников судов. Его эффективность непосредственно зависит от того, насколько рационально ведется работа с документами, как организованы их составление, движение, обработка и хранение¹³⁹.

Современные информационные технологии в системе арбитражных судов стали активно внедряться в 2009 году

«Электронное правосудие» подразумевает использование в судопроизводстве арбитражными судами современных информационных технологий, которые позволяют, например, подавать иски в электронном виде, получать доступ к судебным актам, рассылать участникам процесса уведомления через Интернет или посредством SMS-сообщений, рассматривать дела в онлайн-режиме и др.

Впервые электронное правосудие получило закрепление на законодательном уровне в 2010 году, когда был принят Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», на основании которого заработали первые интерактивные сервисы, создающие полноценный обмен информацией в электронном виде между заявителем и судом.

Сначала это была система подачи жалоб на действия судей и работников аппарата суда, а также система подачи заявлений о пе-

¹³⁹ Чекмарёва П. А. Организация документирования и делопроизводства процессов управления институциональными изменениями // Вестник КГУ. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-dokumentirovaniya-i-deloproizvodstva-protsessov-upravleniya-institutsionalnymi-izmeneniyami> (дата обращения: 13.03.2020).

рестроировании судебных актов в порядке надзора через сайт Высшего Арбитражного Суда. Высший Арбитражный Суд опробовал систему на себе, проработал все трудности, связанные с особенностями перехода к электронным судебным процедурам, и, впоследствии, распространил данный подход сначала на кассационные, а затем и на апелляционные суды. В 2011 году электронное правосудие заработало и для судов первой инстанции.

Одним из важных «электронных» событий арбитражной судебной системы стал запуск единого интернет-портала арбитражных судов.

Концепция электронного правосудия в юридической литературе обсуждалась достаточно активно¹⁴⁰. Электронное правосудие, с точки зрения арбитражного процесса, рассматривается как возможность суда и иных участников арбитражного процесса осуществлять предусмотренные Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ) действия, непосредственно влияющие на начало и ход арбитражного процесса (например, такие действия, как подача искового заявления посредством заполнения специальной электронной формы на сайте суда, участие в судебном заседании посредством системы видеоконференц-связи)¹⁴¹.

Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ не только предоставил возможность подачи в арбитражный суд документов в электронной форме, но и изменил систему судебных извещений и предусмотрел возможность ведения дела с применением видеоконференцсвязи.

В 2013 году арбитражная система России стала первой в мире по уровню раскрытия информации о деятельности судов. В значительной степени этому способствовала автоматизация судопроизводства и сопутствующий этому переход делопроизводства на электронную платформу. Цементирующей основой изменений стала принятая Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

¹⁴⁰ Булгакова Е. В. Электронное правосудие // Российский судья. 2013. № 7. С. 14–17.

¹⁴¹ Романенкова С. В. Становление и развитие электронного правосудия в Российской Федерации // Российское правосудие. 2013. № 10. С. 68.

Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах, в которой появился ряд новелл, важных для всех сторон судебного процесса.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации приложил немало усилий к тому, чтобы электронное правосудие стало как можно доступнее для всех граждан страны. На этом пути ему пришлось решать не только внутренние задачи, но и расплести клубок социальных проблем, главной из которых стала проблема цифрового неравенства, то есть разной доступности цифровых технологий в различных регионах и социальных группах.

Благодаря постановлению «Об утверждении инструкции по делопроизводству в арбитражных судах РФ (первой, апелляционной, кассационной инстанций)», принятому 25 декабря 2013 года Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, арбитражные суды получили долгожданный документ, который закрепил существовавшую практику и представил некоторые процессуальные новеллы. Документ определяет как общие нормы делопроизводства, так и специальные правила, классифицированные в зависимости от судебных инстанций (арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, а также специализированного Суда по интеллектуальным правам).

Со времени создания современной системы арбитражных судов произошли значительные изменения, как в отечественном судостроительстве, так и в процессуальном законодательстве.

К особенно важным, безусловно, относятся принятие ряда поправок в отечественное законодательство, связанное с объединением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Вступившие в силу в 2014 году изменения российского законодательства носили как общий характер, затрагивающий исключения тех или иных упоминаний о Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации и закреплении всех его полномочий за Верховным Судом Российской Федерации, так и характер финансовый, организационный и административный. Реформа коснулась внесения целого перечня существенных поправок в АПК РФ. На законодательном и конституционном уровне была

полностью реализована идея ликвидации Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в качестве высшей судебной инстанции. Также была реализована идея о создании нового единого высшего судебного органа, которым стал Верховный Суд Российской Федерации¹⁴².

Изменения коснулись и ряда других вопросов.

Новый порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде установлен 28 декабря 2016 года приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации № 252¹⁴³. Для того чтобы воспользоваться данной возможностью, необходимо получить аккаунт на сайте государственных услуг, зайти в учетную запись в системе «Мой арбитраж», получить усиленную электронную подпись.

С 1 января 2017 года вступили в силу изменения, введенные Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ, которые затронули порядок подачи электронных документов в арбитражные суды. Закон позволил подавать исковое заявление (заявление), содержащее ходатайство об обеспечении иска; заявление об обеспечении имущественных интересов; ходатайство о приостановлении исполнения судебных актов, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда и скрепив их усиленной квалифицированной электронной подписью. Кроме того, в суд возможно представлять письменные доказательства в виде электронного документа, подписанного электронной подписью, участники процесса могут получать судебные решения, определения, судебный приказ и иные

¹⁴² Круглов В. В. Современная система арбитражных судов в Российской Федерации // Право: современные тенденции : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар : Новация, 2017. С. 44–49. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/225/11669/> (дата обращения: 13.03.2020).

¹⁴³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа» (вместе с «Порядком подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа») // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71478932/> (дата обращения: 16.01.2017).

документы (за исключением судебных актов, содержащих сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, если дело рассмотрено в закрытом судебном заседании), в электронном виде, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью.

Регламент арбитражных судов, утвержденный еще постановлением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, продолжает действовать до принятия Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации соответствующих решений по организации работы арбитражных судов в Российской Федерации и их утверждения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Продолжает действовать и Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденная постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 100.

В связи с необходимостью приведения в соответствие со структурой судебной системы всей правовой основы, регламентирующей деятельность арбитражных судов, разработан проект новой Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации.

Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (далее – Инструкция) разработана на основании Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы делопроизводства и судопроизводства, приказов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также в соответствии с Государственной системой документационного обеспечения управления (ГСДОУ), Национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.97-2016 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов» (далее –

ГОСТ Р 7.0.97-2016), указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, приказами Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и нормативно-методическими документами Федеральной архивной службы России.

Инструкция устанавливает единую систему организации делопроизводства, порядок работы с процессуальными и иными документами, единые правила организации приема, регистрации, учета документов, их подготовки и оформления, рассмотрения, отправки и выдачи, печати и тиражирования, текущего хранения и передачи на хранение в архив, а также осуществления контроля за соблюдением установленных правил делопроизводства всеми структурными подразделениями арбитражных судов.

Инструкция разработана в целях соблюдения и совершенствования документационного обеспечения деятельности федеральных арбитражных судов и повышения его эффективности путем унификации, а также применения систем автоматизации судопроизводства и делопроизводства.

В состав понятия «делопроизводство в арбитражном суде» входят все этапы прохождения документов как судебных, так и организационных с момента их поступления (создания) до момента передачи на постоянное хранение или уничтожение в установленном порядке.

Согласно Инструкции, организация документооборота и делопроизводства в суде представляет собой единую систему документационного обеспечения деятельности суда, предназначенную для работы с процессуальными и иными документами, в том числе созданными в процессе судопроизводства.

Несмотря на необходимость разработки данной Инструкции, нельзя не отметить некоторые ее недостатки.

Так, значительное место в Инструкции уделяется терминологии, определяются такие понятия, как электронный документ; электронный образ документа; электронная подпись; усиленная квалифицированная электронная подпись; документооборот; электронный

документооборот; внутриведомственный электронный документооборот; сканирование документа; процессуальные и непроцессуальные документы. В Инструкции подробно разъясняются множество понятий, определение которых уже содержится в различных нормативно-правовых актах, государственных стандартах.

Излишне подробной, фактически дублирующей АПК РФ, видится и регламентация процессуальных действий, совершаемых судом. Так, например, в Инструкции указано: «Арбитражный суд к началу судебного заседания, совершения отдельного процессуального действия должен располагать сведениями о получении лицом, участвующим в деле, иным участником арбитражного процесса копии первого судебного акта по делу либо иными сведениями, указанными в части 4 статьи 123 АПК РФ».

Первым судебным актом для лица, участвующего в деле, является определение о принятии искового заявления (заявления) к производству и возбуждении производства по делу (часть 6 статьи 121 АПК РФ); для лица, вступившего в дело позднее, – определение об удовлетворении ходатайства о вступлении в дело, определение о привлечении к участию в деле; для лица, не участвовавшего в деле в качестве третьего лица, но обжаловавшего принятый о его правах и обязанностях судебный акт (статья 42 АПК РФ), – определение о принятии апелляционной (кассационной) жалобы».

Дублирование в Инструкции по делопроизводству понятий, содержание которых дано в иных актах, а тем более перенос в Инструкцию норм процессуального права, кажется абсолютно излишним, загромаждающим и усложняющим столь важный и необходимый документ.

Несмотря на огромный путь, проделанный Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации для создания современной системы делопроизводства, полный отказ от бумажного документооборота, являющийся приоритетной задачей арбитражной системы, откладывается на будущее. Поскольку проблема цифрового неравенства сохраняется, каждый гражданин имеет право выбрать, каким способом взаимодействовать с арбитражными судами – бумажным

или электронным. В обоих случаях он может быть уверен в том, что его обращение, заявление, ходатайство или жалоба будут иметь статус полноценного юридического документа.

Цифровизация права требует выработки допустимых рамок использования цифровых технологий, с тем чтобы их применение не создавало препятствий в доступе к правосудию.

РАЗДЕЛ 3. ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Обобщение судебной практики рассмотрения Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом споров, возникающих из договоров энергоснабжения

В соответствии с планом работы Одиннадцатого арбитражно-апелляционного суда на второе полугодие 2019 года проведено обобщение судебной практики рассмотрения споров, возникающих из договоров энергоснабжения за период с января 2018 года по октябрь 2019 года.

За указанный период Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд рассмотрел 2047 дел по указанным спорам, что составило 6,7 % от общего количества рассмотренных дел.

По результатам рассмотрения апелляционных жалоб 1867 решений, принятых судом первой инстанции, апелляционным судом было оставлено без изменения; 180 решений отменено. Процент отмененных и измененных решений составляет 8,8 % от общего количества рассмотренных апелляционным судом дел данной категории споров.

В кассационном порядке обжалованы постановления апелляционной инстанций по 620 делам данной категории споров, что составило 30,3 % от общего количества рассмотренных апелляционным судом дел по указанной категории споров. Судом кассационной инстанции было отменено (изменено) 106 постановлений апелляционного суда: в том числе 103 – Арбитражным судом Поволжского округа, 3 – Верховным Судом Российской Федерации.

Процент отмененных и измененных судебных актов за указанный выше период составляет 5,2 % от общего количества рассмотренных апелляционным судом дел данной категории споров (17,1 % от обжалованных в кассационной инстанции).

При этом доля отмененных и измененных судебных актов Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда в области энергоснабжения составляет 0,5 % от рассмотренных дел гражданской коллегией (1,4 % от обжалованных в кассационной инстанции) и 0,3 % от общего количества рассмотренных дел судом (0,9 % от обжалованных в кассационной инстанции).

При рассмотрении указанных споров арбитражные суды руководствуются Конституцией РФ, Гражданским кодексом РФ, Жилищным кодексом РФ, Федеральным законом от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», Федеральным законом от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Федеральным законом от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении», а также иными федеральными законами и подзаконными нормативными актами.

Далее приведены выработанные правовые позиции по отдельным вопросам, возникшим при рассмотрении дел данной категории.

1. Обращение с иском о признании недействительным уведомления об ограничении режима потребления электрической энергии является надлежащим способом защиты.

В рамках дела № А55-9439/2018 общество обратилось в Арбитражный суд Самарской области к публичному акционерному обществу энергетики и электрификации «Самараэнерго» среди прочего с требованием о признании незаконным уведомления от 26.02.2018 № 2386/14/Дзю об ограничении режима потребления электрической энергии согласно актам о неучтенном потреблении электроэнергии от 26.01.2018 № 265 и 266.

Судом первой инстанции в указанной части исковое заявление оставлено без удовлетворения по причине того, что истцом избран ненадлежащий способ защиты. Суд апелляционной инстанции данный вывод поддержал.

По мнению судов, сам по себе факт направления уведомления истца о возможности ограничения режима потребления электроэнергии не повлек нарушения прав истца.

В итоге суды пришли к выводу о том, что истцом выбран ненадлежащий способ защиты нарушенного права, поскольку признание незаконным уведомления об ограничении режима потребления энергии без предъявления соответствующего материально-правового требования, согласующегося со способами защиты, установленными статьей 12 ГК РФ, является неправомерным. При этом суды первой и апелляционной инстанций указали, что истец не лишен права на судебную защиту, поскольку вправе предъявлять свои возражения в случае обращения ответчика с иском о взыскании стоимости безучетного потребления электрической энергии на основании актов о безучетном потреблении электроэнергии.

Арбитражный суд Поволжского округа, руководствуясь выводами, содержащимися в определении Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2019 № 306-ЭС18-20653, высказанную позицию судов первой и апелляционной инстанций посчитал ошибочной и в указанной части направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции постановлением от 16.05.2019.

При этом окружной суд указал на следующие обстоятельства.

Подпунктом «б» пункта 2 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 04.05.2012 № 442 (далее – Правила) предусмотрено, что ограничение режима потребления электрической энергии вводится, в частности, в связи с нарушением потребителем своих обязательств, выразившемся в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по оплате электрической энергии (мощности).

В силу подпункта «а» пункта 4 Правил гарантирующий поставщик наделен правом выступать инициатором мероприятий по введению ограничения режима потребления электроэнергии при нарушении потребителем своих обязательств по оплате ее стоимости.

Согласно пункту 6 Правил в отношении энергопринимающих устройств и (или) объектов электроэнергетики потребителя, не имеющего в отношении этих устройств и (или) объектов акта согласования технологической и (или) аварийной брони и не относящегося к потребителям, ограничение режима потребления электрической энергии которых может привести к экономическим, экологическим или социальным последствиям, вводится полное ограничение режима потребления не ранее чем по истечении 10 дней после дня уведомления указанного потребителя о введении полного ограничения режима потребления.

Из пункта 10 Правил следует, что в целях введения ограничения режима потребления инициатор введения ограничения обязан направить потребителю уведомление о введении ограничения режима потребления, а также уведомление исполнителю (в данном случае сетевой организации), обеспечивающее исполнение введения ограничения.

Исполнитель (субисполнитель) обязан ввести полное ограничение режима потребления со своих объектов электросетевого хозяйства (пункт 6 Правил).

Таким образом, направление уведомления об ограничении является обязательным этапом введения ограничения режима потребления электрической энергии, за которым для потребителя возникают неблагоприятные последствия. При этом отказ потребителя от признания задолженности, указанной в уведомлении об ограничении, не является препятствием для введения ограничения режима потребления (пункт 18 Правил).

Отказывая истцу в удовлетворении заявленных требований в рассматриваемой части лишь по основанию неверного выбора им способа защиты права, суды не учли, что предусмотренный абзацем третьим статьи 12 ГК РФ способ защиты права путем пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, носит превентивный характер, направлен на исключение угрозы материальному праву истца, предупреждение вредных последствий таких действий.

Кроме того, из пояснений истца, не опровергнутого ответчиком, следует, что направление обществом уведомлений об ограничении приобрело системный характер. Ответчик, не реализуя право на обращение в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности или с иным иском, рассмотрение которого внесет определенность в правоотношения сторон по расчетам, использует несудебную процедуру с целью понудить истца произвести оплату денежных сумм.

Уплата гарантирующему поставщику требуемой им суммы при несогласии потребителя с наличием задолженности не лишает последнего права на судебную проверку законности действий по направлению уведомления об ограничении и самого уведомления.

При таких обстоятельствах выбранный истцом способ защиты является надлежащим, соотносится с правом истца самостоятельно определить наиболее эффективный способ защиты права из предусмотренных законодательством способов.

Ссылка гарантирующего поставщика на недопустимость рассмотрения настоящего спора по правилам главы 24 АПК РФ отклоняется, поскольку заявленные в настоящем деле требования вытекают из статьи 12 ГК РФ и подлежат рассмотрению в общем исковом производстве.

2. Требование об обязанности произвести перерасчет платы за потребленную электроэнергию само по себе не является надлежащим способом защиты.

В рамках упомянутого выше дела № А55-9439/2018 общество обратилось в Арбитражный суд Самарской области к публичному акционерному обществу энергетики и электрификации «Самара-энерго» также с требованием об обязанности произвести перерасчет платы за потребленную электроэнергию.

В указанной части судом первой инстанции заявленное требование оставлено без удовлетворения в связи с тем, что истцом избран ненадлежащий способ защиты.

Суды апелляционной и кассационной инстанций позицию суда первой инстанции поддержали, сославшись на следующие обстоятельства.

Выставленные истцу для оплаты счета-фактуры с указанием объема и стоимости потребленной в определенный период времени электрической энергии по своей правовой природе не являются исполнительными документами, по которым взыскание производится в бесспорном порядке, в связи с чем истец вправе согласно статьям 309, 310, 544 ГК РФ оплатить сумму, которую находит обоснованной в соответствии с собственным расчетом, а в случае если им уже произведена оплата по счету гарантирующего поставщика, который истец находит неверным (завышенным), предъявить требование о возврате неосновательного обогащения.

Обстоятельства, сложившиеся в рамках договорных отношений по электроснабжению истца, касающиеся правомерности начисления платы по предъявленному счету, также должны оцениваться судом при рассмотрении материально-правового искового требования, если оно будет предъявлено.

В связи с изложенным избранный истцом способ защиты является преждевременным, направленным на исключение возможности удовлетворения иска ответчика о взыскании того размера задолженности, который он считает обоснованным.

Как указано выше, обстоятельства, сложившиеся в рамках договорных правоотношений, подлежат оценке и проверке арбитражным судом при рассмотрении материально-правового требования. Самостоятельное предъявление требования об обязанности произвести перерасчет количества безучетного потребления электроэнергии без предъявления материально-правового требования, согласующегося со способами защиты права, установленными статьей 12 ГК РФ, недопустимо.

3. Количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения, независимо от показаний коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного дома.

В рамках дела № А72-4096/2016 судом рассмотрено исковое заявление Ульяновского муниципального унитарного предприятия «Городской теплосервис» о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «Строительно-монтажное управление» 2 824 025 руб. 41 коп. задолженности по оплате тепловой энергии за период с марта по декабрь 2015 года, 280 455 руб. 25 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 20.02.2015 по 22.11.2016, а также процентов за пользование чужими денежными средствами с 23.11.2016 по день фактической оплаты основного долга.

Решением Арбитражного суда Ульяновской области от 15.12.2016, оставленным без изменения постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.03.2017 и постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 22.06.2017, исковые требования удовлетворены.

Материалами дела подтверждается и сторонами не оспаривается, что с января по декабрь 2015 года предприятие осуществляло поставку горячей воды в многоквартирные дома, находящиеся в управлении общества.

Неполная оплата обществом счетов-фактур предприятия послужила основанием для обращения последнего в арбитражный суд с настоящим иском.

Расчет стоимости потребленной горячей воды в домах, оборудованных общедомовыми приборами учета, производился предприятием на основании показаний общедомовых приборов учета об объеме горячей воды и объеме тепловой энергии, а также двухкомпонентного тарифа, установленного приказом министерства от 16.12.2014 № 06-880 в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Закон о водоснабжении) и Основами ценообразования в сфере водоснабжения и водоотведения, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 13.05.2013 № 406.

Суды первой и апелляционной инстанций, удовлетворяя требования предприятия, руководствовались положениями статей 395, 438, 539, 541, 544, 548 Гражданского кодекса Российской Федерации,

Жилищным Кодексом Российской Федерации, Законом о водоснабжении, Федеральным законом от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральным законом от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении», Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 06.05.2011 № 354, и исходили из того, что законодательством отдается приоритет учетному способу определения объема поставленных энергоресурсов, основанному на их измерении приборами учета. Расчетные способы допускаются как исключение из общего правила при отсутствии в точках учета приборов учета, неисправности приборов учета, при нарушении сроков представления показаний приборов учета.

В этой связи суды признали правильным расчет предприятия, основанный на показаниях общедомовых приборов учета, позволяющих определять стоимость горячего водоснабжения исходя из двух компонентов.

Указанный вывод признан ошибочным Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (определение от 02.04.2018 №306-ЭС17-15156), исходя из следующего.

В случае, когда подача абоненту через присоединенную сеть тепловой энергии и горячей воды осуществляется в целях оказания соответствующих коммунальных услуг гражданам, проживающим в многоквартирном доме, эти отношения подпадают под действие жилищного законодательства (подпункт 10 пункта 1 статьи 4 Жилищного кодекса Российской Федерации). В этом случае в силу прямого указания пункта 1 статьи 4 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» законы и иные нормативные правовые акты применяются постольку, поскольку они не противоречат Жилищному кодексу Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 1 статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации размер платы за коммунальные услуги рассчитывается исходя из объема потребляемых коммунальных услуг, определяемого по показаниям приборов учета, а при их отсутствии исходя из нормативов потребления коммунальных услуг, утверждаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Правила предоставления, приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах, а также правила, обязательные при заключении управляющей организацией или товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом договоров с ресурсоснабжающими организациями, устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Условия договоров о приобретении коммунальных ресурсов в целях использования таких ресурсов для предоставления коммунальных услуг потребителям, заключаемых управляющей организацией, товариществом или кооперативом с ресурсоснабжающей организацией, определяются с учетом названных Правил и иных нормативных правовых актов Российской Федерации (пункт 13 Правил № 354).

Приведенные законоположения в их системном истолковании в судебной практике рассматриваются как исключаящие возложение на управляющую организацию – исполнителя коммунальных услуг в отношениях с ресурсоснабжающими организациями обязанностей по оплате коммунальных ресурсов в большем объеме, чем аналогичные коммунальные ресурсы подлежали бы оплате в случае получения гражданами – пользователями коммунальных услуг указанных ресурсов напрямую от ресурсоснабжающих организаций, минуя посредничество управляющей организации.

В соответствии с пунктом 87 Основ ценообразования в сфере теплоснабжения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22.10.2012 № 1075, двухкомпонентный

тариф на горячую воду в системе горячего водоснабжения устанавливается для теплоснабжающих организаций, поставляющих горячую воду с использованием системы горячего водоснабжения, и состоит из компонента на теплоноситель и компонента на тепловую энергию.

Разделом VII приложения 2 к Правилам № 354 установлен порядок расчета размера платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению, предоставленную потребителю за расчетный период в жилом помещении (жилом доме, квартире) или нежилом помещении и на общедомовые нужды, в случае установления двухкомпонентных тарифов на горячую воду. Так, в соответствии с пунктом 26 названного приложения размер платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению в i -м жилом или нежилом помещении определяется по формуле 23, которая содержит величину Q_{ip} – объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период в i -м жилом или нежилом помещении. Указанная величина рассчитывается как произведение объема потребленной за расчетный период в i -м жилом или нежилом помещении горячей воды, определенного по показаниям индивидуального или общего (квартирного) прибора учета в i -м жилом или нежилом помещении, и утвержденного норматива расхода тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению. Аналогичным образом определяется объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период на общедомовые нужды, приходящийся на i -е жилое или нежилое помещение $Q_{iодн}$ в формуле 24 того же приложения.

Таким образом, положениями Правил № 354 определено, что количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения, независимо от показаний

коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного дома.

Указанный порядок не противоречит пункту 1 статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации, предусматривающему определение объема потребляемых коммунальных услуг по показаниям приборов учета и только при их отсутствии допускающему применение нормативов потребления коммунальных услуг, поскольку тепловая энергия не относится к числу потребляемых коммунальных услуг, а величины Q_{ip} и $Q_{одн}$ служат для распределения тепловой энергии, используемой на подогрев воды для горячего водоснабжения, между всеми потребителями в зависимости от объема потребления горячей воды.

В связи с этим судами ошибочно при определении объема (количества) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению, использовались показания общедомового прибора учета, фиксирующего количество тепловой энергии в теплоносителе, поставляемом в многоквартирный дом в целях оказания услуги по горячему водоснабжению.

Изложенная правовая позиция также нашла свое отражение в определениях Верховного Суда РФ при рассмотрении аналогичных дел (определения Судебной коллегии по экономическим спорам от 21.12.2017 № 306-ЭС17-15822 и от 02.02.2018 № 305-ЭС17-15601).

4. Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что акт о неучтенном потреблении электроэнергии составлен в одностороннем порядке в отсутствие надлежащего извещения потребителя о дате и времени его составления, то основания для определения поставленной потребителю электроэнергии расчетным способом на основании указанного акта отсутствуют.

В рамках дела № А49-5043/2018 общество обратилось в Арбитражный суд Пензенской области с иском к муниципальному эксплуатационному учреждению о взыскании задолженности за электроэнергию, потребленную в декабре 2017 года по договору энер-

госнабжения от 12.12.2017 № 240, в том числе в объеме безучетного потребления (акт от 12.12.2017 № Б2117/662).

Решением Арбитражного суда Пензенской области от 22.10.2018, оставленным без изменения постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2019, исковые требования оставлены без удовлетворения.

Как установлено судами на основании материалов дела, 09.02.2017 между истцом (Гарантирующий поставщик) и МЭУ (Потребитель) заключен договор энергоснабжения № 240, по условиям которого Гарантирующий поставщик при условии наличия присоединенной к Потребителю электрической сети и надлежащего технологического присоединения Потребителя к этой сети в установленном порядке обязуется осуществлять продажу электрической энергии (мощности), а также путем заключения договоров с третьими лицами обеспечить передачу электрической энергии и предоставление услуг, неразрывно связанных с процессом снабжения электрической энергией и мощностью, а Потребитель обязуется принимать и оплачивать электрическую энергию (мощность) и услуги.

Согласно пункту 5.1 данного договора объем потребления электрической энергии за расчетный период и объем потерь электроэнергии в сетях Потребителя, учитываемый в расчетах сторон, определяется на основании данных об объемах потребления электрической энергии (мощности), определенных по показаниям расчетных приборов учета, в том числе включенных в состав измерительного комплекса, систем учета, которые должны соответствовать требованиям законодательства РФ об обеспечении единства измерений, а также требованиям, установленным в основных положениях, а также ПЭУ и другой технической документации, в том числе по их классу точности, быть допущенными в эксплуатацию в установленном порядке, иметь неповрежденные контрольные пломбы и (или) знаки визуального контроля.

Обязанность по обеспечению эксплуатации установленного и допущенного в эксплуатацию прибора учета (измерительного комплекса), сохранности и целостности прибора учета (измерительного

комплекса), а также пломб и (или) знаков визуального контроля, снятию и хранению его показаний, своевременной замене возлагается на собственника такого прибора учета (измерительного комплекса).

По факту выявленного безучетного потребления электрической энергии (мощности) в порядке, предусмотренном Основными положениями, составляет акт о неучтенном потреблении электрической энергии, на основании которого в соответствии с Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 04.05.2012 № 442 (далее – Основные положения № 442), рассчитывается стоимость электрической энергии (мощности), приобретаемой Потребителем у Гарантирующего поставщика по настоящему договору, за расчетный период, в котором был выявлен факт безучетного потребления и составлен акт о неучтенном потреблении электрической энергии (пункт 5.6 договора).

Объем безучетного потребления предъявлен ответчику к оплате в счете-фактуре от 31.12.2017 № 2002/6978/01 на сумму 966 036 руб. 72 коп.

Истец, ссылаясь на то, что указанный счет-фактура оплачен ответчиком частично в сумме 528 054,71 руб., обратился в Арбитражный суд Пензенской области с иском к МЭУ о взыскании задолженности в сумме 437 982,01 руб., составляющей стоимость безучетного потребления.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции руководствовался положениями статьи 543 ГК РФ, Основными положениями № 442 и, оценив в порядке статьи 71 АПК РФ представленные в дело доказательства, пришел к выводу, что факт безучетного потребления ответчиком электрической энергии не подтвержден истцом надлежащими доказательствами, отсутствуют правовые основания для определения поставленной ответчику электроэнергии расчетным способом.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами суда первой инстанции, указав на следующие обстоятельства.

Представленный сетевой организацией акт о безучетном потреблении не принят судами в качестве допустимого доказательства по делу, поскольку он составлен в одностороннем порядке в отсутствие представителя потребителя и свидетелей. Несмотря на указание в данном акте на присутствие представителя ответчика, подпись последнего в акте отсутствует.

Из буквального содержания пункта 193 Основных положений № 442 следует обязательное участие представителя потребителя при составлении акта либо наличие зафиксированного в акте отказа потребителя от присутствия при составлении акта от подписания акта.

Составление акта без уведомления и в отсутствие потребителя (уполномоченного представителя) лишает потребителя права участвовать в составлении акта, проверять достоверность отражаемых в нем сведений, давать объяснения, делать замечания к акту, представлять соответствующие возражения в целях защиты своих прав и законных интересов.

Уполномоченное лицо ответчика не присутствовало при проведении проверки и при составлении акта о неучтенном потреблении электрической энергии, что подтверждается свидетельскими показаниями сотрудника сетевой организации, проводившего проверку 21.11.2017.

В рамках дела № А49-3944/2018 суды трех инстанций констатировали, что представленные акты о неучтенном потреблении электрической энергии не содержат подписи потребителя (ответчика) и/или его полномочных представителей и/или объяснений потребителя относительно выявленного факта безучетного потребления электроэнергии, как и не содержат информации об отказе потребителя и/или его полномочного представителя от подписания актов с указанием причин отказа. Доказательства надлежащего извещения ответчика о времени и месте составления актов не представлены, проверка проведена в отсутствие ответчика либо его уполномоченного представителя. О проведении проверки ответчик также извещен не был. В результате чего исковые требования о взыскании задолженности за неучтенное потребление электрической энергии оставлены без удовлетворения.

Указанный правовой подход подтверждается выводами, содержащимися в определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.01.2013 № ВАС-18218/12.

5. В условиях котловой модели взаиморасчетов все потребители, относящиеся к одной группе, оплачивают котлодержателю услуги по передаче электроэнергии по единому (котловому) тарифу. При заключении нового договора об оказании услуг по передаче электрической энергии энергосбытовой компанией со смежной сетевой организацией (владельцем объектов электросетевого хозяйства, обеспечивающего передачу электроэнергии потребителю), энергосбытовая компания уведомляет первоначальную сетевую компанию.

С момента получения уведомления об исключении спорных точек поставки из договора оказания услуг по передаче электрической энергии сетевая компания (по ранее заключенному договору) не вправе требовать с энергосбытовой компании оплату услуг по передаче электрической энергии до этих точек поставки.

В рамках дела № А55-32995/2017 сетевая компания обратилась в Арбитражный суд Самарской области с иском о взыскании задолженности по договору оказания услуг по передаче электрической энергии и мощности.

Суд первой инстанции заявленное требование удовлетворил частично, взыскав задолженность.

Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2018 решение в суде первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 30.10.2018 постановление апелляционного суда отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в свою очередь определением от 13.09.2019 № 306-ЭС18-25562 постановление окружного суда отменила, оставил в силе постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда.

Позиция Верховного Суда РФ при рассмотрении указанного спора сводится к следующему.

Законодательство, регулирующее правоотношения по передаче электроэнергии, исходит из того, что в силу естественно-монопольной деятельности электросетевых организаций цена услуг по передаче электроэнергии (тарифы) устанавливается государством путем принятия органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов решения об установлении тарифа.

Во исполнение закрепленных законодателем принципов государственного регулирования в субъектах Российской Федерации реализована котловая экономическая модель взаиморасчетов за услуги по передаче электроэнергии (Приказ ФСТ России от 31.07.2007 № 138-э/6, Информационное письмо ФСТ России от 04.09.2007 № ЕЯ-5133/12 «О введении котлового метода расчета тарифов на услуги по передаче электрической энергии»).

В условиях котловой модели взаиморасчетов все потребители, относящиеся к одной группе, оплачивают котлодержателю услуги по передаче электроэнергии по единому (котловому) тарифу. За счет этого котлодержатель собирает необходимую валовую выручку сетевых организаций, входящих в «котел», и распределяет ее между смежными сетевыми организациями посредством использования индивидуальных тарифов, обеспечивая тем самым необходимую валовую выручку каждой из сетевых организаций (в том числе собственную) для покрытия их производственных издержек и формирования прибыли (пункт 3 Основ ценообразования, пункты 49, 52 Методических указаний по расчету тарифов на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке, утвержденных приказом Федеральной службы по тарифам от 06.08.2004 № 20-э/2).

Таким образом, решение органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов об установлении тарифа, включающее как «котловой», так и индивидуальные тарифы, учитывает экономически обоснованные потребности всех электросетевых организаций, входящих в «котел». В силу нормативного характера тарифного решения оно обязательно для смежных сетевых организаций, а согласно пункту 35 Правил го-

сударственного регулирования (пересмотра, приема) цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178, такое решение должно применяться в расчетах по тем же правилам, по которым устанавливался тариф.

В Самарской области действует котловая модель «котел снизу», при которой оплата услуг по передаче электрической энергии производится той сетевой организацией, к сетям которой технологически присоединен потребитель, по единому котловому тарифу и с соблюдением правил, по которым устанавливался тариф. Получатель тарифной выручки от потребителя обязан перераспределять ее вышестоящей сетевой организации по индивидуальным тарифам.

Смежная сетевая организация в настоящем деле, исходя из определения понятия «сетевая организация», содержащегося в пункте 2 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 861 (далее – Правила № 861), соответствовало статусу сетевой организации: владело на законном основании объектами электросетевого хозяйства, с использованием которых оказывало услуги по передаче электрической энергии; включено в перечень территориальных сетевых организаций; его затраты, не связанные со спорным объектом субаренды, учтены при формировании котлового тарифа на 2017 год. После заключения договора аренды указанная организация владела и пользовалась объектами электросетевого хозяйства, обеспечивающими передачу электроэнергии потребителю, и являлось сетевой организацией, к сетям которой непосредственно присоединен потребитель.

Урегулирование отношений по передаче электрической энергии с сетевой организацией, к сетям которой непосредственно присоединено энергопринимающее устройство потребителя, не противоречит положениям действующего законодательства (пункты 24(1), 25 Правил № 861). Оплатив услуги по котловому тарифу, потребитель в лице энергосбытовой компании считается исполнившим свои обязательства.

В сложившейся ситуации изменение договорных отношений истца и ответчика (исключение точек поставки потребителя), изменяет получателя денежных средств: вместо сетевой компании им становится смежная сетевая организация, которая, действуя добросовестно и следуя утвержденной регулирующим органом котловой модели расчетов, вправе претендовать на получение платы за услуги лишь по объектам, учтенным регулирующим органом при утверждении котлового и индивидуального тарифа.

6. Если по итогам расчетного периода объем ресурса на ОДН имеет отрицательное значение (меньше 0), то в этом периоде объем ресурса на ОДН признается равным 0, но в следующем периоде (периодах), если объем ресурса на ОДН имеет положительное значение (больше 0), оно подлежит уменьшению на ранее полученное отрицательное значение объема ресурса на ОДН.

В рамках дела № А72-5453/2018 ПАО «Ульяновскэнерго» обратилось в Арбитражный суд Ульяновской области с исковым заявлением к ООО о взыскании задолженности за потребленную в июле – декабре 2016 года, феврале 2017 года электрическую энергию в размере 681 867,25 руб., задолженности за потребленную в ноябре – декабре 2017 года электрическую энергию в размере 307 456,70 руб. по договору энергоснабжения от 01.03.2017 № 219017 ОДН.

Решением Арбитражного суда Ульяновской области от 04.10.2018, оставленным без изменения постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2018, исковые требования удовлетворены.

Арбитражный суд Поволжского округа постановлением от 06.05.2019 указанные судебные акты отменил, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, исходя из следующих обстоятельств.

С июля 2016 по декабрь 2016 года, а также в феврале 2017 года ПАО «Ульяновскэнерго» осуществляло поставку электрической энергии в многоквартирные жилые дома (далее – МКД), в отношении которых ответчик является управляющей организацией.

Согласно доводам истца, за спорный период истец поставил ответчику для использования в целях содержания общего имущества МКД электроэнергию на общую сумму 681 867,25 руб.

1 марта 2017 года между истцом и ответчиком заключен договор энергоснабжения № 219017ОДН, согласно которому ПАО «Ульяновскэнерго» (поставщик) обязуется осуществлять поставку электрической энергии ООО «Новая Майна» (покупатель), приобретающему электрическую энергию для использования при содержании общего имущества в многоквартирном доме, а покупатель обязуется оплачивать приобретаемую электрическую энергию.

В связи с отсутствием в спорный период договора между ресурсоснабжающей организацией и управляющей компанией на предоставление коммунальных ресурсов на общедомовые нужды, а также наличием прямых договоров между собственниками, пользователями помещений в многоквартирных домах и ресурсоснабжающей организацией, ПАО «Ульяновскэнерго» в спорный период с июля по декабрь 2016 года, в феврале 2017 года выставляла счета на оплату коммунальных ресурсов, предоставленных на общедомовые нужды непосредственно собственникам, пользователям помещений.

Порядок определения объема коммунального ресурса, предоставляемого в многоквартирный дом в целях содержания общего имущества многоквартирного дома (на общедомовые нужды), оборудованный коллективным (общедомовым) прибором учета, изложен в пунктах 21, 21(1) Правил № 124, пунктах 40, 44, 45 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 06.05.2011 № 354.

Объем коммунального ресурса, подлежащий оплате исполнителем по договору ресурсоснабжения в отношении многоквартирного дома, оборудованного коллективным (общедомовым) прибором учета, определяется на основании показаний прибора учета. Формула подпункта «а» пункта 21(1) Правил, обязательных при заключении договоров снабжения коммунальными ресурсами, утвержденных

постановлением Правительства от 14.02.2012 № 124 (далее – Правила № 124), включает переменные, значения которых основаны на показаниях приборов учета.

Вместе с тем положения подпункта «а» пункта 21(1) Правил № 124 об объеме коммунального ресурса, подлежащего оплате исполнителем, равно 0, в случае, если величина объема коммунального ресурса, подлежащего оплате потребителями в многоквартирном доме, за расчетный период ($V_{\text{потр}}$) превышает или равна величине объема коммунального ресурса, определенного по показаниям коллективного (общедомового) прибора учета за расчетный период ($V_{\text{одпу}}$), не исключают перерасчет.

В случае, когда величина $V_{\text{потр}}$ превышает объем $V_{\text{одпу}}$, то объем, подлежащий оплате в следующих расчетных периодах, уменьшается на разницу между указанными величинами, что исключает для ресурсоснабжающей организации возможность получить плату за неоказанные услуги и позволяет устранить несоответствие фактического потребления коммунального ресурса, вызванного невозможностью одновременного снятия показаний со всех приборов учета. Объем, подлежащий оплате, в следующих расчетных периодах уменьшается на разницу между указанными величинами.

Таким образом, если по итогам расчетного периода объем ресурса на ОДН имеет отрицательное значение (меньше 0), то в этом периоде объем на ОДН признается равным 0, но в следующем периоде (периодах), если объем ресурса на ОДН имеет положительное значение (больше 0), оно подлежит уменьшению на ранее полученное отрицательное значение объема ресурса на ОДН.

В случае если исполнитель коммунальных услуг заявляет возражения против иска ресурсоснабжающей организации о взыскании стоимости ресурса, переданного на ОДН, указывая на необходимость уменьшения объема подлежащего оплате ресурса, переданного в спорный период, на отрицательное значение объема аналогичного ресурса, переданного на те же цели в предшествующий (предшествующие) периоды, то они подлежат проверке судом при

рассмотрении дела по существу, и при установлении соответствующих обстоятельств такое уменьшение должно быть произведено.

Подобная позиция нашла свое отражение также в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 04.06.2019 по делу № А72-2954/2018.

Кроме того, указанное согласуется с правовой позицией, изложенной Верховным Судом Российской Федерации в решении от 20.06.2018 № АКПИ18-386.

*Материал подготовлен
отделом анализа, статистики и обеспечения судопроизводства
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда*

Обобщение судебной практики рассмотрения Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве

В целях выработки единых правовых подходов и позиций в правоприменении Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом подготовлено обобщение судебной практики рассмотрения споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве) за период с января 2018 года по март 2020 года.

За указанный период Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд рассмотрел 269 обособленных споров по указанной категории, что составило 1,0 % от общего количества рассмотренных апелляционных жалоб.

По результатам рассмотрения в порядке апелляционного производства 221 определение, вынесенное судом первой инстанции, апелляционным судом было оставлено без изменения; 48 определений отменено. Процент отмененных и измененных судебных актов первой инстанции составляет 21,7 % от общего количества рассмотренных апелляционным судом обособленных споров данной категории споров.

В кассационном порядке было обжаловано 132 постановления апелляционной инстанций по данной категории споров, что составило 49,1 % от общего количества рассмотренных апелляционным судом жалоб по указанной категории споров. Судом кассационной инстанции было отменено (изменено) 39 постановлений апелляционного суда: в том числе 38 – Арбитражным судом Поволжского округа, 1 – Верховным Судом Российской Федерации.

Процент отмененных и измененных судебных актов за указанный выше период составляет 14,5 % от общего количества рассмотренных апелляционным судом споров данной категории споров (29,5 % от обжалованных в кассационной инстанции).

При этом доля отмененных и измененных судебных актов Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда данной категории споров составляет 0,2 % от рассмотренных дел гражданской коллегией (0,6 % от обжалованных в кассационной инстанции) и 0,1 % от общего количества рассмотренных дел судом (0,5 % от обжалованных в кассационной инстанции).

При рассмотрении указанных споров арбитражные суды руководствуются Конституцией РФ, Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ), Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), а также иными нормативно-правовыми актами.

Далее приведены выработанные в ходе проведенного анализа правовые позиции по отдельным вопросам, возникшим в практике Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда при рассмотрении обособленных споров в делах о несостоятельности (банкротстве) о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Возникшие в практике Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда и выявленные в процессе подготовки данного обзора проблемы, связанные с применением норм об ответственности контролирующих должника лиц, и правовые подходы судов к их решению анализируются в свете соотношения прежних и новых норм, с учетом разъяснений, данных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), правовых позиций, сформированных в судебной практике.

Особое внимание уделено вопросам применения судами разъяснений, данных в постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление № 53).

1. При определении правового основания для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица суду необходимо учитывать временной период совершаемых

контролирующим лицом действий (бездействия), обуславливающих субсидиарную либо иную гражданско-правовую ответственность.

В первую очередь обозначенное необходимо для определения действия во времени норм Закона о банкротстве о субсидиарной ответственности. Поскольку изначально Закон о банкротстве предусматривал возможность ответственности лиц, виновных в доведении должника до банкротства, по обязательствам должника при недостаточности его имущества.

Федеральным законом от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ), вступившим в силу с 05.06.2009, введено понятие «контролирующее должника лицо».

В соответствии с пунктом 4 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Закона № 73-ФЗ контролирующие должника лица солидарно несут субсидиарную ответственность по денежным обязательствам должника и (или) обязанностям по уплате обязательных платежей с момента приостановления расчетов с кредиторами по требованиям о возмещении вреда, причиненного имущественным правам кредиторов в результате исполнения указаний контролирующих должника лиц, или исполнения текущих обязательств при недостаточности его имущества, составляющего конкурсную массу.

Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (далее – Закон № 134-ФЗ), вступивший в силу с 30.06.2013, ввел презумпции, упростившие процесс доказывания вины контролирующих должника лиц.

Пунктом 4 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Закона № 134-ФЗ было установлено, что, если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующих должника лиц, такие лица в случае недостаточности имущества должника несут субсидиарную ответственность по его обязательствам.

Данные положения соответствовали норме действовавшего в тот период пункта 3 статьи 56 ГК РФ, согласно которому, если несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана учредителями (участниками), собственником имущества юридического лица или другими лицами, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, на таких лиц в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», вступившим в силу с 01.09.2014, введены положения статьи 53.1 ГК РФ, предусматривающие, что лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, выступающим от имени юридического лица, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу (пункт 3 статьи 53.1). В случае совместного причинения убытков юридическому лицу члены органов управления и лица, имеющие фактический контроль, обязаны возместить убытки солидарно (пункт 4 статьи 53.1).

Следующим значимым этапом в совершенствовании правового регулирования рассматриваемых отношений стало принятие Федерального закона от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанный Закон вступил в силу с 28.06.2017, за исключением положений пункта 2 статьи 1, подпунктов «в» и «г» пункта 2 статьи 2, которые вступили в силу с 01.09.2017. При этом пункты 3 и 4 статьи 4 Федерального закона от 28.12.2016 № 488-ФЗ, регулировавшие порядок вступления в силу изменений положений статьи 10 Закона о банкротстве, признаны утратившими силу в соответствии с пунктом 8 статьи 3 Закона № 266-ФЗ.

Согласно пункту 1 статьи 4 Закона № 266-ФЗ данный Закон вступил в силу с 30.07.2017 – со дня его официального опубликования, за исключением положений, для которых названной статьей установлен иной срок вступления в силу.

Пункты 6–12 статьи 1 и статья 2 Закона № 266-ФЗ вступили в силу по истечении девяноста дней после дня его официального опубликования (пункт 2 статьи 4 Закона № 266-ФЗ).

Положения подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11, пунктов 3–6 статьи 61.14, статей 61.19 и 61.20 Закона о банкротстве (в редакции Закона № 266-ФЗ) применяются к заявлениям о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в случае, если определение о завершении или прекращении процедуры конкурсного производства в отношении таких должников либо определение о возврате заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом вынесены после 01.09.2017 (пункт 4 статьи 4 Закона № 266-ФЗ).

Как показал анализ практики, затруднение в правоприменении вызвало содержание пункта 3 статьи 4 Закона № 266-ФЗ, согласно которому рассмотрение заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, предусмотренной статьей 10 Закона о банкротстве (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ), которые поданы с 01.07.2017, производится по правилам Закона о банкротстве (в редакции Закона № 266-ФЗ).

Между тем материально-правовые положения Закона о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ о субсидиарной ответственности по обязательствам должника применяются, если обстоятельства, являющиеся основанием для привлечения контролирующего должника лиц к такой ответственности (например, дача контролирующим лицом указаний должнику, одобрение контролирующим лицом или совершение им от имени должника сделки), имели место после дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ, то есть после 30.07.2017.

Если данные обстоятельства имели место до дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ, то применению подлежат положения о субсидиарной ответственности по обязательствам должника Зако-

на о банкротстве в редакции, действовавшей до вступления в силу Закона № 266-ФЗ.

Однако предусмотренные Законом о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ процессуальные нормы о порядке рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности подлежат применению судами при рассмотрении соответствующих заявлений, поданных с 01.07.2017, независимо от даты, когда имели место упомянутые обстоятельства.

Например, в рамках дела № А55-3824/2016 постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.09.2019 определение Арбитражного суда Самарской области от 20.05.2019 отменено и принят новый судебный акт. Суд признал доказанным наличие оснований для привлечения Цоя С. А., Ольховского Т. В., Никифорова А. Ю., Бирюкова В. Г. к субсидиарной ответственности по денежным обязательствам должника, и приостановил рассмотрение заявлений общества «ТД «Магма-М» и общества «Старатели» о привлечении Цоя С. А., Ольховского Т. В., Никифорова А. Ю., Бирюкова В. Г. до окончания расчетов с кредиторами.

При рассмотрении данного обособленного спора судами первой и апелляционной инстанций установлено, что генеральным директором должника с 03.12.2012 являлся Бирюков В. Г., а с 09.12.2015 – Ольховский Т.В.

Участниками должника (в размере 100 % доли в уставном капитале) согласно выписке из ЕГРЮЛ от 03.12.2013 являлся Никифоров А. Ю., а с 09.04.2015 – Цой С. А. С 17.02.2016 Цой С. А. являлся собственником 75 % доли в уставном капитале должника, а Ольховский Т. В. – с долей в размере 25 %. С 15.03.2016 Ольховский Т. В. является собственником 100 % доли в уставном капитале должника.

Заявления кредиторов о привлечении Бирюкова В. Г. к субсидиарной ответственности мотивированы совершением им сделок, в результате которых причинен вред имущественным правам кредиторов, а также непринятием мер по своевременному обращению в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Заявления кредиторов о привлечении Ольховского Т. В. к субсидиарной ответственности мотивированы непринятием им мер по своевременному обращению в суд с заявлением о признании должника банкротом и неисполнением обязанности по передаче арбитражному управляющему бухгалтерской и иной документации должника.

Заявления кредиторов о привлечении Никифорова А. Ю. к субсидиарной ответственности мотивированы совершением им сделок, в результате которых причинен вред имущественным правам кредиторов, а также непринятием мер по своевременному обращению в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Заявления кредиторов о привлечении Цоя С. А. к субсидиарной ответственности мотивированы непринятием им мер по своевременному обращению в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Суды также пришли к выводу о том, что, действуя добросовестно и разумно, руководитель должника Бирюков В. Г. обязан был обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом 24.04.2015, поскольку согласно бухгалтерской отчетности за 2014 г., составленной 24.03.2015, должник уже отвечал признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Также суды установили, что Ольховский Т. В., на которого возложено исполнение обязанностей руководителя должника с 09.12.2015, тоже не исполнил обязанность по обращению в суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве).

В отношении участников должника – Никифорова А. Ю. и Цоя С. А. – суды пришли к выводу о том, что они должны были провести собрания и обратиться в арбитражный суд с соответствующим заявлением не позднее мая 2015 года, указав, что каких-либо решений об обязанности руководителя должника или иного лица обратиться в суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве) учредителями Никифоровым А. Ю. и Цоем С. А. не принималось.

При таких обстоятельствах суды пришли к выводу о наличии оснований для привлечения Бирюкова В. Г., Ольховского Т. В., Ни-

кифорова А. Ю., Цоя С. А. к субсидиарной ответственности на основании пункта 1 статьи 61.12 Закона о банкротстве за неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд.

Изложенный вывод кассационная инстанция посчитала ошибочным, исходя из следующего (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.12.2019 № Ф06-55235/2019 по делу № А55-3824/2016).

Законом № 266-ФЗ статья 10 Закона о банкротстве признана утратившей силу и Закон о банкротстве дополнен главой III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве».

По смыслу пункта 2 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.04.2010 № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также исходя из общих правил о действии закона во времени (пункт 1 статьи 4 ГК РФ) положения Закона о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ о субсидиарной ответственности соответствующих лиц по обязательствам должника применяются, если обстоятельства, являющиеся основанием для их привлечения к такой ответственности, имели место после дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ.

Если же данные обстоятельства имели место до дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ, то, как было указано выше, применению подлежат положения о субсидиарной ответственности по обязательствам должника Закона о банкротстве в редакции, действовавшей до вступления в силу Закона № 266-ФЗ, независимо от даты возбуждения производства по делу о банкротстве.

В спорном случае обстоятельства, в связи с которыми кредиторы заявляют о привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности, имели место до вступления в силу Закона № 266-ФЗ, соответствующие заявления поступили в суд после вступления в силу Закона № 266-ФЗ, следовательно, настоящий спор подлежит рассмотрению с применением статьи 10 Закона о банкротстве (в ранее дей-

ствовавшей редакции), но при этом должны применяться процессуальные нормы, предусмотренные Законом о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ.

В рамках дела № А55-199/2015 Арбитражный суд Поволжского округа в своем постановлении от 03.06.2019, частично отменяя определение Арбитражного суда Самарской области и постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда, указал, что основания для применения судами первой и апелляционной инстанций положений статей 61.10 и 61.11 Закона о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ отсутствовали, поскольку обстоятельства, послужившие основанием для предъявления требований о привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности, имели место в период с 2013 года по 2015 год, то есть до дня вступления в силу Закона № 266-ФЗ (30.07.2017).

В рамках дела № А72-19672/2016 суды первой и апелляционной инстанций, установив период спорных правоотношений, верно применили положения статьи 10 Закона о банкротстве (в редакции, действующей в спорный период) и с учетом процессуальных особенностей, установленных Законом № 266-ФЗ, признали доказанным наличие оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности с последующим приостановлением рассмотрения заявления конкурсного управляющего о привлечении к субсидиарной ответственности бывшего руководителя должника до окончания расчетов с кредиторами, что в свою очередь судом округа признано законным и обоснованным (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.03.2018 № Ф06-30063/2018 по делу № А72-19672/2016).

Вопрос о действии во времени материальных норм Закона о банкротстве о субсидиарной ответственности неоднократно был предметом рассмотрения судебных инстанций и нашел свое отражение в следующих постановлениях Арбитражного суда Поволжского округа от 20.06.2019 по делу № А65-15550/2016, от 10.10.2019 по делу № А65-25341/2014, от 16.12.2019 по делу № А55-3824/2016 и др.

2. Указанные выше изменения положений Закона о банкротстве в части субсидиарной ответственности также влияют на исчисление и применение срока исковой давности привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной и иной гражданско-правовой ответственности, поскольку положения, регулирующие вопрос о сроке исковой давности, относятся к нормам материального права, а не процессуального.

Например, в статье 10 Закона о банкротстве (в редакции Закона № 73-ФЗ) сроки давности обращения в суд не были указаны, в связи с чем суды применяли общий срок исковой давности (статьи 195, 196, 200 ГК РФ).

Впоследствии Законом № 134-ФЗ в статью 10 Закона о банкротстве был введен пункт 5, который содержал, в частности, положения о том, что заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 4 настоящей статьи, может быть подано в течение одного года со дня, когда подавшее это заявление лицо узнало или должно было узнать о наличии соответствующих оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, но не позднее трех лет со дня признания должника банкротом. В случае пропуска этого срока по уважительной причине он может быть восстановлен судом.

Данная норма Закона о банкротстве содержала указание на применение двух сроков исковой давности: однолетнего субъективного, исчисляемого по правилам, аналогичным пункту 1 статьи 200 ГК РФ, и трехлетнего объективного, исчисляемого со дня признания должника банкротом.

Аналогичное положение содержится также в пункте 5 статьи 61.14 Закона о банкротстве (в редакции Закона № 266-ФЗ), указывающей, что заявление о привлечении к ответственности по основаниям, предусмотренным настоящей главой, может быть подано в течение трех лет со дня, когда лицо, имеющее право на подачу такого заявления, узнало или должно было узнать о наличии соответствующих оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, но не позднее трех лет со дня признания должника банкротом (пре-

ращения производства по делу о банкротстве либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом) и не позднее десяти лет со дня, когда имели место действия и (или) бездействие, являющиеся основанием для привлечения к ответственности.

В рамках дела № А55-6716/2010 Арбитражным судом Самарской области определением от 15.02.2019, разрешая на новом рассмотрении вопрос о субсидиарной ответственности, отказал в удовлетворении части требования в связи с пропуском срока исковой давности применительно к положениям пункта 5 статьи 61.14 Закона о банкротстве, учитывая дату принятия решения о признании должника банкротом (22.02.2013) и дату обращения конкурсного кредитора с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности (09.06.2016).

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд изложенную позицию суда первой инстанции посчитал несостоятельной, исходя из следующего.

При разрешении настоящего спора апелляционная инстанция исходила из того, что положения, регулирующие вопрос о сроке исковой давности, относятся не к нормам процессуального права, а к нормам материального права, поэтому статья 10 Закона о банкротстве должна применяться в старой редакции – в редакции Закона № 73-ФЗ, поскольку обстоятельства, которые суду предстоит исследовать, имели место в 2009–2012 годах.

В статье 10 Закона о банкротстве (в редакции Закона № 73-ФЗ) сроки давности обращения в суд не были указаны, поэтому суд применяет общий срок исковой давности.

В силу статьи 195 ГК РФ судебная защита права по иску лица, право которого нарушено, возможна в установленный законом срок (исковая давность).

В соответствии со статьей 196 ГК РФ общий срок исковой давности установлен в три года, течение этого срока начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (статья 200 ГК РФ).

При определении момента начала течения срока исковой давности по заявлению о привлечении собственника имущества должника к субсидиарной ответственности в процедуре банкротства необходимо учитывать, что размер ответственности невозможно определить с разумной достоверностью до момента реализации имущества должника, в связи с чем такой срок может исчисляться не ранее даты завершения реализации имущества предприятия и окончательного формирования конкурсной массы (постановление Президиума ВАС РФ от 07.06.2012 № 219/12 по делу № А21-10191/2005).

Апелляционный суд учел пояснения представителя конкурсного управляющего о том, что реализация имущества должника закончилась в декабре 2015 года, соответственно, трехгодичный срок необходимо исчислять с этой даты.

Как следует из материалов дела и установлено судами, заявители обратились в суд в течение 2016 года, то есть срок на обращение в суд ими не пропущен.

Судом округа позиция апелляционной инстанции признана обоснованной, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.08.2019 оставлено без изменения (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.02.2020 № Ф06-11731/2010 по делу № А55-6716/2010).

3. Объективный (трехгодичный) срок исковой давности, установленный пунктом 5 статьи 10 Закона о банкротстве (в редакции Закона № 134-ФЗ) может применяться только при наличии препятствий (объективной невозможности) для обращения с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности в течение годового субъективного срока исковой давности.

В рамках дела № А49-1055/2016 Арбитражный суд Пензенской области определением от 29.05.2019 частично удовлетворил заявление конкурсного управляющего о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности. При этом суд отклонил довод бывшего руководителя должника о пропуске срока исковой давности для привлечения к указанной ответственности.

Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2019 определение суда первой инстанции от 29.05.2019 оставлено без изменения.

Кассационная инстанция позицию нижестоящих инстанций в указанной части не поддержала исходя из следующего.

Как правильно установили суды, к спорным правоотношениям подлежит применению абзац 4 пункта 5 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Закона № 134-ФЗ, предусматривающий возможность обращения с заявлением о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 4 статьи 10 данного Закона в течение одного года со дня, когда подавшее это заявление лицо узнало или должно было узнать о наличии соответствующих оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, но не позднее трех лет со дня признания должника банкротом.

Также правильным является вывод судов о том, что указанный годичный (а также и трехгодичный) срок начал течь не ранее 08.08.2016 – даты открытия конкурсного производства и утверждения первым конкурсным управляющим.

Между тем вывод судебных инстанций о том, что конкурсный управляющий не пропустил срок исковой давности на момент обращения в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, сделанный исходя из того, что указанное обращение имело место в пределах объективного трехгодичного срока, отсчитываемого от даты признания должника банкротом, судебная коллегия считает ошибочным.

Из приведенной нормы Закона о банкротстве, содержащейся в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) правовой позиции, следует, что трехлетний объективный срок исковой давности подлежит применению при наличии препятствий (объективной невозможности) для обращения с заявлением в течение годового субъективного срока исковой давности.

Поскольку в данном случае таких обстоятельств судами не установлено (в судебных актах отсутствуют на них ссылки), применение объективного трехлетнего срока исковой давности является ошибочным (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.11.2019 № Ф06-50936/2019 по делу № А49-1055/2016).

4. Заявление о пропуске срока исковой давности одним контролирующим должника лицом (соответчиком) не является основанием освобождения от субсидиарной ответственности иных контролирующих лиц (соответчиков), не заявляющих о применении исковой давности.

В рамках дела № А65-1147/2014 определением Арбитражного суда Республики Татарстан от 07.02.2018, оставленном без изменения постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2018, отказано в удовлетворении заявления конкурсного управляющего о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника контролирующих лиц – Павлова В. А. и Пузакова К. В.

Основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования послужило применение судом исковой давности по заявлению только Павлова П. А.

Арбитражный суд Поволжского округа, отменяя указанные выше судебные акты первой и апелляционной инстанции, относительно озвученных обстоятельств констатировал следующее.

Согласно абзацу второму пункта 10 Постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (далее – Постановление Пленума № 43) заявление о применении исковой давности, сделанное одним из соответчиков, не распространяется на других соответчиков, в том числе и при солидарной обязанности (ответственности).

Таким образом, подача Павловым П. В. заявления о пропуске конкурсным управляющим срока исковой давности на обращение в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности и удовлетворение его судом не может распространяться на требования, заявленные к Пузакову К. В.

Согласно третьему абзацу пункта 10 Постановления Пленума № 43, суд вправе отказать в удовлетворении иска при наличии заявления о применении исковой давности только от одного из соответчиков при условии, что в силу закона или договора либо исходя из характера спорного правоотношения требования истца не могут быть удовлетворены за счет других соответчиков (например, в случае предъявления иска об истребовании неделимой вещи).

Однако подобных обстоятельств, допускающих распространение заявления одного из ответчиков о пропуске срока исковой давности на другого ответчика, судом при рассмотрении настоящего дела установлено не было (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.06.2018 № 06-7084/2016 по делу № А65-1147/2014).

Аналогичная позиция также нашла свое отражение в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 18.12.2019 № Ф06-55235/2019 по делу № А55-3824/2016.

5. Течение срока исковой давности привлечения к субсидиарной ответственности не может начаться до появления права у заинтересованного лица обратиться в суд с заявлением о субсидиарной ответственности.

В рамках дела № А49-11888/2015 определением Арбитражного суда Пензенской области от 21.03.2018 с учетом определения об исправлении описки от 08.05.2018 заявление конкурсного управляющего о привлечении Стульников В. В. к субсидиарной ответственности удовлетворено частично.

Стульников В. В. привлечен к субсидиарной ответственности, взыскано в пользу должника 117 123 руб. 51 коп. В остальной части заявление конкурсного управляющего оставлено без удовлетворения в связи с пропуском срока исковой давности.

При этом суд первой инстанции исходил из того, что должник признан банкротом 09.11.2015, годичный срок исковой давности для требований ФНС России о привлечении к субсидиарной ответственности Стульников В. В. вследствие совершения действий и (или) бездействия, повлекших признание должника несостоятель-

ным (банкротом), в связи с обстоятельствами, выявленными вследствие проведения выездной налоговой проверки от 27.08.2014 № 20, истек 09.11.2016, то есть до введения в действие редакций Закона о банкротстве № 488-ФЗ и № 266-ФЗ.

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд указанный вывод суда первой инстанции не поддержал, определение от 21.03.2018 отменил в части постановлением от 16.07.2018 по делу № А49-11888/2015.

Позиция апелляционной инстанции в части ошибочности применения срока исковой давности основана на разъяснениях, содержащихся в пункте 58 Постановления № 53, согласно которым сроки исковой давности ограничены объективными обстоятельствами: они в любом случае не могут превышать трех лет со дня признания должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом) или со дня завершения конкурсного производства и десяти лет со дня совершения противоправных действий (бездействия).

Пунктом 59 Постановления № 53 установлено, что предусмотренный абзацем первым пункта 5 статьи 61.14 Закона о банкротстве срок исковой давности по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности, по общему правилу, исчисляется с момента, когда действующий в интересах всех кредиторов арбитражный управляющий или обычный независимый кредитор, обладающий правом на подачу заявления, узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности – о совокупности следующих обстоятельств: о лице, имеющем статус контролирующего, его неправомерных действиях (бездействии), причинивших вред кредиторам и влекущих за собой субсидиарную ответственность, и о недостаточности активов должника для проведения расчетов со всеми кредиторами (без выяснения точного размера такой недостаточности).

При этом в любом случае течение срока исковой давности не может начаться ранее возникновения права на подачу в суд заяв-

ления о привлечении к субсидиарной ответственности (например, ранее введения первой процедуры банкротства, возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом, прекращения производства по делу о банкротстве на основании абзаца восьмого пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом).

Требования уполномоченного органа включены в реестр требований кредиторов должника определением Арбитражного суда Пензенской области от 21.03.2016, следовательно до этого момента уполномоченный орган не мог обратиться в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, так как не являлся лицом, участвующим в деле о банкротстве должника.

Принимая во внимание, что решение о признании должника банкротом принято судом 09.11.2015, по мнению суда апелляционной инстанции, срок для подачи заявления о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основаниям подпункта 3 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве не истек и составляет три года, то есть срок давности истекает 09.11.2018, с настоящим заявлением конкурсный управляющий должником обратился в суд 22.01.2018.

На основании вышеизложенного, по мнению суда апелляционной инстанции, у суда первой инстанции отсутствовали основания для отказа в удовлетворении заявления конкурсного управляющего о привлечении бывшего руководителя должника Стульникова В. В. к субсидиарной ответственности в части требования ФНС России в сумме 31 888 906,90 рублей.

Данная позиция Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда была признана обоснованной постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 23.10.2018 №Ф06-37951/2018 по делу № А49-11888/2015 и определением Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 306-ЭС18-26089.

Аналогичная позиция также нашла свое отражение в постановлениях Арбитражного суда Поволжского округа от 02.08.2019 по делу № А49-9656/2015, от 21.06.2018 по делу № А65-1147/2017,

а также в определении Верховного Суда РФ от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472 (4, 5, 7).

б. Участники хозяйствующего общества (должника) могут нести субсидиарную ответственность за неподачу заявления о банкротстве, только если подобная обязанность у последних возникла после вступления в силу Закона № 266-ФЗ (то есть после 30.07.2017).

В рамках дела № А55-3824/2016 постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.09.2019 определение Арбитражного суда Самарской области от 20.05.2019 отменено и принят новый судебный акт. Суд признал доказанным наличие оснований для привлечения контролирующих должника лиц (включая учредителей должника) к субсидиарной ответственности по денежным обязательствам должника и приостановил рассмотрение заявлений о привлечении до окончания расчетов с кредиторами.

Основанием для привлечения к субсидиарной ответственности среди прочего апелляционной инстанцией названо несоблюдение контролирующими должника лицами (в том числе учредителями должника) обязанности по обращению в арбитражный суд с заявлением о банкротстве применительно к положениям статей 9, 10 Закона о банкротстве (в редакции Закона № 134-ФЗ).

Кассационная инстанция в свою очередь указала на ошибочность изложенной позиции.

В частности, в спорном случае обстоятельства, в связи с которыми кредиторы заявляют о привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности, имели место до вступления в силу Закона № 266-ФЗ, соответствующие заявления поступили в суд после вступления в силу Закона № 266-ФЗ, следовательно, настоящий спор подлежит рассмотрению с применением статьи 10 Закона о банкротстве (в ранее действовавшей редакции), но при этом должны применяться процессуальные нормы, предусмотренные Законом о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ.

Согласно пункту 2 статьи 10 Закона о банкротстве (в редакции Закона № 134-ФЗ) нарушение обязанности по подаче заявления

должника в арбитражный суд в случаях и в срок, которые установлены статьей 9 Закона о банкротстве, влечет за собой субсидиарную ответственность лиц, на которых настоящим Федеральным законом возложена обязанность по принятию решения о подаче заявления должника в арбитражный суд и подаче такого заявления, по обязательствам должника, возникшим после истечения срока, предусмотренного пунктами 2 и 3 статьи 9 настоящего Федерального закона.

Пунктами 1, 2 статьи 9 Закона о банкротстве предусмотрено, что руководитель должника обязан обратиться с заявлением в арбитражный суд в случае, если удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения должником денежных обязательств, обязанностей по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами; должник отвечает признакам неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества. Заявление должника должно быть направлено в арбитражный суд в случаях, предусмотренных названной статьей, не позднее чем через месяц с даты возникновения соответствующих обстоятельств.

Таким образом, субъектом ответственности по основанию неподачи заявления о банкротстве должника в суд в соответствии с пунктом 1 статьи 9 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на момент возникновения оснований для обращения должника с заявлением о банкротстве, признавался руководитель должника.

Положений, обязывающих участников хозяйственного общества созывать собрание для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением должника или принимать такое решение, а также предусматривающих возможность привлечения указанных лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в случае несовершения названных действий, Закон о банкротстве в прежней редакции (подлежащей применению в настоящем споре) не содержал.

Пункт 3.1 статьи 9 Закона о банкротстве, устанавливающий обязанность собрания участников принять решение об обращении в арбитражный суд с заявлением должника при неисполнении та-

кой обязанности руководителем, введен в действие только Законом № 266-ФЗ (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.12.2019 № Ф06-55235/2019 по делу № А55-3824/2016).

Аналогичная правовая позиция нашла свое отражение также в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 20.06.2019 № Ф06-27253/2017 по делу № А65-15550/2016 и определении Верховного Суда РФ от 24.09.2019 № 306-ЭС19-15553.

7. В объем субсидиарной ответственности не могут входить требования кредиторов должника, аффилированные по отношению к контролирующему должника лицу.

В рамках дела № А49-11888/2015 Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд постановлением от 16.07.2018 установил основания для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности по неисполненным обязательствам должника, при этом суд исключил из общего объема субсидиарной ответственности требования конкурсных кредиторов аффилированных по отношению к ответчику применительно к положениям абзаца 3 пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 23.10.2018 № Ф06-37951/2018 по делу № А49-11888/2015 постановление апелляционной инстанции оставлено без изменения, указанная позиция признана обоснованной.

Верховный Суд РФ нарушений норм права при вынесении указанных судебных актов не усмотрел, что отражено в соответствующем определении от 26.02.2019 № 309-ЭС18-26089.

8. В случае если с контролирующего лица ранее уже взысканы денежные средства в пользу должника по реституционному требованию при признании судом сделки недействительной, то впоследствии на указанную денежную сумму контролирующее лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности (убытки в указанной части с контролирующего должника лица взысканию также не подлежат).

В рамках дела № А49-7654/2015 Арбитражный суд Поволжского округа постановлением от 10.03.2020 № Ф06-23330/2017 опре-

деление Арбитражного суда Пензенской области от 09.09.2019 и постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2019 по делу № А49-7654/2015 в части взыскания с Авдеева А. Н. в солидарном порядке 10 000 000 рублей в пользу должника отменил, в удовлетворении заявления конкурсного управляющего в данной части отказал.

При этом суд округа со ссылкой на разъяснения, изложенные в пункте 8 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62, указал, что Авдеев А. Н. является одновременно и контролирующим должника лицом, в отношении которого заявлено требование о привлечении к ответственности в виде взыскания убытков, причиненных признанной недействительной сделкой, и контрагентом по данной сделке должника, с которого уже взысканы денежные средства в сумме 10 000 000 рублей по реституционному требованию, в связи с чем удовлетворение требований конкурсного управляющего о взыскании с Авдеева А. Н. убытков в указанной сумме приведет к необоснованному повторному взысканию той же суммы денежных средств, но по иному гражданско-правовому основанию, что недопустимо.

Правовая позиция о недопустимости дублирования гражданско-правовой ответственности контролирующего должника лиц также нашла свое отражение в постановлениях Арбитражного суда Поволжского округа от 30.10.2019 по делу № А55-3819/2017 и от 20.12.2018 по делу № А55-24854/2014.

9. Вопрос о привлечении гражданина – физического лица к ответственности по обязательствам контролируемых им лиц не может быть рассмотрен в рамках дела о банкротстве гражданина и подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве контролируемого лица. Положения главы III.2 (а также ранее действующей статьи 10) Закона о банкротстве применимы к делам о банкротстве юридических лиц и не могут быть применены в отношении должника – гражданина.

В рамках дела № А65-24356/2016 о несостоятельности (банкротстве) гражданина ООО «ОЙЛТЭК» и ПАО «Энергобанк» об-

ратились в арбитражный суд с заявлением о привлечении данного гражданина-банкрота, а также иных лиц к субсидиарной ответственности.

Определением Арбитражного суда Республики Татарстан от 27.11.2019 прекращено производство по заявлениям ООО «ОйлТЭК» и ПАО «Энергобанк» в рамках дела № А65-24356/2016.

Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.01.2020 определение суда первой инстанции от 27.11.2019 оставлено без изменения.

Суд округа позицию нижестоящих судов поддержал, кассационную жалобу оставил без удовлетворения, при этом указал на следующие обстоятельства.

В соответствии с пунктом 6 статьи 61.16 Закона о банкротстве, если в отношении лица, привлекаемого к ответственности, также возбуждено дело о банкротстве, вопрос о привлечении к ответственности такого лица не может быть рассмотрен (передан на рассмотрение) в деле о его банкротстве.

Лица, участвующие в деле о банкротстве контролирующего должника лица, вправе участвовать в деле о банкротстве, в котором рассматривается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности, в качестве третьих лиц на стороне лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности.

Арбитражный управляющий в деле о банкротстве, в котором рассматривается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности, обязан в установленный Законом о банкротстве срок от имени должника предъявить в деле о банкротстве контролирующего должника лица требование о включении в реестр требований кредиторов, основанное на заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности.

Рассмотрение такого требования приостанавливается арбитражным судом до истечения срока на подачу апелляционной жалобы на определение о привлечении к ответственности или принятия соответствующего судебного акта судом апелляционной инстанции.

До рассмотрения такого требования вырученные от реализации имущества должника средства, за исключением средств, полученных от реализации предмета залога, не подлежат распределению среди кредиторов.

Разъяснения относительно применения приведенных положений содержатся в пункте 37 Постановления № 53, в соответствии с которым заявление о привлечении к ответственности, указанной в главе III.2 Закона о банкротстве (в том числе в статье 61.20), контролирующего должника лица, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве, подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве контролируемого лица.

Таким образом, вопрос о привлечении гражданина – физического лица к ответственности по обязательствам контролируемых им лиц не может быть рассмотрен в рамках дела о банкротстве гражданина и подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве контролируемого лица.

Кроме того, судебная коллегия констатировала то, что по смыслу положений главы III.2 (а также ранее действующей статьи 10) Закона о банкротстве правила о привлечении контролирующих должника лиц применимы к делам о банкротстве юридических лиц и не могут быть применены в отношении должника – гражданина (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02.03.2020 № Ф06-48255/2019 по делу № А65-24356/2016).

*Материал подготовлен
отделом анализа, статистики и обеспечения судопроизводства
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда*

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ.....3

РАЗДЕЛ 1. ПОМНИМ И ГОРДИМСЯ

Безверхов А. Г., Юдин А. В. Ветераны Великой Отечественной войны юридического факультета Самарского университета.....5

Ланг П. П. Юрист на страже Отечества: посвящается доктору юридических наук Торкановскому Евгению Петровичу.....12

РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Сафаева Н. Р. Использование корпоративных способов защиты в целях недобросовестного преодоления законной силы судебных актов.....16

Львов Я. А. Освобождение гражданина от обязательств в деле о банкротстве: некоторые вопросы судебной практики.....37

Трещева Е. А. О полномочиях апелляционной инстанции в арбитражном процессе России.....46

Бортников С. П. Правовой реализм и правовая доктрина в судебной практике.....54

Кузнецов С. А. О взаимной связи между первоначальным и встречным исками. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2016 № 301-ЭС16-4180 по делу № А82-1475/2012.....67

Кузнецов С. А. О последствиях неправильного выбора меры ответственности за нарушение обязательства.....78

Матюхина Т. М. Процедура рассмотрения материалов налоговой проверки: правовые последствия ее нарушения.....84

Мачучина О. А. Примирение в рамках дел о несостоятельности (банкротстве): доктрина и практика.....104

Карякина М. Ю. Внесудебное банкротство: перспективы регулирования.....112

Анаева Е. А., Ланг П. П. Правовая позиция суда и судейское усмотрение в юридическом процессе.....117

Шаруева Н. В. Нравственность правосудия и профессиональная правовая культура судьи.....125

Холмецкая Е. А. Снижение договорной неустойки как способ судебной защиты.....129

Ланг П. П. Сущность права: социально-аксиологическая интерпретация.....139

Шаймурзин Р. Р. Правовая природа института несостоятельности (банкротства) физических лиц в России.....144

Агеева Г. Е. Совершенствование гласности гражданского судопроизводства: к проблеме соблюдения прав участников.....151

Дорофеева Ю. А. Закон местонахождения вещи, закон наиболее тесной связи и конфликт квалификаций: определение принадлежности к недвижимому имуществу в отношениях с участием иностранного элемента.....160

Лошкарев А. В. К вопросу о деятельности судебных примирителей в условиях принятия регламента проведения судебного примирения.....166

Скачкова О. С., Ширяева А. И. Роль и значение совершения нотариальных действий в корпоративных правоотношениях.....173

Чуракова Е. Н., Ширяева А. И. Правовые механизмы разрешения корпоративного конфликта (дедлока): анализ судебной практики.....184

Губайдуллина Э. Х. Проблемы правового регулирования трансграничного банкротства в России.....193

Руднева Ю. В. Делопроизводство и документооборот в арбитражных судах: прошлое и настоящее.....199

РАЗДЕЛ 3. ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Обобщение судебной практики рассмотрения Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом споров, возникающих из договоров энергоснабжения.....210

Обобщение судебной практики рассмотрения Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом споров о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве.....231

Научное издание

**Судопроизводство в арбитражных судах:
антология научной мысли и практика
правоприменения**

Сборник научных трудов
Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда

Под редакцией Н. Р. Сафаевой

Корректорская правка *Л. В. Шияновой*
Компьютерная верстка *А. П. Тарасова*
Дизайн обложки *Э. В. Шумковой*

Подписано в печать 06.05.2020.
Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 14,88. Тираж 100. Заказ 299.

ИП Зуев Сергей Анатольевич
443077, г. Самара, ул. Свободы, д. 137 А, кв. 22.

Издательский отдел
Тел.: (846) 246-97-01, 205-31-31
e-mail: knigaasgard@yandex.ru, www.asgard-samara.ru